Л 2-13

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI~XVII вв.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

86488

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI~XVII вв.

МОСКВА
1991

Настоящий сборник на материале различных групп русской лексики предлагает предварительную разработку вопросов исторической лексикологии русского языка. В отличие от сборника "Русская региональная лексика XI–XVII вв." (1987) он содержит исследования общеупотребительной лексики, имеющей широкое распространение и охватывающей народно-разговорный, деловой, правовой, научный, литературный и др. функциональные стили.

В диахроническом аспекте прослеживаются некоторые лексические процессы, намечаются основы для классификации лексики.

РЕДАКТОРЫ: д.ф.н. Г.А. Богатова
к.ф.н. Л.Ю. Астахина

РЕЦЕНЗЕНТЫ: д.ф.н. А.И. Горшков
к.ф.н. А.Д. Васильев

© Институт русского языка АН СССР

4
1-43

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

86488

ОТ РЕДАКТОРОВ

"Слова каждого языка образуют систему и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы"

Л.Ь. Щерба

"Поиски реально существующих лексико-семантических групп (или рядов, разрядов) слов необходимы, поскольку без них невозможно системное описание словарного состава"

Ф.П. Филин

Историческая лексикология как самостоятельная область исследования имеет свой объект изучения - историю слова, историю словарного состава, закономерности в развитии системных связей слов данного языка.

В отечественном языкознании одним из первых обратил внимание на системные связи в лексике Н.В. Крушевский. В книге "Очерк науки о языке" (1883) он сформулировал как основной принцип развития языка "закон соответствия мира слов миру мыслей". Согласно "ассоциации по сходству, - писал он, - слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда", а вследствие "ассоциации по смежности те же слова должны строиться в ряды". Подчеркивая зависимость изменения значений слов от изменения наших представлений о реальной действительности, он высказал мысль о том, что "слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и означаемые ими вещи".

А.А. Потебня оставил перед исторической семантикой задачи "открытия исторических закономерностей изменений не только больших, более или менее замкнутых систем слов, но и общих разрядов мысли , основных семантических, лексико-грамматических, а также словообразовательных категорий языка" ("Из записок по русской грамматике", т. Ш. 1899). Он считал, что язык в настоящем своем виде объединяет в себе и созидательные и разрушительные силы. Собственный смысл слова, как писал А.А. Потебня, "соответственно замене обветшалых звуков и форм новыми... поддер-

живается в памяти народной сопоставлением этого слова с другим, имеющим сходное с ним основное значение" ("О некоторых символах в славянской народной поэзии". 1914). Благодаря этому языком осуществляется общественно-познавательная функция, когда сформированные и закрепленные в словах и выражениях понятия мысли, опыт передаются от поколения к поколению. Он стремился объяснить проблемы обусловленности семантических изменений и специфики смысловой стороны языка особенностями всей языковой системы и факторами общественно-исторического развития народа - создателя и носителя языка.

Развивая эти мысли предшественников, М.М. Покровский выдвигает тезис о закономерности семантических изменений слов. "Вариации значений слов... в действительности подчинены определенным законам, - пишет он. - Нужно искать первоначальную причину изменения значений слов в соответствующем изменении условий жизни и в реальном окружении, в котором находятся данные предметы и люди... и можно открыть в изучаемых явлениях довольно тонкие оттенки" ("Соображения по поводу изменения значений слов". 1895).

М.М. Покровский изучал историю целых систем слов в разных языках. История значений слова, считал он, "будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним, а главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений" ("Семасиологические исследования в области древних языков". 1895). Им поставлены такие вопросы, как влияние семантического контекста на значение слова, как пути наполнения слов новым содержанием в зависимости от синтаксической конструкции, в которой слово реализует то или иное свое значение, а также воздействие морфологических и словообразовательных закономерностей на семантику слова.

Это понимание системного характера лексики и закономерностей изменения ее семантики до настоящего времени составляет основу историко-лексикологических исследований, объектом которых все чаще становятся лексические совокупности, сформированные на основе самых разнообразных критериев.

На протяжении исторического развития русского языка состав лексических групп, соотношения и связи слов внутри каждой из них, характер их взаимодействия, их положение внутри основного словарного фонда менялись. В.В. Виноградов считал главной задачей исторической лексикологии изучение закономерностей измене-

ния групп лексики в их историческом движении, в неразрывной связи с развитием общества, с историей народа. Он писал: "... Слова и их значения, в которых закреплены успехи познавательной деятельности народа, не могут не быть объединены в языке в стройно организованную систему... Таким образом, причины появления новых слов и новых значений старых слов по большей части заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности, а также в развитии мышления" ("О некоторых вопросах русской исторической лексикологии". 1953).

В.В. Виноградов считал, что "вопрос о предметно-смысловых связях в лексической системе языка и закономерности их исторических изменений - один из самых трудных и вместе с тем основных вопросов исторической лексикологии. Он тесно связан с общетеоретической проблемой слова, понятия и значения, с конкретно-историческими вопросами о разных принципах связи, взаимодействия и соотношения значений слов в лексической системе языка в разные периоды ее истории" ("О некоторых вопросах русской исторической лексикологии". 1953). "Самое главное, - продолжает В.В. Виноградов, - установить внутренние закономерности предметно-смысловых связей, определяющих единство и границы того или иного семантического ряда или семантической группы слов, а также ее отношение к другим семантическим группам" (Там же).

В классическом труде "Русский язык" (1947) В.В. Виноградов говорит и о характере этих связей: "Русскому (как и другому) национальному языку свойственна своеобразная система образования и связи понятий, их группировки, их расслоения и объединения в "пучки", в "комплексные единства".

Позднее Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров ("К развитию концепции слова как вместилища знаний" // "Язык и речь как объект комплексного филологического исследования". 1980) обозначат эти отношения как исторически сложившиеся вследствие специфического "фонового компонента" в значениях слов, образующих лексико-семантическую группу. В пределах лексического фона авторы различают межъязыковые и национально-культурные семантические доли. Эти доли, семы динамичнее, подвижнее лексического понятия, стоящего за словом в целом; они входят в семантику производных слов, усиливаясь в них. Понятийная семантика, по мнению авторов, стабильна, а лексические фоны модифицируются, усложняя связи слов в диа-

хронии. Опираясь на положение В.В. Виноградова о том, что связь отдельного значения слова как обязательного элемента семантической системы осуществляется с нею "через посредство внутренне объединенных разнообразных предметно-смысловых и экспрессивно-синонимических словесных групп" ("Основные типы лексических значений слова". 1953), А.А. Уфимцева на материале английского языка предлагает следующее деление лексики на группы: предметные, терминологические, этимологические, лексико-грамматические классы слов, словообразовательные группы, понятийные или семантические поля, семантико-синтаксические и фонетико-семантические группы. Так, в предметные группы объединяются слова, обозначающие предметы и процессы по сходству или общности функций. Фонетико-семантические группы представляют собой объединения "своеобразных фоно-морфологических вариантов слов, разошедшихся в своем лексическом значении". Понятийные группы А.А. Уфимцева относит к "полям", представляющим собой "абстрактные, отвлеченные от средств их языкового выражения понятийные сферы различных областей социальной, политической, нравственной или духовной жизни народа, как они присутствуют в сознании говорящего на данном языке коллектива". Лексико-грамматические классы слов представляют собой части речи, а этимологические группы формируются "по генетической общности слов" ("Опыт изучения лексики как системы". 1962).

Много внимания вопросам классификации лексики на современном и древнем русском материале уделял Ф.П. Филин. Как словарник, много работавший в монументальных жанрах лексикографии, он понимал, что "рост словарного состава не оказывает сам по себе какого-нибудь влияния на соотношение уже установившихся родовых и видовых понятий".

В основе его классификации лежат отношения между словами, объединяемыми в группы. В тематических группах эти отношения строятся только на внешних отношениях между понятиями, причем при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чем-либо существенном их значений". Лексико-семантические группы слов представляют собою внутреннее специфическое явление, обусловленное историческим развитием языка, их компоненты не могут произвольно классифицироваться без разрушения существующих между ними отношений. Синонимические и антонимические отношения Ф.П. Филин считал двумя важными видами семантических связей слов в лексико-семантиче-

ской группе. Определенное соотношение родовых и видовых понятий может наблюдаться как в тематических, так и в лексико-семантических группах, причем в последних не обязательно наличие слова, обозначающего родовое понятие.

Таковы мысли Ф.П. Филина об основных группах слов и отношений (синонимических, антонимических, гипергипонимических) в русском языке, высказанные им еще в 1957 г. и более сжато сформулированные в одной из частей книги "Очерки по теории языкознания" в 1982 г.

Помещенные в настоящем сборнике статьи находят опору в теоретических положениях Ф.П. Филина, подкрепляя их большим числом лингвистических фактов, а в некоторых случаях углубляя и развивая его мысли на основе лексикографических трудов (Древнерусский словарь XI-XIУ вв. Словарь русского языка XI-XУП вв.) и региональных лексикографических исследований.

Рассматривая тематические группы в современном русском языке и указывая на построение лингвистических классификаций, ориентирующихся на классификации предметов и явлений действительности, Д.Н. Шмелев предостерегает от того, чтобы этот подход не привел языковеда к утрате предмета своей науки, к лингвистическим ошибкам ("Проблемы семантического анализа лексики". 1973). Классификация славянских древностей, по Л. Нидерле ("Славянские древности". 1936), имеет свои недостатки, но скорее содействует и как проверочный ориентир поискам историков-лексикологов и лексикографов. От классификации Халлиган фон-Вартбурга проделан определенный путь к классификациям В. Морковкина ("Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь". Под ред. В.В. Морковкина. 1984) и Н.Ю. Шведовой (Shvedova N.Y. An explanatory Dictionary of the Modern Russian Literary Language Arrange According to Lexico-Semantical Word Classes . Budalex' 88, 4-9 September 1988).

Нельзя не признать, однако, что в этих двух последних случаях авторы с успехом работают со словниками словарей небольших объемов и узкого синхронного среза (т.е. на материале только современного языка). На этом же материале строится классификация и в статье В.В. Левицкого "Типы лексических микросистем и критерии их различения" (Филологические науки // № 5, 1989), в которой предусматривается учет в семасиологии всех признаков лексических групп: обусловленности в них лексических связей,

типы структурных отношений , тип и местоположение слова в системе. Автор рассматривает вслед за А. Уфимцевой и Ю. Карауловым "семантическое поле", "лексико-семантическую группу", синонимические ряды, антонимические пары, тематические, гипонимические группы, ассоциативные поля. Для исторической лексикологии критерии классификации еще предстоит выработать, и настоящий сборник, рассматривающий лексические группы в диахронии, как мы надеемся, будет этому способствовать.

Одной из важных черт, характеризующих многие лексические совокупности, является , например, наличие наименования с родовым значением. Этот интегральный признак присущ, например, таким достаточно консервативным группам бытовой лексики, как наименования растений, мехов, сосудов, пищи, напитков, одежды, обуви и др. На протяжении веков в языке происходил отбор: из нескольких родовых или из числа видовых наименований в качестве обобщающих оставались те, которые имели либо наибольшую частотность, либо поддерживались однокоренными глаголами. Наличие такого интегрального признака, как обобщающее наименование в тематических группах, выявляет в языке тенденцию к оформлению этих групп, хотя этот признак не должен и не может служить единственным критерием для такой группировки. Необходимо учитывать факты деривационного и синтагматического единства тематических групп.

Другим критерием можно признать определенные системные отношения между разными тематическими группами слов в пределах широкого разговорно-бытового лексического пласта. Эти отношения выражаются в том, что нередко входящие в группу наименования возникают в результате вторичной семантизации существующих в языке слов. Таковы, например, группа наименований мехов, относительно поздно образованных путем метонимического переноса названий животных, некоторые меры длины, являющиеся по происхождению наименованиями частей человеческого тела (например, локоть) и др. Исключив такие тематические группы с вторичной семантикой как образовавшиеся в более позднюю эпоху, можно выделить в языке целый ряд древнейших групп слов.

Вопрос о последовательном и всестороннем монографическом описании состава тематических групп на разных этапах развития языка с неизбежностью выдвигается перед исторической лексикологией. Воссоздание истории эволюции целостных микросистем наряду с описанием истории слов, анализ этих систем в плане функцио-

рования по отдельным хронологическим периодам развития языка - вот условие создания обобщающего труда по исторической лексикологии русского языка. Только фронтальное обследование лексики и конкретные подсчеты составных элементов словарного состава языка, насчитывающего многие тысячи слов и устойчивых словосочетаний, могли бы послужить базой для создания исторической лексикологии русского языка.

Тематические и лексико-семантические группы слов, исследованные авторами статей, относятся к самым разным областям русской действительности XI-XVII вв. Это разные группы предметно-бытовой лексики, лексика полеводства, наименования рельефа местности, астрономическая специальная лексика, термины русского права, военная лексика, группы слов с одинаковыми морфологическими признаками и т.п.

Авторы ставят и решают вопросы о том, что формирует и "скрепляет" тематическую группу, как объединяются слова внутри лексической совокупности, какие признаки присущи той или иной группе. Исследование историка-лексиколога почти всегда ведется в диахроническом аспекте, т.к. только в диахронии можно наблюдать единство процесса номинации членов тематической группы. Только в процессе функционирования слов в диахронии можно проследить факты родо-видовых смещений в этих группах. Именно в диахроническом исследовании можно выявить принципы и пути формирования терминологических групп.

Плодотворным оказывается и изучение во времени процессов, происходящих в лексико-семантических группах. Исследование в диахронии групп, состоящих из близких синонимов, показывает, что они могут служить базой для образования новых слов и групп слов. Смысловые преобразования, связанные с их новыми отношениями к смежным лексическим рядам, накладывают отпечаток и на их собственное положение в составе основного словарного фонда.

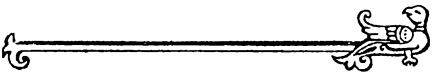
Для исторической лексикологии такой подход важен вдвойне, т.к. он дает возможность изучать лексику как на синхронных срезах отдельных периодов, так и в диахронии, а это в свою очередь не только помогает описать лексику отдельных временных пластов, но и показать язык в процессе его развития. Он помогает увидеть, что изменение в смысловой структуре слова приводит к деформации соотносительных связей в пределах лексико-семантических групп, синонимических рядов и даже сращений, а это не замедляет отра-

зиться на семантической структуре языка в целом.

Членение и описание лексики по тематическим группам, исследование их в синхронии и диахронии – это один из возможных путей к созданию обобщающего труда по исторической лексикологии. Статьи сборника посвящены конкретным исследованиям групп слов, как из вновь привлекаемых еще не известных науке рукописных источников, так и опубликованных. Обращают на себя внимание такие особенности этих работ, как теоретические обоснования в их вводных разделах, как предложение расширить лексико-семантические группы за счет включения в них словосочетаний (см. статью Г.Ф. Одинцова). Теоретические положения относительно тематических групп в статье Г.Н. Лукиной открывают перспективы дальнейшей работы с группами лексики и выделения из нее древнейшего слоя не по интуиции, как это бывало раньше, а на твердых лингвистических основаниях. Особенности формирования специальной лексики, ее разрядов раскрываются в статьях Л.П. Рупосовой, В.Я. Дерягина, М.Н. Полынской. Важность исследования географической терминологии, имеющей тенденцию переходить в разряд микротопонимов раскрывается в статье Г.П. Смолицкой. Процесс перехода наименований полевых культур в диахронии в группу терминологическую исследуется в статье Л.Ю. Астахиной. Критерии выделения групп предметно-бытовой лексики разрабатываются Г.В. Судаковым. Глубинные процессы диахронических преобразований в лексико-семантической группе раскрыты в статье В.В. Колесова. Статья С.С. Волкова и Е.И. Зиновьевой, а также статья Р.В. Железновой посвящаются изучению групп лексики с одинаковым морфологическим компонентом.

Сокращенные обозначения источников, не вошедшие в пристатейные списки, см. в кн.: Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. Составители С.Ф.Геккер, С.И.Мордовина, Г.Я.Романова. М.: 1984.

Редакторы благодарят В.Я.Дерягина за помощь в формировании сборника, К.А.Максимовича за консультации по греческим и латинским текстам, М.С.Рыхлову за подготовку машинописи сборника.

Критерии вычленения и аспекты изучения лексических групп

Г.Н.Лукина

О ПРИЗНАКАХ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП И ПОДГРУПП ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕКСИКИ (XI–XIУ вв.)

Необходимой предпосылкой изучения словарного состава языка является его классификация. Анализируя предметно-бытовую лексику древнерусского языка, мы расчленяем ее на тематические группы слов, понятие о которых разработано в трудах Ф.П.Филина, О.И.Трубачева, Д.Н.Шмелева и др. Так, Д.Н.Шмелев пишет, что отображая отрезки действительности, слова связаны между собой, так взаимосвязаны и отображаемые ими явления самой действительности. Благодаря этим внеязыковым связям слова объединяются в тематические группы. Но хотя выделение тематических групп основано на внеязыковых критериях, оно не осуществляется помимо тех рамок, которые устанавливаются языком, и тесно связано с характером семантических отношений, свойственных данному конкретному языку [1, с.13–14].

Ранее типологию ряда тематических групп в славянских языках осуществил О.Н.Трубачев. В частности, он отметил, что в некоторых случаях анализ групп, первоначально выделенных по внелингвистическим признакам, показывает, что разделение совпадает с лингвистической характеристикой этих групп (названия каш) [2, с.16]. Принципиально важным для последующих исследований является положение О.Н.Трубачева о том, что далеко не все совокупности слов, заслуживающие название "тематическая (семантическая) группа словаря" одинаково организованы и равны по возрасту: "каждая из таких групп представляет подчас неповторимое своеобразие внутренней организации и носит признаки существенного "возрастного" отличия (примерная хронология оформления)" [2, с.3].

В настоящей статье объектом наблюдения является предметно-бытовая лексика древнерусского языка, представленная в памятниках письменности, которые положены в основу картотеки Словаря древнерусского языка XI–XIУ вв. Проведен анализ следующих тематических групп: названия тканей, одежды, обуви, головных уборов, украшений, драгоценных камней, мехов, сосудов, пищи и напитков. При необходимости привлекался материал, относящийся к другим разрядам лексики: названия растений, животных, мер, денег, частей тела, термины родства.

Наблюдения над материалом показывают, что при анализе сра

нительно широкого лексического фона, не ограниченного рамками какой-либо одной тематической группы слов, можно, видимо, выявить некоторые чисто языковые признаки подобных групп – как частные, так и более общие.

Представляется, что важнейшим общим признаком, характеризующим не одну тематическую группу слов, следует считать признак наличия наименования с родовым значением. Так, древнерусские видовые наименования мехов, построенные на основе разных принципов номинации – типа овьчина, медвѣдина, с одной стороны, и типа бобръ, лисица, с другой, – объединены при помощи наименования с общеродовым значением мѣхъ ('мех'). Это слово зафиксировано как в оригинальных, так и в переводных памятниках: да прошаи у Юрия. полтини... а михи и серебра не добудеть до пути. пошли с Нестеромъ симъ (Гр Б № 354, 40-70 XIУ); ни мѣха ни мѣди ни жезла повелѣвая носити (ПНЧ 1296, 68 – Список источников см.: 3, с.98-167).

Многочисленные древнерусские названия сосудов типа бадья, глькъ, ковшь, миса и др. дополняются наименованием съсудъ, имеющим значение 'сосуд вообще'. Тексты оригинальные и переводные: или которыи немчичь купить съсудъ серебрьныи. дати ему о(т) грвны куна вѣсцю (Гр 1229, смол. Е); съсудъ не прииметь воды без дна (Изб 1076, 235 об.).

Но в условиях древнерусского языка по ряду причин (назовем, например, слабую нормированность, влияние родственного литературного языка и др.) обобщающее наименование редко являлось единственным. Например, наряду с частотным наименованием съсудъ находим также редкое синонимичное образование съсудина: а члвцы не сы(ти) и еда ину иму(т) утробу пию(т) а иную брашну. еда и покоя не иму(т) пьюще. и льють яко въ утлу съсу(д)ну. донь(дѣ) же възбѣсѣю(т) о(т) пьяньства (ЗЦ к. XIУ, 46а).

Фактически можно говорить о наличии нескольких наименований с родовым значением. Так, для названий пищи следует перечислить целый ряд подобных слов: пища, ѣдь, сънѣдь, кърмъ и др.

В качестве примера остановимся на наименованиях с родовым значением, характеризующих одну из разветвленных групп древнерусской предметно-бытовой лексики, – названия одежды. Конкретные наименования одежды дополняются целым рядом наименований общего характера. Причем, известное современному литературному языку слово одежда наблюдается в древнерусский период (XI-XIУ вв.)

лишь в ограниченном круге памятников переводного характера: Простѣишааго въ всемь и ишти и въ брашьнѣ и въ одежди (Изб 1076, 30 об.). Более распространенным вплоть до начала XV в. является собственно древнерусский вариант одежа. Памятники оригинальные и переводные: не имыи у себе ничего же. развѣ одежа в неиже хожаше (ЖФСт XII, 28в); никто же убо о(т) мнихъ въ льняну. или въ каку любо да облѣчеться одежю (УСт XII/XIII, 223). В другой паре одѣяние – одѣние менее употребительным является вариант одѣяние, который зафиксирован лишь в переводных памятниках: одѣания же о(т) рубищь власяных суть (ЖВИ XIV–XV, 68г). Синоним одѣние употребляется чаще и в обоих типах памятников: с[т]ворить мужеви своему очерьвлена и багряна сообѣ одѣнья (ЛЛ 1377, 26, 980); обьща всѣмъ имѣти одѣниа повелѣ (ЖФСт XII, 81 об.).

Частотным наименованием с общим значением является также слово пъртъ. В период ранних памятников письменности родовое значение 'одежда' связано как с формой ед. числа этого существительного, так и с формой множ. числа. Причем, если формы ед. числа в отдельных случаях могут выступать и в значениях 'кусок ткани', 'риза священника', то формы множ. числа наблюдаются исключительно в общеродовом значении. Это характерно как для оригинальных, так и для переводных памятников: новъгородци же съседавъше съ конь и порты съметавъше... поскочиша (ЛН XIII–XIV, 85 об., 1216); тогда с҃тая Домна обълкъшися въ мужьскыя порты. нощию възимаше с҃тхъ мощи и погрѣбаше (ПрЛ XIII, 109б).

Самым употребительным наименованием одежды с родовым значением является слово риза. В картотеке СДР XI–XIV вв. представлен 601 случай его употребления в текстах обоих типов: кто колиждо подаваше ему. овъ ризу инъ же что хотяше (СкБГ XII, 21а); г҃па ему нищии. не хощу хлѣбу нъ ризѣ (ПС XI, 7).

Анализ материала показывает, что часто (хотя и не обязательно) наличие обобщающего наименования обусловлено наличием глагола с общим значением: тъкати – тъкань, тъкание; обути (обувати) – обувь, обувение; пити – питие. Ср. образования от глаголов питати, кърмити, ѣсти, сънѣсти и др. Видовые наименования в своем большинстве не имеют отглагольного характера.

В ходе развития лексической системы языка некоторые из избыточных синонимических наименований могут утрачиваться. Так произошло, например, в группе древнерусских названий обуви, где в ранний период наблюдался целый ряд наименований с родовым зна-

чением: обувь, обувение, обутѣль, обуща. В дальнейшем в литературном языке сохранилось только слово обувь.

В некоторых случаях видовые наименования не дополняются родовым термином, например, у древнерусских названий головных уборов, что коренным образом отличает эту группу от названий обуви. В подобной ситуации функцию термина иногда берет на себя одно из видовых наименований, обычно – это наиболее частотное слово. Подобное наблюдение сделано для старорусского периода Г.В.Судаковым: "Обобщающего названия головных уборов, единого для всех типов письменных текстов, в XУП в. не было. В деловой письменности такое общее название, кажется, и вовсе отсутствовало, хотя некоторые потенции к этому проявляло слово шапка" [4, с.62]. В более поздний период может появиться составное наименование. Так, сочетание головной уборъ в терминологическом значении отмечено в тексте, относящемся к 1724 г.: Женскїе головные уборы, каскеты, корнетїки, разными манерами (Торг. устав мор., 33).

Интересна история другого составного наименования с общим значением 'драгоценный камень', которое возникло, видимо, на основе контаминации известных еще в ранней письменности сочетаний драгыи камы (камыкъ) и мъногоцѣньныи камы (камыкъ): не измѣни брата при//снааго злата дѣля и камене драгааго (Изб 1076, 158 об. – 159); злато и многоцѣнънои камень и украшенья ручная злообразну жену обличають (Пч к. XIУ, 92).

Итак, выявляя в языке тенденцию к оформлению тематической группы слов при помощи обобщающего наименования, можно считать, что наличие такого наименования – общий признак этих групп, свидетельство их определенной оформленности и вероятной древности. В этом смысле можно предположить, что к относительно более старым тематическим группам относятся названия тканей, одежды, обуви, пищи. Конечно, данный признак не должен служить единственным критерием для подобных утверждений. Так, например, названия мехов, несмотря на то, что они оформлены при помощи обобщающего наименования, нельзя считать относительно древними, так как они не являются первичными по своей семантической структуре (большинство из них образовано от основ названий животных).

Подобная вторичность семантики тех или иных наименований может быть рассмотрена в качестве другого общего признака ряда тематических групп. Изучая лексику ранних памятников письменности, удалось отметить, что существуют определенные системные от-

ношения между разными группами слов в пределах широкого лексического пласта. В частности, наблюдается целый ряд семантических связей между отдельными тематическими группами слов. Такие связи затрагивают не только лексику, связанную с материальной культурой (сам предмет исследования), но и лексику, связанную с миром природы и человека. Так, ряд славянских (и не только славянских) названий мер длины представляют собой термины антропометрического происхождения: ср. древнерусское локъть, у которого значение 'мера длины' представлено как в оригинальных, так и в переводных памятниках.

Вторичными по своей семантической структуре являются также некоторые наименования видов пищи. В частности, в определенном контексте название того или иного растения и совпадающее с ним название плода получает значение 'вид пищи': бобъ, горохъ, груша, дыня, капуста, кропъ, лукъ, макъ, орѣхъ, пьпырь, ривифь, рѣпа, слива, смоквы, фюникъ, чеснъкъ и др. Это явление характерно для различных памятников: ядяхомъ мя(о)а лукъ и хлѣбы до сыти (ЛЛ 1377, 32, 986); и ямы мангерии съ сливами безъ масла. и капусту (ПНЧ XIУ, 1976).

Аналогичный процесс происходит и при образовании конкретных наименований видов пищи животного происхождения. Существенным различием, однако, является сравнительно малое число этих наименований. Приведем редкий пример: на обѣдѣ же служьба бѣ многа. съсуди златъмь съкованн. и сребрьмь. брашьно много // и различьно. тетеря. гуси. жеравие. ряби. голуби. кури. заяци. елени. вепреве (СбТр XП/XШ, 3 об. – 4). Кроме действия некоторых этнографических факторов, причины данного явления связаны, как нам представляется, и с языковой действительностью: с активным влиянием определенной словообразовательной модели с суффиксом -ина (в более поздний период – -ятина), оформляющего наименования мясной пищи (см. об этом ниже).

Другие исследованные группы лексики также характеризуются наличием целых разрядов слов с вторичной семантикой. Так, довольно регулярно слова, являющиеся названиями тканей, получают значение 'одежда из данной ткани': мы же пло(т) свою питае(м). и лномь и шелкы одѣвае(м) (ГБ XIУ, 99б); ты нине в оксамитѣ стоиши. а князь нагъ лежить (ДИ ок. 1425, 208 об., 1175). В памятниках XI–XIУ вв. представлено большое количество подобных существительных: платьно, вусь, вусинь, сукно, багрь, прапруда, брачи-

ма, акинѳъ и др.

Вторичные значения регулярно образуют существительные со значением 'вид сосуда'. Как отмечалось исследователями, эти названия представляют собой терминологизированное значение 'мера объема'. Примеры отмечаются в непереводных памятниках: вирьнику взяти ·з̄· // вѣдеръ солоду на не(д)лю (РПр 1280, 6166-в); и купляху кадь ръжи по ·д̄· гривѣ (ЛН XIII-XIУ, 37, 1170). Многие из исконных названий сосудов в языке ранних памятников письменности встречаются только во вторичном значении 'мера объема': дежька, коробъ, къбьль, лукъно, мѣтра, пузъ.

Иногда образовавшееся в рамках той или иной тематической группы слов вторичное значение в свою очередь является базой для возникновения еще одного или нескольких значений. В частности, появление подобной цепочки значений является характерным для древнерусских названий мехов. Большинство из них, как было сказано выше, образуется путем метонимического переноса названий пушных зверей. Это характерно для обоих типов текстов: уставихъ убо даяти на дн̄ь ·ѳ̄· вѣверицъ убогымъ (ПНЧ 1296, 519); копимъ сребро и соболи. и ина узорочья (ЛН XIII-XIУ, 52 об., 1193). Круг этих существительных довольно широк: бобръ, вълкъ, лисица, пьсьць и др. У подгруппы наименований беличьих и куньих мехов (бѣла, бѣлька, вѣверица, вѣкъша, куна, куница) происходит дальнейшее семантическое развитие - образование значения 'денежная единица': бѣлиль на бѣлку мыла на бѣлку бургалскога (ГрБ № 288, 10-30 XIУ). Если значение 'денежная единица' существовало практически у всех названий куньих и беличьих мехов, то более абстрактное значение 'вид пошлины' или 'деньги' развилось только у слов куна, куница: и кунами тому давъ отъпусти и (ЖФП XII, 43в); и с нашего монастыря Островъского куницы не брати а никаких пошлинъ (Гр ок. 1399, 5, полоцк.).

Заканчивая краткий семантический анализ данной лексики, можно предположить, что исключив целый ряд тематических групп слов, для которых характерны наименования с вторичной семантической структурой, получим в результате такого сопоставления список относительно более древних (по этому признаку) групп слов: названия животных, растений, тканей, сосудов и, очевидно, названия частей человеческого тела.

Переходя к описанию отдельных признаков тематических групп слов, следует остановиться на тех особенностях, которые состав-

www.ruslang.ru

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ... СССР

ляют специфику той или иной группы. Так, анализируя группу названий драгоценных и полудрагоценных камней, можно отметить, что судя по материалам картотеки СДР, эта группа состоит из заимствованных слов: адамантъ (ἀδάμας , -ντος), уакинѳъ (ὑάκινθος), анфраксъ (ἄνθραξ), варилионъ (βηρύλλιον), измарагдъ (σμάραγδος), топазии (τοπάζιον), сапфиръ (σάπφειρος), хрузолифъ (χρυσολίθος), амѢфустонъ (ἀμέθυστον), онухионъ (ὀνύχιον), сардонихъ (σαρδόνυξ) и т.д. Приведем пример: ·а̃· же стихъ се имяше сардонихъ, и топазия, измарагда. ·в̃· же анфракса, аспиди, самфуро ·г̃· же лигурионъ, амѢфустонъ, ахатинъ ·д̃· же хрусолифъ, онухионъ, ливириономъ (ГА XIII–XIУ, 27б). Как видно, в основном эти слова являются грецизмами или заимствованиями из других языков через греческое посредство. Лишь наименования жемчуга – женчюгъ, жемчюгъ и бисьръ (последнее представляет собой слово с давней литературной традицией, в том числе и на старославянской почве) являются старыми тюркизмами. Объяснения генетического единства слов данной группы следует искать в причинах культурно-исторического порядка. Что касается некоторой вариативности подобных названий, то тут большую роль играл факт неоднократности заимствований на протяжении длительного исторического периода развития языка. Иногда заимствуются неодинаковые варианты, существовавшие в самом греческом языке: σάπφειρος и σάμφειρος . В ряде случаев заимствовались разные греческие слова одного корня, что представлено в случаях типа адамантъ и адамантинъ, сардонихъ и сардионъ. Возникновение вариантов возможно также при заимствовании разных падежных форм одного и того же греческого слова: аспидъ и асписъ (ἴάσπιδος , ἴάσπις); ахатисъ и ахатинъ (ἀχάτης , ἀχάτην). Подобная вариативность характерна для языка ранних памятников письменности и не выходит за пределы древнерусской нормы.

Но есть случаи, когда вариативность предоставлена гораздо более широко и не относится к заимствованной лексике. Например, лишь незначительная часть компонентов группы древнерусских названий сосудов не имеет вариантов. Это, в основном, низкочастотные заимствования-грецизмы, зафиксированные в языке переводных памятников и утратившиеся впоследствии: алавастръ, викия, киликисии, кратырь, хитронъ. Большинство других наблюдаемых как в переводных, так и в оригинальных текстах названий сосудов имеет разнообразные варианты, относящиеся к разным уровням языка.

Сравнительно слабо представлены разнокоренные варианты – лексические синонимы типа мѣтра – кърчага, укропьникъ – кърчага, конобъ – водонось, чаша – потиръ, алавастръ – стьклянница, глекъ – сьсудь, что наблюдается по материалам параллельных текстов и глоссариев. Напротив, однокоренные взаимозаменяемые варианты представлены в текстах очень широко. Они могут касаться фонетического уровня языка, выявляя, в частности, различия системного характера: нъчьва др.-русск. – нъщьва ст.-слав. Иногда вариантность отражает морфологические явления: разные типы склонения (кърчага – кърчагъ), указания на твердую или мягкую разновидность в пределах одного типа склонения (конобъ – конобь). Но самую многочисленную группу вариантов в пределах данного лексического разряда составляют словообразовательные (суффиксальные) варианты. В пределах суффиксальной вариантности центральное место занимают многочисленные слова с уменьшительными по происхождению суффиксами: -ъкъ, -ъка, -ъко, -ьць, -ица, -ьница, -икъ, -ьникъ. Ср. пары типа овкачь – овкачикъ, вѣдро – вѣдърько, котьль – котьльць и др. Лишь изредка уменьшительное значение суффикса подтверждается противопоставлением в контексте: блюдо – блюдьце мьньшее, лукъно – лукъньце мало, кадь – кадъка малая, чаша – чашька малая. В других случаях подобные варианты, образующие иногда целые словообразовательные ряды (тыкы – тыкъвьць – тыкъвица, коробь – коробъчька – коробъка и др.), употребляются без указаний на уменьшительное значение. Подводя итог краткому анализу наименований сосудов, можно заключить, что повышенная вариативность является, по нашему мнению, отличительным признаком этой группы в древнерусский период.

Удалось также отметить присутствие у ряда исследуемых групп лексики некоторых словообразовательных признаков, что может являться определенным свидетельством связи семантического и словообразовательного уровней языка. В частности, наблюдаются некоторые общие тенденции у групп слов со значением ‘ украшение’ и ‘деталь одежды’. Близость этих групп объясняется, видимо, единством производящей основы, которая представляет собой существительное со значением ‘часть тела’. Называемое украшение или деталь одежды характеризуется положением по отношению к данной части тела: обручь ‘ручное украшение’, ожерелье, попьрсьць. На первый взгляд, набор словообразовательных средств (префиксальных и префиксально-суффиксальных) представляется довольно неоднород-

ным: пьрстень, гривьна, рукавъ, подъпазушье. Но есть, как нам кажется, и продуктивные модели, в частности, восходящая к предложно-падежной конструкции модель с приставкой на- и различными суффиксами: наремьникъ, наремьница, наплечьница, наплечьки (мн.), наногъва. Распространенность данной модели подтверждается и материалами славянских языков, где среди указанного круга лексики часты однотипные образования: ср. слов. **naramnica**, **naušnica**, чешск. **náramek**, **náhrdelnik**, сербск. наушница, польск. **nasyjnik** и др. В дальнейшем, видимо, особую продуктивность в русском языке приобрела частотная префиксально-суффиксальная модель на-...-ник.

Подобные семантико-словообразовательные отношения затрагивают не только и не столько всю тематическую группу в целом, а какую-то ее часть. Ведь в большинстве случаев подобные группы слов имеют сложную структуру, распадаясь на целый ряд более дробных семантических подразделений, которые можно условно назвать подгруппами слов (например, упомянутая выше подгруппа названий деталей одежды). Следует отметить, что именно в их рамках чаще наблюдаются факты, когда с подгруппой слов соотносится та или иная словообразовательная модель. Можно сказать, что некоторые подгруппы слов конкретно-бытовой лексики древнерусского языка имеют тенденцию быть оформленными при помощи определенных словообразовательных средств. Так, например, среди древнерусских наименований одежды следует выделить подгруппу слов, имеющих значение 'плохая, грубая одежда', для которых характерно наличие суффикса -ище (образованы на основе соответствующего непроизводного существительного). К ним относится, в частности, существительное рубище, встретившееся в переводных памятниках: съвлецѣмся свѣтлыя ризы добродѣтелныя. облекша(с) в черная рубища (ФСт XIV, 189в). Синонимическое значение имеет также пара слов веретище - вретище. Старославянский по происхождению вариант вретище является более употребительным, он встретился в оригинальных и переводных памятниках: и обълкъся въ врѣтище. и попелъмь посыпавъся (КЕ XII, 281а); Нына нб(с)а просвѣтишася, темныхъ облакъ яко вретищь съвлекошася (КТур XII сп. XIV, 20). Веретище отмечено лишь в оригинальных текстах: да пошли ·в· кози... веретища Михи и медведно (ГрБ № 354; 40-70 XIV).

Наглядно иллюстрируется применение суффиксального словообразовательного способа на примере функционирования предметного

суффикса -ина, участвующего в оформлении нескольких различных подгрупп рассматриваемой лексики, например, для образования наименований мехов от названий пушных зверей. Древнерусские названия мехов можно разделить на два типа: 1) названия мехов, образованные семантическим путем (метонимия) от названий животных, и 2) суффиксальные слова со специальным значением 'название меха'. К последнему типу относятся слова медвѣдина (медвѣдьно) и овьчина. Медвѣдьно встретилось в языке берестяных грамот: вывези ми ·в· медведна (ГрБ № 65, 80-90 XIII). Во вторичном значении 'одежда из медвежьей шкуры' употреблено существительное медвѣдина: а пърть дѣля въ чемь хотяче ходити. нѣтуть сѣды. хотя и въ медвѣдине (Вопросы Кирика, КН 1280, 53I об.). В Словаре В.И.Даля приводится медвѣдна 'медвежья шкура' (II, 312). Как в оригинальных, так и в переводных текстах нередко слово овьчина в значении 'овечья шкура, мех овцы или барана': взяти у Ерма(к) у Огофоно(в) полти(н) да двѣ овчины (Гр 1392 - 1427, 2); прежьнии сѣтии ходиша во овьчинахъ. и в козьяхъ кожах (ПНЧ XIУ, 100в).

Суффикс -ине на базе некоторых качественных прилагательных формирует также подгруппу названий непривозных льняных тканей: частина, тълстина, пъстрина: дати имъ княгини поставъ частины (Гр 1229, спол. А); одежю носи долгу до глезна не о(т) пестринъ ни о(т) утварии мирьскы(х) (КВ к. XIУ, 309б). Эту группу можно дополнить употребленным в более поздней грамоте существительным узъчинька: озщинку [вм. оузщинку] выткала (ГрБ № 21 XУ).

Наиболее известны среди суффиксальных моделей на -ина различные названия мяса. Это более распространенный способ для наименований видов пищи, чем собственно семантический ('название животного'→'мясо данного животного'). В оригинальных памятниках наблюдаются наименования говядина и свинина: не вояше ни котьла ни мясъ варя. но потонку изрѣ(за)въ кон(и)ну ли. звѣрину ли. или говядину. на угле(х) исп(е)къ ядяху (ЛЛ 1377, 19, 964); свинины не ясти. вина не пити (Там же, 27, 986); поминающе свинину мяса (ФСт XIУ, 34в). Круг наименований, образованных от названий животных (диких, домашних, птиц, рыб) с суффиксом -ина, был достаточно широк. Так, лишь в языке оригинальных памятников зафиксированы слова заячина, пьсина, вѣверичина, тетеревина, осетрина: свинины не ясти ни заячины (ЛЛ 1377, 27 об., 986); и трупие обрѣзающе ядяху. а друзии конину псину кошкы (ЛН XIII-XIУ, 113 об., 1230); аще быша и вѣверичину яли. или ино не давлено нѣту сѣды

вельми лъжае (КН 1280, 531); а тетеревину принесли ему бяху на пиръ (Там же, 531); послало есьмо к тобѣ вѣдѣроко осетринѣ (ГрБ № 259 XIУ-XУ). В оригинальных и в переводных текстах употребляются существительные звѣрина, конина: бываше мно(ж)ство о(т) мясъ. о(т) скота и о(т) звѣрины (ЛЛ 1377, 43 об., 996); принеси ми звѣрину. и сътвори ми ядь (Пал 1406, 75а); друзии бо ихъ и конину ядяху (ЛН XIII-XIУ, 44 об., 1181). Имеется также образование мьщина 'мясо мула' (от мьскъ 'мул'): толикъ гладъ одержаше и яко конину и мьщину ясти имъ (ГА XIII-XIУ, 230б).

На особую продуктивность модели указывает тот факт, что суффикс -ина мог присоединяться не только к основам, обозначающим определенное животное, но и к другим производящим основам. Давленина, удавленина, звѣроядина употребляются в переводных памятниках: главизна ·ГІ· о простьцихъ ядуштнихъ идоложьртвьная. ли мяса въ кръви. ли давленину. ли звѣроядину, ли мьртвьчину (КЕ XII, 10а); бж(с)твьное намъ писание заповѣдало есть. удаляти о(т) кръви и о(т) удавленины (КР 1284, 157в). Существительное мьртвьчина встретилось и в оригинальном памятнике: половци законъ держать бѣь свои(х). кровь проливати а хваляще о сихъ. [и] ядуще мерьтвечину. и всю нечистоту. хомѣки и сусолы (ЛЛ 1377, 6). Общее значение упомянутых существительных - 'запретная мясная пища'.

Следовательно, как показывают наблюдения над лексическим материалом древнерусских памятников раннего периода, различные словообразовательные элементы могут участвовать в формировании отдельных подгрупп лексики, являясь признаком ряда слов, объединенных общим значением. Приведенные случаи далеко не исчерпывают всего многообразия семантико-словообразовательных отношений, которые, бесспорно, требуют дальнейшего изучения на материале ранних памятников древнерусской письменности.

Подводя итог наблюдениям, касающимся ряда лексических групп древнерусского языка XI-XIУ вв., можно сделать следующее заключение:

Рассмотренные тематические группы обладают специфическими языковыми признаками, которые могут характеризовать как отдельную группу слов, так и являться общими, объединяющими какой-либо особенностью несколько групп.

Из общих признаков укажем наличие наименования с родовым значением и вторичный характер основного семантического значения.

К отдельным отличительным признакам можно отнести генетическое единство компонентов группы и повышенную вариативность названий, объединенных общей темой.

Ясно представляя, что некоторые тематические группы слов являются весьма сложными по своей структуре, вводим рабочий термин подгруппа слов, который оказывается необходимым при анализе семантико-словообразовательных отношений в лексике. Подгруппы слов имеют тенденцию быть оформленными при помощи определенных словообразовательных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
2. Трубачев О.Н. К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографический сборник", вып.УI, 1963.
3. Словарь древнерусского языка XI-XIУ вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. М., 1966.
4. Судаков Г.В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика). М., 1983.

Г.В.Судаков

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУПП

Принятое в отечественной лексикологии деление слов на тематические группы по признаку соотнесенности лексического членения с естественным распределением предметов и явлений по сферам человеческой деятельности или окружающей природы вполне правомерно и имеет лингвистические основания, так как взаимосвязанность предметов и явлений в свою очередь определяет различные связи соответствующих слов [1, с.231; 2, с.13]. Большая тематическая группа делится на несколько мелких по принципу родо-видовой иерархии. При наличии общих языковых признаков слов такой микрогруппы составляют лексико-семантическую группу. Истоки учения о лексико-семантической группе обнаруживаются в трудах М.М.Покровского [3, с.75] и Н.В.Крушевского [4, с.65, 69, 149]. В советской лингвистике учение о лексико-семантических группах разработано Ф.П.Филиным. Приведем одно из его определений: "Совокупности слов, имеющие близкие (в т.ч. противопоставленные - антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками (синонимами), составляют лексико-семантические группы

или единства" [1, с.225; 5, с.223]. В лексико-семантическую группу включаются слова одной части речи в одном или нескольких значениях, имеющие общие категориальные, валентные, а иногда и деривационные признаки, находящиеся в определенных логико-семантических и семантических отношениях: родо-видовых, синонимических, антонимических и т.п. Наиболее показательным признаком лексико-семантической группы является синонимическая связь. Антонимия, например, привлекается изредка как вспомогательное и второстепенное доказательство статуса лексико-семантической группы. Синонимический ряд - это идеальная лексико-семантическая группа или, по крайней мере, ее минимально необходимое ядро: в ней отмечается близость семантики, общая сочетаемость, одинаковые грамматические признаки слов и т.п. Но и при таком ограничении группы следует признать очевидный факт, что распределение слов по лексико-семантическим группам, как и всякая другая классификация, страдает схематизмом, поскольку оставляет без внимания диффузные, переходные элементы и слабо учитывает постоянно открытый характер лексических групп. При работе с историческим материалом особенно ощутимы трудности, обусловленные самим объектом исследования: "словарный состав языка не только находится в непрерывном движении, но по существу и не очерчен в каждый момент существования языка с достаточной определенностью... границы остаются зыбкими и открытыми с разных сторон" [2, с.20].

В зарубежной лингвистике в последнее время употребляется близкое по смыслу к нашему термину "тематическая группа" понятие фрейм, то есть "набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого" [6, с.49]. Внутри фрейма выделяются семантические микроструктуры, объединенные по принципам таксономии (то же, что родо-видовая связь), парадигмы, контрастивного множества (то же, что антонимы) и т.д. Учитываются особенности семантической организации таких типов структур, как цикл (утро - день - вечер - ночь), цепочка (воинские звания в иерархическом порядке), сеть (термины родства) и др. [6, с.47-49]. Изучение и описание структур в этом направлении может способствовать выявлению конечного списка их типов и развитию типологических исследований в лексикологии.

Исследование истории лексики в тематическом плане ввиду неизученности судьбы целого ряда основных групп остается актуаль-

ным и имеет целый ряд очевидных достоинств: "оно позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выяснить объем значений слов, их употребления.., определить удельный вес этих групп в словарном запасе языка, их рост или сокращение в зависимости от внешних, исторических обстоятельств, процессы терминологизации слов с общими значениями, изменяющееся соотношение исконных и заимствованных слов, расширение и сужение значений слов (также в зависимости от изменений "материи" и функций обозначаемых предметов и явлений), установить в некоторой степени стилистическую дифференциацию слов в пределах тематической группы" [7, с.166]. Тем не менее возникает вопрос: имеет ли смысл последовательное монографическое описание всего состава тематической группы на разных этапах истории языка? На этот счет имеется совершенно определенное мнение ряда авторитетных ученых: "В словарном составе любого языка насчитываются многие тысячи слов и устойчивых словосочетаний, каждое из которых представляет собой смысловую единицу - в той или иной степени индивидуальную и неповторимую и потому заслуживающую отдельного рассмотрения... в исторической лексикологии словарный состав языка должен подвергаться всестороннему внутреннему анализу на каждом историческом этапе его развития" [8, с.5, 6]; "одной из актуальных задач исторической лексикологии наряду с описанием истории слов является сейчас уже воссоздание истории эволюции целостных микросистем. Анализ таких микросистем целесообразно проводить в плане изучения их функционирования по отдельно взятым хронологическим периодам развития языка" [9, с.166]; "историческую лексикологию сейчас уже нельзя строить "на глазок", опираясь лишь на "ряд" избранных, облюбованных примеров по лексике. Нужны фронтальные обследования и совершенно конкретные подсчеты составных элементов русского словарного состава в его истории" [10, с.5]. Вместе с тем при монографическом описании необходимо отделять типовое от случайного, повторяющееся от единичного, одновременного, не имеющего последствий.

В свое время Ф.П.Филин заметил, что "в древнерусском письменном языке по известным причинам значительные (если не основные) слои диалектной лексики не нашли полного отражения" [11, с.277]. Но в письменности не нашло отражения и большое число общерусских слов. В старорусской письменности степень отражения различных тематических групп тоже была неодинакова и определя-

лась не только общественной значимостью соответствующих предметов материальной культуры, но и другими причинами. Так, дороговизна тканей и одежды обусловила тщательную фиксацию предметов одежды и достаточно широкое отражение в текстах названий одежды, головных уборов, рукавиц и т.п. Посуда и утварь, кроме металлических изделий, значили несколько меньше, но все же группы соответствующих названий в достаточной мере зафиксированы в письменности. Иначе обстоит дело с названиями пищи, особенно готовых блюд. Царский и патриарший стол описывался довольно полно, описаний же обеда или пира посадского человека, крестьянина в памятниках нет, поэтому восстановить в полном объеме старорусский словарь народных кушаний чрезвычайно сложно. Подобные лакуны в составе лексико-семантической группы не всегда ощутимы, но пропуск некоторых промежуточных звеньев в группе несомненно скажется при более широком толковании семантики отдельных слов: лакуны будут заполняться воображением исследователя, распределяющего выявленные им лексические единицы в потенциально возможном смысловом поле.

Оценим с учетом старорусского материала признаки предметно-бытовой лексики как особого ономасиологического класса слов. Термин "предметно-бытовая лексика" определяет соответствующий слой словаря с двух точек зрения: по отношению к определенной сфере человеческой жизни и деятельности, а именно - к быту, и по отношению к другим группам лексики материальной культуры и быта, обозначающим не предметы, а действия, процессы, качества, состояния и т.п. Семантические свойства конкретной лексики предметно-бытового характера изучены еще недостаточно [12, с.81]. Например, Н.Д.Арутюнова, отнеся конкретную лексику (имена классов предметов) к идентифицирующим именам, выявила у последних 22 отличительных признака, большая часть из которых относится к синтаксическим свойствам слов [13, с.174, 184-185, 202]. Исследователи неоднократно отмечали, что в семантике предметных наименований наблюдается самая тесная связь лексического значения слов с конкретными свойствами реалии. Так, О.Н.Трубачев писал: "В такой своеобразной области, как лексика, связанная с производством, с материальной культурой, изучение реалий из факультативного становится непременным условием, залогом правильного лингвистического анализа" [14, с.39]. Не случайно так популярна в диалектной и исторической лексикологии идея комплексного изучения

слова, предмета и связанных с ними обрядов и поверий, как, например, предложенная Н.И.Толстым и С.М.Толстой программа развития этнолингвистики и создания этнолингвистического словаря славянских древностей [15].

В объем лексического значения предметно-бытовых слов входят в большей или меньшей степени два показателя конкретных свойств реалии: функция (назначение) и особенности внешнего вида. Следует различать слова, обозначающие реалии со строго фиксированной функцией, и названия предметов многофункционального назначения. У первых в основе лексического значения лежит указание на функцию обозначаемого предмета. К таким словам (но не ко всем без исключения) относится следующее утверждение Д.Н.Шмелева: "Названия предметов, созданных человеком, функционально ориентированы в семантическом отношении. Функциональный элемент является, по-видимому, неотъемлемым элементом их семантической организации... Функциональное назначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически. Он является тем стержнем, который обеспечивает лексико-семантическое тождество слова при его самом разнообразном реальном применении" [2, с.234-235]. Мотивирующим признаком подобных слов чаще всего является указание на предназначенность для определенного процесса (наливок, рукомойник), для употребления в определенных условиях (водяницы 'рукавицы для рыбного ловца'), указание на содержимое (перечница, солонка) и т.д. У названий предметов многофункционального назначения в объеме лексического значения учтены одна или несколько наиболее характерных особенностей внешнего вида реалий; это слова, как правило, с комбинаторной семантикой, по терминологии Ф.П.Сороколетова [12, с.8]. К ним, например, относятся названия отдельных разновидностей предметов по особенностям внешнего вида: материалу, форме, окраске и т.п. (см. разновидности ковшей: кленовик - по материалу, скобкарь и конюх - по форме и др.). Применительно к таким словам справедливо высказывание Б.А.Ларина о том, что "для некоторых идей и представлений, связанных со словами, зрительный образ вещи является их основным, бесспорным или даже единственным содержанием. Таковы, например, представления из области материальной культуры (об одежде, утвари, орудиях производства)" [16, с.19]. Конкретный референт и (или) его зрительный образ - основа семантики предметно-бытового слова. Особенно важ-

но это учитывать при анализе казалось бы хорошо знакомых слов древнерусского или старорусского языка: реалия, ими обозначаемая, могла в старину иметь внешний облик, не совпадающий с современным представлением о предмете. В этом случае исследователя подстерегает опасность "осовременивания" значения слова. Так, многие предметы домашней утвари: ведра, ковши, блюда, ложки и пр. - в отличие от современных, металлических и пластмассовых, были преимущественно деревянными, почти все бытовые орудия были ручными, то есть не имели привода и т.д.

Следует отметить преимущественную моносемантичность предметных слов и слабую развитость синонимии, что усиливает их денотативную прикрепленность; присвоенные им названия - денотативы [2, с.150]. При наличии у слова нескольких значений его денотативная прикрепленность слабеет. Такое слово легче вступает в связи с членами других лексико-семантических групп. Кроме того, в предметно-бытовой лексике в силу ее преимущественно разговорного характера развита диффузность или синкретизм значений [2, с.95; 17, с.168; 18, с.19]. Необходимо различать два разных случая диффузности: а) объективная языковая диффузность, подтверждаемая регулярностью употребления слова в диффузном значении; б) контекстуальная, факультативная диффузность, обусловленная семантической неясностью или двусмысленностью контекста.

Нечеткость смысловых границ предметно-бытовых слов с конкретным, видовым значением может быть обусловлена размытостью границ денотатов. О размытости как общем свойстве денотативных границ бытовых предметов писал У.Лабов в работе, посвященной описанию психолингвистического эксперимента с названиями разного рода сосудов для питья [19]. Нет жесткой закрепленности слова за реалией определенного типа. Можно говорить о существовании взаимозависимости между сообществом функционально близких реалий и группой соответствующих им слов. Почти все близкие по внешним признакам реалии данного сообщества могут быть названы почти всеми словами соответствующей лексической группы, то есть каждая отдельная реалия сообщества может быть названа практически любым или, во всяком случае, несколькими словами соответствующей лексической группы. Именно об этом свидетельствуют факты называния одного и того же предмета несколькими семантически близкими словами, например: в прежних переписных книгах тот сундучок написан скриня с чепраками шитыми (РИБ ЎЩ, 965, 1690 г.); всего больши

шахъ Аббасъ любил шкатулы, а говорил: лучше де и вина сундуки. У них в обычае ведетца все у них зовут сандыками (Посольство Тюфякина, 438. 1599 г.); на Москве де Аббас шах тот сундучек со всем велел отдати послу Урусамбеку. А Урусамбеку де тот ковчежец нести к государеву отцу, святейшему патриарху (ТОДРЛ XXVII, 382. XVII век, Документ. сказание); в прежних переписных книгах написана та шкатунка скринка подорожная, неболшая, с посудою оловяною столовую (РИБ VII, 1039. 1690 г.). Как видим, ряд слов сундучок - скриня - шкатула - ковчежец свободно замещают друг друга в русском языке XVI-XVII вв., сюда можно добавить лексемы ларец и коробка. В старорусском языке аналогичные отношения были между словами блюдце - тарелка - миска - ставчик. Обычно подобные случаи рассматриваются как синонимия названий, но, видимо, здесь требуется иная квалификация.

Все сказанное убеждает не только в несомненной зависимости семантики предметно-бытовых слов от признаков реальных предметов, но и в сложном, неоднозначном характере этих отношений. Так, этнографические признаки одежды не все одинаково значимы в аспекте семасиологии. Признак "предназначенность для лиц определенного пола" выступает как дифференцирующий по отношению к названиям нательной одежды, но ограниченно действует в сфере названий верхнего платья. Верхняя одежда в зависимости от качества подкладки делилась на первую, или холодную, и вторую - теплую. Соответствующие названия также объединялись в две группы, имевшие свои внутренние семантические связи и противопоставления. Признак "социальное положение носителя одежды" имел ограниченный лингвистический смысл. Более значим был признак "функциональное назначение одежды": названия придворной одежды активно употреблялись лишь в языке Москвы, в остальных местах они входят в состав пассивной лексики. Названия рабочей одежды употреблялись лишь в деловой письменности и носили диалектный характер.

Таким образом, в основу классификации лексики одежды могут быть положены два основных и несколько второстепенных признаков. В зависимости от пола носителей одежды все названия делятся на три группы: названия общей одежды, названия мужской и названия женской одежды. В зависимости от порядка надевания и наличия в одежде подкладки названия членятся также на три группы: названия исподней (нательной) одежды, названия первой верхней и названия второй верхней одежды. Внутри названий первой верхней одежды по

признаку "длина" противополагаются названия длиннополой одежды и короткого платья. В группе названий второй верхней одежды по признаку "материал" обособляются слова, обозначающие меховую и кожаную одежду. При вычленении лексико-семантических микрогрупп учитываются такие признаки, как "функция предмета" (названия передников, названия поясов и т.п.), "наличие или отсутствие пришивного верха" (например, в лексике обуви: сапоги и башмаки) и т.п.

Сложным является вопрос о том, что лежит в основе семантических объединений названий посуды и домашней утвари. И.С.Козыревым было высказано мнение о том, что "объединительные семантические связи возникают у названий посуды в зависимости от характера материала ее изготовления. Особенно это было действенно в древнерусском языке" [20, с.107]. Но далее автор признает, что эти связи были "непрочными, нерегулярными".

Неоднократно подчеркивалась и принципиальная важность функционального назначения реалии. Однако часто функционально однотипные реалии имеют разные названия благодаря специфическим особенностям внешнего вида, поэтому вторым классифицирующим признаком названий посуды и домашней утвари должа быть отраженная в словах связь с такими внешними признаками предмета, как "материал", "размер и форма", "наличие дополнительных деталей: крышки, ручки, носика и т.п." Таким образом, первое членение названий бытовой утвари производится с учетом функционального признака, а последующие – на основе функции предмета, материала и технологии изготовления. Выделим две группы названий. В первую входят наименования посуды для пищи, объединяющие названия столовой посуды для первых и вторых блюд, для сладостей и специй; столовой посуды для напитков; кухонной "поваренной" посуды (для приготовления горячей пищи, для винокурения, для хлебопечения, для доения коров, для хранения молока и молочных продуктов, для черпания) и названия погребной посуды для столовых запасов. Во вторую группу включаем названия вместилищ для хранения домашних вещей: а) плетеных вместилищ, б) вместилищ из кожи и ткани, в) деревянной и металлической утвари. В ряде случаев выделенные объединения составляют лексико-семантические группы, в других необходима более дробная классификация. Так, названия погребной деревянной посуды распределяются по трем лексико-семантическим группам по признаку "объем и форма сосудов": I. названия круглых бондарных и долбле-

ных сосудов среднего объема, 2. названия круглых бондарных сосудов большого объема и 3. названия удлиненных долбленых сосудов с низкими стенками. Разумеется, полного, без остатка, распределения слов по рубрикам быть не может, а некоторые наименования можно отнести к двум-трем группам. Причина - многофункциональность реалий, определяющая многозначность соответствующих слов из-за изменчивости и вариативности внешнего вида реалий, а иногда и просто из-за неопределенности, размытости границ, отделяющих один тип предметов от другого.

Каждая выделенная лексическая группа имеет свой семантический центр, или "опорные слова" (по Ф.П.Филину), то есть наиболее употребительные лексемы с достаточно определенными значениями, богатые производными и особенно интенсивно влияющие на семантику и функционирование остальных названий.

Отмечается в группах и периферия, куда относятся редкие, архаические и экзотические слова, лексемы с диффузной семантикой, слова, входящие в группу по одному из своих значений. Часто роль центра в группе выполняет гнездо однокоренных слов, особенно распространенное. Например, в названиях плетеных вместилищ исконного происхождения с корнем короб-(краб-) выявлено более 20 слов, с корнем кош- - около 10; в названиях вместилищ для хранения домашней утвари, сделанных из дерева и металла, обнаружено 12 слов с корнем -голов- и 5 - с корнем корен-. В названиях вместилищ из кожи и ткани распространены слова с корнем мех(ш)-, рогоз(ж)- и др. Подобные слова часто были родовыми по отношению к названиям разновидностей определенной реалии.

Д.Н.Шмелев считает, что "в большей части случаев обиходные слова образуют несимметричные и прерывистые парадигмы" [21, с.139], однако вопрос о факторах, усиливающих или ослабляющих лексико-семантические связи в парадигмах, требует изучения. Малочисленные группы имеют более тесные семантические связи и более стройные отношения между членами. Так, группа названий футляров (влагалище, лагалище, наголище, готовальня, готоваленка, готовалка, готсвальная, иголеночка, игольник, игольница, игольня, наигольник, лжичен, ложечник, монастырек, натайник, чехол, шапочник) объединена отношениями родо-видовой иерархии, синонимическими связями, имеет дифференцированные по отношению друг к другу значения, четкие словообразовательные связи между однословными и составными наименованиями, специфический набор моти-

вировочных признаков и словообразовательных моделей.

Определенное влияние на степень семантической связанности лексем оказывал генетический фактор. Так, в названиях женской верхней одежды, где сочетались элементы разного происхождения, семантические связи не одинаковы для всех слов этой группы. Но названия рукавиц, возникшие в основном на русской почве, отличаются значительной семантической организованностью, имеют одинаковую лексическую сочетаемость, проходят одинаковый путь семантической эволюции, образуют свои синонимические ряды и даже имеют свои антонимические пары типа: верхница 'верхняя рукавица' и исподка 'нижняя рукавица', что редко встречается в группах предметных слов. Степень связанности слов в разных группах предметно-бытовой лексики далеко не одинакова [см. 22; 23; 24].

Указанные признаки не исчерпывают сложной семантики анализируемых тематических групп, от которой зависит выбор критериев классификации лексики. Дальнейшее изучение семантических особенностей старорусской лексики могло бы идти как путем традиционного описания отдельных групп, так и с помощью сравнительно-сопоставительного анализа двух и более лексико-семантических и тематических групп с учетом таких критериев сравнения, как соотношение родовых и видовых слов в каждой группе; типы полисемии или модели семантической деривации; число мотивированных и немотивированных слов; степень синонимичности (отдельно – для родовых и видовых слов); контекстуальная закрепленность значений; уровень диффузности значений и др.

XVI-XVII вв. – важный этап в истории развития словарного состава русского языка. В это время закладываются основы национального бытового словаря, происходит отбор в общерусскую лексическую сокровищницу семантически емких и стилистически выразительных слов из огромного числа книжных средств, локальных лексем и элементов повседневной разговорно-бытовой речи; увеличивается состав нейтральной общеупотребительной лексики, наблюдается широкое "олитературивание" слов бытовой сферы. Поэтому не случайно внимание ученых к лексико-семантическим процессам в языке преднационального периода. Обеспеченность этого периода письменными источниками и интенсивная работа по описанию лексики старорусского языка дают основание предполагать, что именно лексикология старорусского языка станет базой для открытия новых методов историко-лексикологических исследований, для обнаружения сущест-

венных свойств разных групп лексики, для выявления основных тенденций в развитии словарного состава русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.
2. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
3. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
4. Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
5. Филин Ф.П. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов // Вопросы славянского языкознания, кн.I. Львов, 1948.
6. Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIУ. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983.
7. Филин Ф.П. О названиях обуви в русском языке // Лексикографический сборник, вып. УI. М., 1963.
8. Ахманова О.С., Виноградов В.В., Иванов В.В. О некоторых вопросах и задачах описательной исторической и сравнительно-исторической лексикологии // ВЯ, 1956, № 3.
9. Герд А.С. Семиотические аспекты истории научной терминологии // Русская историческая лексикология и лексикография, П. Л., 1977.
10. Иванов В.В., Трубачев О.Н. Ф.П.Филин (1908 - 1982) // ВЯ, 1982, № 4.
11. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949.
12. Сороколетов Ф.П. Лексическое значение и словарная дефиниция // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980.
13. Аспекты семантических исследований. М., 1980.
14. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.
15. Толстые Н.И. и С.М. Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сент. 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983.
16. Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (принципы, инструкции, источники). М.: Л., 1936.

17. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
18. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979.
19. Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIУ. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983.
20. Козырев И.С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970.
21. Шмелев Д.Н. Способы номинации в современном русском языке // "Общественные науки", 1984, № 2.
22. Судаков Г.В. Названия "питейной" посуды старой Руси // РР, 1983, № 1; "Всякое посудье" // РР, 1983, № 5.
23. Судаков Г.В. Названия предметов домашней утвари в русском языке XУI-XУII вв. // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984.
24. Судаков Г.В. Лексические диалектизмы в севернорусских актах XУI-XУII вв. (названия рукавиц) // Севернорусские говоры. Л., 1984.

Л.Ю.Астахина

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Стало традиционным при исследовании лексики объединять ее в тематические и лексико-семантические группы. В статье Ф.П.Филина "О лексико-семантических группах слов" (1957 г.) разрабатываются основные характеристики этих групп. Отмечая тематическую отнесенность в качестве одного из признаков лексико-семантической группы слов, Ф.П.Филин подчеркивает: "Общее между тематическими и лексико-семантическими группами слов заключается в том, что те и другие группы отражают познанную объективную действительность" [1, с.528]. Трудность их разграничения "обусловливается прежде всего сложностью разделения словарного состава как специфического явления языка, и языкового содержания" [1, с.527]. Различия между этими типами связей определяются тем, что лексико-семантические группы "представляют собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематиче-

ские группы слов, само их наличие или отсутствие в каком-либо языке, их состав зависят от уровня знаний того или иного народа - создателя и носителя языка, от умения классифицировать явления действительности, получившие свои словарные обозначения" [2, с.233].

Говоря о правомерности и методических удобствах изучения словарного состава языка по его тематическим группам, Ф.П.Филин пишет: "Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы и общества, важно само по себе, что не требует особых доказательств" [I, с.526]. И все же далее замечает: "Языковеды, исходя не из семантических закономерностей лексики, а из той или иной группировки предметов и явлений, очень часто не имеют прочных лингвистических оснований для своих классификаций и стоят на грани утраты предмета своей науки" [I, с.526]. Вероятно, такое предостережение дало повод некоторым ученым в принятых ими классификациях совершенно "отказать" в языковых чертах группам, называемым тематическими. Так, А.А.Уфимцева о выделяемых ею "предметных", или "тематических" группах пишет, что в них "объединение слов в одну группу происходит в силу сходства или общности функций обозначаемых словами предметов и процессов. Подобные группы объединяются по чисто номинативной, а не сигнификативной стороне слов. Поэтому изучение подобных групп ограничивается своеобразной инвентаризацией по типу: "предметы домашнего обихода", "части тела", "виды одежды", "постройки" и т.п. и даже не ставят задачей вскрыть внутренние семантические связи слов, особенности смысловой структуры языка в целом" [4, с.133].

Д.Н.Шмелев считает, что такие тематические группы, как например, названия растений, животных, одежды, обуви, группы, объединяющие слова "не на основе того или иного противопоставления друг другу по какому-то различительному признаку, а на основе наличия у них как раз только общего родового признака... не представляют собой каких-либо лексических "микросистем" в подлинном смысле слова... Их значения характеризуются такой совокупностью признаков, которая, действительно, стоит вне собственно лингвистических измерений" [5, с.151].

Все сказанное с полным основанием можно отнести к синхронному исследованию структурно-семантических разрядов слов языка. Если же обратиться к диахроническому изучению лексики, то, веро-

ятно, придется несколько изменить взгляд на возможности анализа языка по тематическим группам слов.

Когда лексиколог-историк впервые сталкивается с каким-либо источником или группой источников сходного характера, естественно его стремление представить лексику в виде групп, чаще тематических. Это - методически верное направление работы с источниками, неизбежный ее этап, т.к. исследователь активно не владеет древним языком и не может сразу выявить все языковые связи, исчерпывающим образом представить себе объем значений каждого слова источника. Это проясняется в процессе исследования, и иногда "тематические группы слов оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами, если применять данное обозначение к тем разрядам лексики, которые могут быть отграничены на основании определенных языковых показателей" [5, с.103], как полагает Д.Н.Шмелев, имея в виду синхронное исследование лексики современного русского языка. Более того, он считает, что "группы слов, выделяемых на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками" [5, с.104].

В исторической лексикологии, вероятно, невозможно категорическое разграничение групп слов с наличием языковых признаков и без них. Историк-языковед имеет дело с древним текстом, со словами, и иногда не может с достаточной точностью, четкостью представить себе тот предмет, явление, понятие реальной действительности, которое обозначено словом. Чтобы отнести слово к той или иной группе, приходится проводить серьезные исторические и лингвистические разыскания. И может быть, вопрос о разграничении тематических и лексико-семантических групп слов в исторической лексикологии не обязательно ставить столь остро, как в исследовании синхронного среза языка? Лексиколог-историк обязан искать и выявлять всевозможные языковые связи между словами в любых выделенных им лексических совокупностях. Связи эти проявляются иногда с течением времени, с развитием языка, отражающего разнообразные изменения реальной действительности. На основании данных одного или нескольких однородных источников не всегда удается это сделать. Поэтому для обоснования закономерностей наблюдаемых языковых явлений историк-лексиколог непременно обращается к фактам исторической и современной диалектологии, исторической и современной лексикографии, к фактам лингвогеографии и других об-

ластей лингвистики. Следовательно, независимо от субъективной позиции автора его исследование приобретает характер диахронический и отражает изменения языка, происходившие на протяжении веков.

Названия растений исследователи относят к основному словарному фонду языка, т.е. к тому пласту лексики, на котором зиждется любой национальный язык. В настоящей статье предполагается рассмотреть семантические и словообразовательные отношения в группе названий полевых культур. За основу взяты наименования, выявленные в посевных, ужинных, умолотных книгах XVI–XVII вв. Исследование строится на материале рукописных источников, созданных в новгородских, белозерских, устюжских, владимирских, волоколамских, дмитровских монастырских хозяйствах. В научный оборот эти книги введены в 1974 г.; они были исследованы с точки зрения лингвистического источниковедения [9]. Кроме перечисленных выше, исследованы книги сибирских, брянских, онежских территорий и Соловецкого монастыря. Всюду обнаруживаются одни и те же названия полевых культур, объединяющиеся в группу, которую с точки зрения современного русского языка можно охарактеризовать как тематическую: рожь, овес, ячмень (жито, житарь), пшеница, ярица (ярая рожь, овыдь), горох, греча или гречиха, лен, конопля. Это лексика основного словарного фонда русского языка, и, судя по письменным источникам, состав этой группы, на первый взгляд, остается неизменным, не подверженным языковым сдвигам. Группа является открытой, т.е. число ее членов может как возрастать, так и убывать. Между словами в группе наблюдается так называемое равноправие; это классификация слов, связанная с классификацией предметов. Синонимы имеют слова ячмень и ярица: в некоторых местах ячмень называли житом (новгородские материалы), житарем (владимирские источники). Яровая рожь повсеместно называлась ярицей, во владимирских местах – ярой рожью, а в новгородских – овыдью. Ср.: оводь, ободь, оудь 'яровая рожь' старолад. ...овыдня. Слово распространено в новгородской группе говоров [3, с.130].

Наличие синонимических названий представляет интерес для исторической диалектологии, лингвистической географии и не превращает группу наименований полевых культур в лексико-семантическую.

Однако по мере изменения сельскохозяйственного производства, способов обработки и использования продукции накапливаются

основания для теоретического осмысления и обобщения сельскохозяйственного опыта, что ведет к формированию терминологии в связи с развитием науки о сельском хозяйстве. В этом процессе классификация предметов изменяется.

В языке происходит непрерывное движение, развитие, накопление новых качеств, которые могут проявиться при соответствующих условиях. В.В.Виноградов писал: "Лексические системы не сменяют одна другую, как часовые, а как бы взаимопроникают друг друга" [6, с.70], т.е. с течением времени изменяется место и значение групп лексики в системе языка, их соотношения друг с другом, усложняются основы их классификации. Эти процессы касаются как всей системы значений языка, так и отдельных лексических микросистем. Так, микросистема наименований полевых культур оставалась как бы неизменной в течение веков. Если сравнивать родо-видовые отношения в этой группе в XVI-XVII вв., по данным сельскохозяйственных книг, с отношениями на современном этапе, то можно заметить, что раньше родовым названием служило слово хлеб. Весной сеяли яровой хлеб, осенью - ржаной хлеб, т.е. рожь. Книги соответственно назывались хлебными: подали книги хлебные ржаному и яровому хлебу (Мор., 5. 1652 г.), книги росходные монастырскому вышеписанному молоченному хлебу ржи (СП, № 286, 2 об. 1694 г.) [15]. Определяющим в сельскохозяйственном производстве служило время посева, оно и было отправным моментом для учета и основанием для внесения в книги соответствующих записей. Поэтому в яровые хлебные книги попадали записи обо всех культурах, высевавшихся весной, в том числе о льне и конопле, культурах не "хлебных". Слово хлеб объединяло названия не только зерновых (рожь, овес, пшеница, ячмень, ярица), зернобобовых (горох), но всех культур, которые высевались весной и убирались осенью: И всего всякого хлеба приполону бг҃ъ послал за сѣмены ржы и пшеницы и ячмени и гороху и сѣмяни конопѣлнаго и ярицы и овса АКѲ чети с осминою (КБ, № 684, 6 об. 1606 г.), и того ярового хлѣба отсыпана в Шестокове на семена ко сту к осмому году против РЗ г году РМА чет овса, И чети жита, Д чети с полуосминою пшеницы, четверть гороху, пол В осмины конапел, В чети ярицы (ИВ, № 9, 94-94 об. 1600 г.). Правда, некоторое несоответствие, видимо, все же ощущалось пишущими: и сами книги, и отдельные записи о посевах не начинались со сведений о льне и конопле, обычно о них сообщалось после данных о посевах овса, ячменя, гороха и др.

В XVIII веке в сочинениях А.Т.Болотова, стремившегося осмыслить и изложить свои наблюдения и открытия по вопросам сельского хозяйства, в частности, полеводства [13], в переведенной с немецкого в 1738 г. Флориновой экономии [12] слово хлеб выступает в той же обобщающей функции. В дневниках И.И.Лепехина, путешествовавшего по различным областям Русского государства, находим: "Яровое поле называется то, где посеянные семена в одно лето приносят свой плод, куда принадлежат пшеница, полба, ярица, ячмень, просо или пшено, дикуша или греча, лен, конопля, горох, мак, бор и овес" [14, с.69].

Со временем изменились способы обработки и области (отрасли) применения льна и конопли, возросла роль этих культур в промышленном производстве, тогда как способы обработки и использования других культур долгое время оставались прежними, если даже принять во внимание механизацию отдельных процессов. Соответственно изменялся и характер учета. На первое место постепенно выступал не признак "время посева", как было раньше, а признак "способ (и область, отрасль) применения". Это обособило, отделило названия лен и конопля от понятия "хлеб" [10]. С развитием науки о сельском хозяйстве сформировались обобщающие "родовые" термины: для льна и конопли - технические культуры; колосовые озимые (рожь) и яровые (овес, ячмень, пшеница, ярица и др.) получили название зерновые культуры, горох стали относить к зернобобовым, а гречиху - к крупяным культурам.

Термин технические растения в применении к культурам, служащим сырьем для промышленности, зафиксирован в русских источниках в конце XIX-начале XX века: "Все растения, из коих добываются продукты, обрабатываемые технически" (Брокгауз и Ефрон, вып. 65, с.123).

По современной классификации полевых культур, которая "является общепризнанной, т.е. удовлетворяет требованиям планирования сельскохозяйственного производства" и учебно-методическим целям, зерновые, зернобобовые и крупяные культуры объединяют в первую группу, которую возделывают с целью получения зерна. Лен и коноплю относят к четвертой группе, которую "возделывают для получения урожая стеблей, богатых лубяными волокнами" [21, т.5 с.300]. Термин технические культуры объединяет "растения, отдельные части которых используются как сырье для различных отраслей промышленности" [22, т.6, с.155]. В СССР технический в

значении "подлежащий использованию или обработке в промышленности" находим с пометой спец.

Процесс смещения родо-видовых отношений в группе названий полевых культур является языковым, хотя вызвали его причины экстралингвистические. Обнаруживается это смещение только в диахроническом исследовании тематической группы. Есть ли основания считать ее лексико-семантической? Для языка XУI-XУII вв. она остается прежней, хотя в процессе своего функционирования и развития из числа номинативных групп обиходных наименований она переместилась в разряд терминологических групп, и поэтому теперь наблюдается более четкое и строгое разграничение входящих в нее названий. Внутри группы отношения между словами со временем почти не изменились, если не считать отпадения местных наименований жито, житарь в значении "ячмень", ярая рожь, ярица, овыдь в значении "яровая рожь", что произошло в соответствии с одним из основных принципов организации терминологических систем: одному термину соответствует одно понятие.

ж ж ж

Связи слов, объединяемых в тематическую группу, проявляются и в их сочетании с другими словами. М.М.Покровский писал: "Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе, независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже a priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое; понятно также, что эти слова употребляются в сходных синтаксических сочетаниях" [16, с.211. А.А.Уфимцева выделяет, наряду с другими, семантико-синтаксические группы слов, которые представляют собой словосочетания и "предопределены в своем возникновении и существовании двойными связями: чисто смысловыми (вероятно, семантическими? - Л.А.) и синтаксическими" [4, с.136].

Обращаясь к изучению синтагматических связей слов, входящих в исследуемую тематическую группу, придерживаемся определения понятия синтагма, разработанного В.В.Виноградовым, который берет за основу теорию синтагм Л.В.Щербы: "Синтагма - это предельная, основная единица в процессе речи-мысли, выражающая единое смысловое целое и фонетически сплоченная усилением последнего словес-

ного ударения" [20, с.81-82]. Развивая эту мысль и подчеркивая, что у Л.В.Щербы теория синтагм не заменяет и не вытесняет учения о словосочетании, а опирается на него, В.В.Виноградов пишет: "Синтагма отражает "кусочек действительности", представляя связный элемент речевого целого. Это понятие помогает глубже и тоньше вникнуть в синтаксический строй предложения и в его семантику" [21, с.147].

Значение слова, входящего в тематическую группу, не может быть обусловлено синтагматически (если оно употребляется не в переносном смысле), т.к. слова в ней большей частью однозначны. Однако синтагматические связи - это один из видов языковых связей, наблюдаемых внутри тематической группы. Говоря о "собственно языковой общности" слов в составе тематической группы, Д.Н.Шмелев призывает "принять во внимание особенности их лексической сочетаемости и их словообразовательные возможности (т.е. синтагматические и деривационные связи)" [5, с.104]. Это один из путей, которые открываются перед исследователем языковых особенностей тематических групп в тех случаях, когда на первый взгляд кажется, что кроме простой инвентаризации слов вслед за классификацией предметов реальной действительности изучение лексической группы ничего не дает для науки об истории языка. И прав был О.Н.Трубачев, когда, раскрывая взаимоотношения "языкового" и "внеязыкового", писал: "Природа этого взаимоотношения такова, что системе реалий всегда соответствует лексическая система" [8, с.4].

В сельскохозяйственных книгах XVI-XVII вв. учитывались результаты различных полевых работ. Все возделываемые культуры, которые обобщались словом хлеб, находили отражение в учетных книгах в трех своих состояниях: в виде семян, зерна ("хлеб в зерне"), в виде растущих на полях растений ("хлеб на корню") и в виде растений, собранных с полей в снопы, готовых к обмолоту ("хлеб в снопах").

Сведения о "хлебе в зерне" попадали в книги в виде данных о высеянных на полях семенах: их обычно давал феодал или монастырь. В записях о посевах основным является глагол сеять и его префиксальные производные посеять, высеять. Эти глаголы сочетаются с наименованиями всех культур: Сеяли ту рожь его Ивановы крстьяне (ВК, № 16968, 126 об. 1607 г.); иван сѣять овес (СП, № 235, 3. 1688 г.); ржи сѣяно 3 четвертеи (ВК, № 16974, 280. 1571); овьди

сѣяно четверик (ВК, № 16935, 110. 1586 г.). В книгах Троицко-Гледенского монастыря, который вел расчеты с каждым половником (каждым половничьим хозяйством), употребительны личные формы: Андрѣи Шадра со складником сиял ржи Е (м) (ТГ, № 1608, 1 об. 1689 г.); Ярасим да Петр посѣяли... [конопляного] симени (м) (ТГ № 1267, 2 об. 1677 г.). Как видим, нередко употреблялись конструкции с причастиями прош. времени ед. числа и неопределенно-личные. Названия культур находим в форме род. падежа ед. числа без предлога, тогда как роль прямого дополнения, которого требуют глаголы, отводится здесь форме числительного в вин. падеже. Образование приведенных сочетаний названий полевых культур с глаголом сеять и производными определяется их семантикой: "хлеб в зерне" был посевным материалом; как семена любых растений, его можно было сеять (но, скажем, не сажать; этот глагол в сельскохозяйственных книгах не встретился).

Приведем записи из аналогичных книг 1703 г. Рязанского Солотчинского монастыря, в которых употреблен глагол насеять: да в нынешнем же ΑΨΒ м году насѣено ржи к предбудущему ΨΓ му году КS десятин, а высѣено КѲ четвертеи московскои меры. Да в нынешнем же в ΨΒ м году насѣено было ярового хлѣба овса пшеницы гречи КЗ десятин (РС, № 30, 2 об.). Заметим: глагол насеять указывает на число занятых под посев десятин, а о количестве семян сообщается глаголом высеять.

В период уборки урожая все полевые культуры объединялись понятием "хлеб на корню". Его либо жали, либо косили. "В некоторых местах хлеб косят, а в других серпами жнут: но понеже в первой работе много зерен от ударения косы на землю валится, того ради последняя за лутчую приемлется", - читаем во Флориновой экономии [12, с.159]. В ужинных и умолотных книгах находим для обозначения этого процесса глагол жать: И никто за ту рожь жати и молотити не принялся (ВК, № 16968, 126 об. 1607 г.); поселской старец... да целовальник... мнстрскои хлеб жали и молотили (БГ, № 10933, 150 об.-151. 1694 г.); да жнецом дано полосмины ржи жали на Милован[ь]е рожь (ИВ, № 14, 184. 1604 г.).

Когда записываются количественные данные, употребляются префиксальные производные от жать (пожать, нажать, выжать, ужать), которые в типичных контекстах выступают как однозначные или близкие по значению: Губнои староста тое рожь тутошним и сторонним людем велѣл пожати (ВК, № 16968, 126 об.-127. 1607 г.); и всего

пожато ржи лутчие и середние и плохие тритцать три копны сотных (Там же, 127); и того хлеба нажали пят[ь] копен сотных овса (ВК, № 16966, 240. 1607 г.); да житаря нажато четырнатъцеть сотъницъ (СП, № 302, 32 об. 1698 г.); нажато тритцеть сотниц метлики (СП, № 262, 48 об. 1691 г.); и то жито пожато, а нажато того жита три копны сотных (ВК, № 16935, 108. 1586 г.); да овыди сѣяно четверик, нажато дватцат снопов (Там же, 110); лутчие ржи выжато семь копен (ВК, № 16968, 127. 1607 г.); ужали две копны сотных ржи да три копны сотных жита (ВК, № 16935, 84-84 оо. 1586 г.); овса ужато шездесят пять сотниц (СП, № 26, 7 об. 1662 г.); на пустоши Савлѣеве ужато полкопны сотные пшеницы (ВК, № 16935, 97 об. 1586 г.); ужато двѣ копны с полукопною ярицы... да полкопны гречи (Там же, 97); рожь и горох и ячмень и овес пожат весь, а сколко какова хлѣба ужато сотниц... и то писано... поровнь (Изм., 9. 1690 г.).

Семантика используемых глаголов в записях об уборке полевых культур позволяла с большой точностью отразить особенности процессов уборки отдельных культур. Когда убирали колосовые (рожь, ячмень, пшеницу и др.), то пучок их прямостоячих стеблей - соломин - сжимали в руке и подрезали серпом. Фасмер дает одну и ту же старославянскую форму для глагола жати - жну и жати - жму: **жати**. Гречиху с ее ветвистыми стеблями обычно скашивали, реже - жали, и, оставляя ненадолго в рядах или снопах для просушки, обмолачивали. Стебли гороха называются лазящими, они быстро полегают. Выдернутый руками или скошенный горох после недолгой просушки в рядах складывали в небольшие кучи, которые временами разрыхляли вилами, затем молотили цепами. Из владимирских книг выясняется, что гречиху и горох в этих местах в XVII в. косили. Глагол косить употреблялся с префиксами на- и у- в форме краткого страдательного причастия прош. времени ед. числа, среднего рода: Накошено омет гречи (СП, № 229, 68 об. 1699 г.); на четырех десятинах накошено было мнстрьского гороху и тот горох обмолочен, а намолочено двѣ четверти (Там же, 10 об.); укошено омет гречи (Там же, 59 об. 1697 г.); на полусеме десятине укошен омет гороху (Там же, 47. 1698 г.).

В дворцовом селе Измайлове горох дергали руками, соответственно в книгах находим глагол имать с приставкой вы-: гороху вымано и сметано три омета длиною тритцеть сажен (Изм., 10. 1690 г.).

Вручную убирали и лен. Естественно ожидать в записях о льне глагол имать. Во владимирских книгах встречаем его с приставкой на-: На десятине наимано лну одиннатцеть сотниц пучков (СП, № 262, 72. 1691 г.); на четверухе наимано тысеча пучков лну (СП, № 302, 39. 1698 г.); на крстьянской пахоте на полу ж десятине наимано лну полторы тысячи пучков (СП, № 229, 12 об. 1699 г.).

Третьим процессом, отраженным в книгах XVI-XVII вв., была молотьба, которую можно было проводить не только сразу после жатвы, но и по мере надобности в течение всего года, если позволяли условия. Из "хлеба в снопах" прежде всего стремились получить семена для посева. Считался лучшим посев, например озимой ржи, семенами только что выращенного урожая. В.Н.Татищев писал: "Опыты и примечания доказывают, что молоченный сыромолоткою семенной хлеб гораздо лучше и для посева удобнее, нежели сушенный на овинах... Молотили бы... суша оной не на овинах, а на солнце" [18, с.15]. В статье о способах молотьбы и веяния в конце XIX-начале XX века Д.В.Найдич пишет: "Из древних способов молотьбы в некоторых местах сохранился способ выколачивания зерна хлестанием снопов о стойку для получения хорошего посевного зерна... Выколачивали чаще всего рожь. "Охлестывание о козелок" ржаных снопов применялось в большинстве случаев тогда, когда колос содержал мелкое зерно. При таком охлестывании о жердь сначала выгребали более крупные зерна, которые употреблялись на посев, а оставшиеся в колосьях мелкие зерна домолачивали потом цепами, или раскидывали колосья по току и молотили топтанием, прогоняя по ним лошадей" [11, с.88].

Получение хороших семян - главная забота земледельца. Ввиду особенностей обмолота только что сжатой ржи на семена, важности в хозяйстве этого процесса и отличия его от обычной молотьбы, во владимирских книгах XVII в. употреблялся глагол колосовать и префиксальный околосовать: Да тое ж ржи обмолочено на семена с овинов и сыробоем колосовано шестьдесят сотниц, а вымолочено шестьдесят одна четверть, и та умолотная рожь шестьдесят одна четверть высеяно под селом Вышеславским (СП, № 302, 11. 1697 г.); да околотки перемолочены что на семена колосованы (СП, № 575, 12. 1699 г.); да тое ж ржи околосовано на семена сыробоем сто дватцеть сотниц (СП, № 229, 36 об. 1698 г.).

Основным здесь был глагол молотить с его префиксальными производными: Тот овес... велѣн молотить на чистои и на невѣинаи

овео (ИВ, № 9, 73 об. 1600 г.); молотили горох села Шипова... крстияня (СП, № 23, 30. 1659 г.), а молочен тот ячмень в оторею дъля того что в снопы вязать за недородом не дался (СП, № 229, 16-16 об. 1698 г.); ржи обмолочено к семенам сорок восмь сотниц (СП, № 302, 21 об. 1698 г.); ржаного хлеба измолочено на семена сорок сотниц (СП, № 48, 47. 1633 г.).

Образования от глагола молотить с приставками из-, о-, об- встречаются с данными о количестве обрабатываемых снопов, если нет речи о конечном результате: Обмолочено две клади ржи (СП, № 26, 10 об. 1698 г.); омолотя ту рожь всыпал в житницу (ВК, № 16968, 127 об. 1607 г.); ржаного хлеба измолочено на семена сорок сотниц (СП, № 48, 47. 1633 г.). Когда же записывали количество полученного зерна, т.е. результаты труда, употребляли глаголы вымолотить, намолотить, умолотить: Омолотили на опыт добрые ржи Г сотницы, а вымолочено чистои ржи Г чети; да середние ржи омолочена Г сотницы ж, а вымолотили чистои ржи В чети (ИВ, № 14, 28 об. 1604 г.); в дрвне Велигощах намолотили выморочнои ржи четверть (НС, № 2, 6. 1604 г.); намолочено овса зимнеи молодбы сто восмьдесят одна четверть (СП, № 262, 2. 1691 г.); гороху... намолочено осмънатьцет четвертеи (СП, № 302, 30 об.-31. 1698 г.); гречи третнои умолочено 0 чети и та греча отдана делать на крупы (ИВ, № 9, 73 об. 1600 г.); жита умолотили ОГ чети ...пшеницы умолотили ГІ чети, гречи умолотили З чети гороху З чети с полуосминою, конопель умолотили ЗІ чети (ИВ, № 9, 48 об. 1600 г.); да овыди умолочено полосмины (ВК, № 16935, 110. 1586 г.).

У глаголов вымолотить и умолотить существовали семантические и функциональные различия, определяющиеся различными префиксами: первый употреблялся, когда записывался какой-то промежуточный результат, общий же итог подводился глаголом с приставкой у-: Вымолотили овса по окладу из сотницы по три осмины и того умолочено овса восмьдесят чети (СП, № 23, 14. 1659 г.); умолочено на Маурине и з сѣмяны ржи 5 чети (КБ, № 725, 6. 1626 г.).

Сельскохозяйственные книги включали иногда и сведения о получении с крестьян по заемным кабалам хлеба нового урожая. Когда брали хлеб в снолах, то особенно тщательно измеряли количество полученного в результате молотьбы зерна, несоответствие количества отданного хлеба взятому обозначалось тем же глаголом с приставкой недо-: А четверика симян пшеницы недомолотилися на Иван-

ке Яковлеве и за тот четверик взяли полосмины офса (ЛС, № 2, 17. 1604 г.).

Процесс обработки невеянного зерна описан в книге Иосифо-Волоколамского монастыря 1604 г.: И тое невѣиные ржи ЛЕ четвертеи да овса невѣиново М четвертеи смешено вместо и пукано, а вымѣрено смѣси НЗ чети (ИВ, № 14, 77); да как пукали с овинов невѣиную рожь и упукалось ржи КВ четверти (Там же, 78–78 об.); умолочено невѣинои ржи РНЗ четвертей и тое невѣинои ржи испукано Р четвертеи а выпукано ПЗ четвертеи (Там же, 93). Пукать, пукнуть, пукивать хлопать, щелкать... твр. отбивать цепом ость у ячменя; юж. молотить горох, чечевицу; калуж. домолачивать молотьбу, на посаде, проходить напоследок и отбивать вымолоченное (Даль, III, 537). В волоколамской книге этот глагол встретился с приставками, характерными и для глагола молотить.

С наименованием конопля употреблялся глагол умолотить, когда речь шла о получении семян: Конопель умолотили Д чети (ИВ, № 9, 52. 1600 г.); да исполовых конопель умолочено полосмины да семянных конопель осмина (ИВ, № 14, 167 об. 1604 г.). Извлечение семян льна из его плодов-коробочек обозначается также глаголом молотить с приставками: И тот лен обмолочен, семени намолочено четверть (СП, № 238, 67-67 об. 1688 г.). Но чаще встречается глагол бить с приставками о-, на-, что говорит об отличии этого процесса от обычной молотьбы: И тот лен обит, семени набито две четверти (СП, № 302, 39. 1698 г.); и тот лен обит, а семени набито три четверти (СП, № 262, 72. 1691 г.).

Таким образом, связи с глаголами группы слов, объединявшихся ранее понятием 'хлеб', характеризовались определенным единством. В сочетаниях с наименованиями полевых культур использовали глаголы сеять; жать, косить, имать; молотить, бить, для особых сельскохозяйственных работ - колосовать, пукать. Ограничен и набор словообразовательных средств. С глаголом сеять употребляются приставки по-, вы-, на-; с глаголом жать - по-, вы-, на-, у-; с косить - на-, у-; с имать - вы-, на-; с глаголом молотить - вы-, из-, на-, недо-, о-, об-, пере-, у-; с колосовать - о-; с бить - на-, о-; с глаголом пукать - вы-, из-, у-. Употребляются они в основном либо в неопределенно-личных либо в безличных пассивных синтаксических конструкциях, в личных-очень редко . Все эти особенности тематической группы названий полевых культур позволяют признать единство ее синтагматических связей.

Добавим еще несколько сведений о культурах, которые впоследствии выделились из хлебных и получили название технических: о льне и конопле. После извлечения семян (обмолота) начиналась обработка их стеблей - соломы - с целью получения волокна. Процессы обработки конопли не находят отражения в сельскохозяйственных книгах XVI-XVII вв., но о расстилке и мятье льна в них сведения есть. Оставшиеся после обмолота льняные стебли расстилали на стлище (на лугу, на поле), где они вылеживались две-три недели, увлажняясь росой и дождем. Такую наполовину обработанную солому - тресту - собирали; высушивали и мяли, очищая волокна от костры. Во владимирских книгах находим: а лен пос[т]лан и подняв перемят, а намято лну дватцать восмь кербей и лен мятои отдан в мнстрьское сушило (СП, № 302, 39. 1698 г.); а лен разос[т]лан и со с[т]лища поднят и перемят с четырех овинов, а намято дватцать кербеи (СП, № 238, 67 об. 1688 г.). Ср. запись о гибели разостланного льна: а лну не волочили за то что извалялся да згнѣл на лнѣщи (ВК, № 16935, 90. 1586 г.).

Специфика процессов определяла особенности выбора лексических средств в учетных книгах. А так как свойства льна, особенности его обработки и применения отличались от способов обработки и применения других яровых культур, в частности зерновых, то это и выделило со временем его из числа хлебных культур, из "хлеба", что подтверждается и употреблением особых глаголов, характеризующих эти процессы. Таким образом, вслед за спецификой положения культуры в реальной действительности обособляются и языковые средства, использующиеся при ее описании.

Все наименования культур сочетаются с глаголами, обозначающими сельскохозяйственные процессы, в пределах единой синтагмы, в которую нередко входят и количественные обозначения семян или снопов соответствующей культуры. Схематически состав этой синтагмы можно представить так: действие (т.е. сельскохозяйственный процесс), выраженное глаголом, плюс (хотя и не всегда) количественное обозначение (числительное в вин. падеже), плюс наименование культуры (существительное в род. падеже). Такое единство синтагм в сельскохозяйственных книгах XVI-XVII вв., включающих названия полевых культур исследуемой тематической группы, свидетельствует об их одинаковой синтаксической функции, а следовательно, об общности их синтагматических связей.

Укажем на синтагматические отношения в словосочетаниях с

прилагательными, характерных для названий полевых культур. Так, качество хлеба определялось тремя признаками: добрый или лучший, середний, и худой или плохой: А умолот из сотницы лутчие ржи по чети, а середние ржи по Г полуосмины, а худои ржи полосмины (ИВ, № 14, 29-29 об. 1604 г.), нажато на тех десятинах четыреста восмьдесят восмь сотниц ржи доброи и середнеи и плохои (СП, № 26, Л. 392 г.). Некачественный хлеб описывался с помощью отглагольных прилагательных с суффиксом -л-, вышедших (кроме слова горелый) из употребления в современном языке: Сложено вымоклые ржи одонейно (ИВ, № 14, 17 об. 1604 г.); и та рожь згорѣла и тое горѣлые ржи в мнстрь привезено КД четверти (Там же, 22-22 об.); леглои нажато тритцеть две сотницы ржи (СП, № 26, 69. 1692 г.). о. в книге Соловецкого монастыря 1736 г.: телятам изошло на корм... зяблого жита две четверти (Сол., № 452, 5 об.). Эти прилагательные встречаются не со всеми наименованиями культур: их семантика указывает на причину низкого качества хлеба.

ж ж ж

Другим видом связей, присущих исследуемой группе, являются деривационные связи. В.В.Виноградов писал: "Основной словарный фонд языка на протяжении всех периодов его исторического развития связан, хотя и по-разному, с лексикой этого языка нитями закономерных словообразовательных отношений" [7, с.56]. Производные от наименований полевых культур отличаются единством семантики и способов словообразования. В сельскохозяйственных книгах таких образований немного, поэтому некоторые дериваты извлечены из материалов Картотеки ДРС, хранящейся в Институте русского языка АН СССР [17] и из словарей. Так, с помощью суффикса -ище - иногда от основы прилагательных с суффиксами -н-, -ан-(-ян-), -ов-(-ев-) - образуются наименования полей, которые заняты (или были заняты недавно) соответствующей культурой. Ржище. Повели... на клен по ржищу по Китаеву да на иву (Гр. Моск. Мейч., 109, до 1462 г.); да повел Семянко Тимнов от реки долом поперек хмѣльника, межи дву овинов по ржищу подле болото (Арх. Стр. I, 33, до 1470 г.); став на землѣ... Бисеровского села на полѣ на ржищѣ, на селищи на Поповском тако рек (АКБ I, 639. 1481-1505 гг.); повели судью по меже от сосны поженок до ржища, да поперег ржища до березового пни (А феод. землев. I, 109. XVII в.≈1498 г.). Выпадает из общей семантики пример употребления слова ржище в "Назирателе" XVI в., возможно потому, что памятник переводной: От

добраго сеяния ржи уродится ржище, или от пшеницы куколь (Назиратель, 196). Ср.: ржище, ржаное жниво, ржаное поле, с которого хлеб уже снят (Даль, IУ, 101), ржанище пск. твр. ржаная нива (Там же).

Овсище. Орамая земля овсище (Гр. Дв., 9. XУ в.). В роли топонима: лѣта 7071 [1563 г.] приходили литовския люди... Псковския волости повоевали Муравейно, да Овсища обои, Коровеи бор. (Псков. лет. II, 242), Ср.: Овсянище - стерня овса [3, с.82]; Овсянище тмб. орл. кур. ряз. овсяное жниво, поле по снимке овса, овсянье (Даль, II, 641).

Яровище. Рожь сѣели по яровищу (Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 7, 52. 1589 г.). Ср.: Яровое жнище, нива, с которой яровой хлеб снят (Даль, IУ, 679).

В Словаре В.И.Даля отмечено житнище нвг. пашня, где по нови или по отлежалой залежи посеян ячмень (I, 544) и без указания места пшенище - поле, с которого снята пшеница (III, 546). По данным диалектологического атласа русского языка, в современных говорах сохранились подобные образования [19]. Так, в новгородских, белозерских, устюжских, костромских, смоленских, волоколамских и рязанских местах отмечается ржище и ржанище, овсище и овсянище; в псковских местах - пшеничище, в псковских, устюжских, торопецких - житище и житнище, на запад и юго-запад от Москвы - ячище и ячменище, на юго-восток - просянище. Гречище, гречанище и гороховище упоминаются в Словаре Брокгауза и Эфрона (вып. 17 и 18). Льнище отмечено в СлРЯ XI-XVII вв.: Межа лѣсу по огороду... на ольховый куст да на ивовой по конец льнища до болота. (А. Уст. I, 46. 1574 г.). Ср.: Льнище, льнянище поле бывшее подо льном // подсека под лен // место, где стелют, гноят, сушат лен (Даль, II, 248). Льнище выжженное из-под мелкого леса место для посева льну. Шенк. (Подвыс., 84). В материалах новгородских сельскохозяйственных книг: Лен извалялся да згнѣл на лнѣще (ВК, № 16935, 90. 1586 г.).

Коноплище. Выменили есми землю против одворища Егорьевскаго и коноплища (АХУ III (Лодом.), 13. 1537 г.); в гуменном лоскуте коноплище (Арх. наместн. Новг. архиеп. № 5. Купчая 1570 г.). Видимо, коноплище было вытеснено словами конопляник и конопник (как хмельник), которые были известны и в XVII в.: так назывался "огород или поле, засеваемое коноплями" (Даль, II, 152).

Суффикс -ник, присоединяющийся к основам названий полевых

культур, также дает образования со значением "поле, засеянное соответствующей культурой" или "поле, с которого эта культура была недавно убрана". Эти названия отмечены в современных говорах в тех же местах, что и образования с суффиксом -ище: ржевник и ржаник, овсяник, пшеничник, житник, ячменник, просяник [18].

В новгородских книгах XVI в. отмечено в том же значении овсянье (Кн. ям. новг., 3), оно встречается и в современных новгородских говорах. Образования с суффиксом (-ь)je известны и от названий других культур: ржанje, овсянje, пшенje, пшеничje, ячменje, просянje [19]. Ср. гречевенье: Взял... мерина рыжа на помѢсной своей земли на гречевен[ь]и и с чловком своим с Тишкою отослал в город к записке (А. Дедил. воев. избы, № 353. 1677 г.).

Отметим единство словообразовательных моделей прилагательных от основ названий полевых культур с суффиксами -н-, -ан-(-ян-), реже -ов-(-ев-): солод житны (ИВ, № 9, 50); яришного солоду осмина (Там же, 86 об.); за дви четверти офсяную с третником [взята] четверть жыта (НС, № 2, 19 об. 1604 г.); едино зѢрно пшеничьно в житнице лежа (Ж. Нифонта, 280. 1219 г.); солоду яришного круп ячных и гречишных и просяных и овсяных (Кн. прих.-расх. Арз., 10. 1680 г.); за солому за житную и за овыдную взято восмь денег (ВК, № 16935, 110. 1586 г.); крупы гречневые (ИВ, № 9, 50. 1600 г.); ко лновои пряжи доброи и середнеи [дано] по ефимку (Докл. в Сенате, II (1), 322. 1712 г.).

Распространен и суффикс -ник, с помощью которого от основ прилагательных, описанных выше, образуются наименования изделий из муки соответствующей культуры: Житник юж. ржаной печеный хлеб // сев. ячный хлебец. // арх. род сдобной ячной кокурки на коровьем масле (Даль, I, 544). Овсяник. Морят... гладом и жажею почали нас кормить овсяником (АИ II, 286. 1609 г.); Неломайся, овсяник, не быть тебе калачом (Кург. Письм. I, 133. 1790 г.). Пшеничник пирог, сев. калач, вост. булка и юж. паляница из пшеничной муки, прм. влгд. пшеничный пирог или хлеб; пшенник - род пшенного коровая (Даль, III, 546). Ячник (и ячневик) - ярушник, ячный хлебец; к тесту примешивают ржаной муки или выливают ячное тесто в ржаной сгибень, чтоб оно не расплывалось (Даль, IV, 682). Ярушник вят. прм. сиб. овсяник или ячневик, яровой печеный хлеб (пшеницы там нет) (Даль, IV, 680). Слова ярушник и ярушмен В.И.Даль отмечает как вологодские.

Только в названиях хлеба из ржаной муки используются суффиксы -уха, -ина: ржануха, ржанина. Причем последнее слово может обозначать и ржаную солому (ср.: гороховина - солома и мякина гороха), а слово с суффиксом -ник ржаник называется подорожник (Даль, IУ, 101). В Картотеке ДРС Ржаник встречается только в значении прозвища.

Таким образом, от основы названий полевых культур образуются однотипные в словообразовательном и семантическом отношении дериваты. Это названия полей с суффиксами -ище, -ье, -ник, на которых растут или с которых сняты соответствующие культуры. Это прилагательные с суффиксами -н-, -ан-(-ян-), -ов-(-ев), присоединяющимися к соответствующим основам. Это образующиеся от основ прилагательных существительные со значением "изделие из муки зерна соответствующей культуры".

Словообразовательные модели от наименований полевых культур говорят о единых возможностях слов этой группы в образовании производных, имеющих и общую семантику и общие словообразующие элементы.

Таким образом, тематические группы слов, как принято считать, объединяют наименования вслед за классификацией предметов действительности. В тематических группах существуют и внутренние языковые связи, которые позволяют лингвистам исследовать их без опасения утратить предмет своей науки. Эти связи характеризуют синтагматические и деривационные отношения, присущие определенной тематической группе слов. Кроме того, в них на протяжении времени в процессе развития языка происходят родо-видовые смещения, связанные с изменением статуса тематической группы, перемещением ее слов из сферы обиходно-бытовой лексики в сферу научной терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, с.521-538.
2. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.
3. Филин Ф.П. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.: Л., 1936.
4. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М., 1962.
5. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

6. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // В.В.Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с.69-94.
7. Виноградов В.В. Об основном словарном фонде. (Там же, с.47-68).
8. Трубачев О.Н. К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографический сборник", вып. VI, М., 1963, с.3-16.
9. Астахина Л.Ю. Русские сельскохозяйственные книги XVI-XVII веков как лингвистический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1974.
10. Подробнее об этом см. нашу статью "О родо-видовом смещении в лексической группе". - В сб. "Значение и форма слова". Калинин, 1988, с. 99-106.
11. Найдич Д.В. Орудия и способы молотьбы и веяния // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с.81-92.
12. Флоринова экономия. Пер. с немецкого С.Волчкова. СПб., 1738.
13. Болотов А.Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. Изд-во Моск. общ-ва испытателей природы. М., 1952.
14. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1768 году. СПб., 1771.
15. Приводим минимальное количество примеров. Орфография рукописей XVI-XVII вв. упрощается.
16. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков // Учен. зап. Моск. ун-та, отд. ист.-филол., вып. 23, 1896, с.1-124.
17. Цитаты из Картотеки ДРС, хранящейся в Институте русского языка АН СССР, шифруются по Указателю источников Картотеки Словаря русского языка XI-XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. Сост. С.Ф.Геккер, С.П.Мордовина, Г.Я.Романова. М., 1984.
18. [Татищев В.Н.] Краткие экономические до деревни следующие записки. Сочинения Василия Никитича Татищева 1742 года // Временник ОИДР, кн.12, М., 1852.
19. Диалектологический атлас русского языка. Вып. 3. Лексика. Карта № 47. Названия сжатого поля после различных культур. Автор В.Н.Теплова.

20. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. Л.: М., 1937.
21. Виноградов В.В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // В.В.Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с.88-154.
22. Сельскохозяйственная энциклопедия. Т.5, 6. М., 1975.

Список сокращений

БГ - ГБЛ, ф. М, 10933, № 33. Книги Белогостицкого Георгиевского монастыря.

ВК - ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, оп. 300. Вотчинная контора, № 16924, 16930, 16934, 16935, 16941, 16966, 16968, 16974.

ИВ - ЦГАДА, ф. 1192, Иосифо-Волоколамский монастырь, оп. 2, № 9, 14, 30а.

Изм. - ГИМ ОПИ, ф.342, Барятинские, № 47. Книга дворцового села Измайлова.

КБ - ЦГАДА, ф. 1441, Кирилло-Белозерский монастырь, оп. 1, № 684, 724, 875, 971.

Мор. - Книги посевные, ужинные, умолотные в имении Б.И.Морозова. Опубл. И.Е.Забелиным. - Временник ОИДР, 1850, № 7. Материалы, с.1-20.

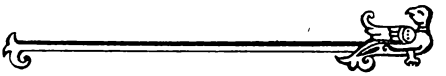
НС - ЦГАДА, ф. 210, Разрядные вязки, вязка 1, № 2, 3, 4. Книги Новгородского Софийского Дома.

РС - ЦГАДА, ф. 1202, (Рязанский) Солотчинский монастырь, оп. 1, № 30.

Сол. - ЦГАДА, ф. 1201, Солотчинский монастырь, оп. 4, № 452.

СП - ГАВО, ф. 575, Суздальский Покровский монастырь, оп. 1, № 12, 23, 26, 47, 48, 229, 234, 235, 238, 262, 286, 302.

ТГ - ЦГАДА, ф. 1187, Троицко-Гледенский монастырь, оп. 1, № 1216, 1267, 1326, 1361, 1608, 1629.

Лексические совокупности, их языковая и культурно-историческая интерпретация

В.В.Колесов

ДОМЪ И ДВОРЪ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ XI-XVI ВЕКОВ

Из классической работы по исторической лексикологии Ф.П.Филина мы знаем, что в древнерусском языке слова домъ и дворъ одинаково означали 'жилое помещение' и 'обитатели его'. Но дворъ использовалось в оригинальных текстах, повествующих о местных событиях (например, в Повести временных лет), тогда как домъ нередко встречается в церковных и переводных текстах. Переносные значения у этих слов развивались несовпадающим образом. У слова дворъ "широкое значение в речи иногда суживалось по принципу называния части по целому"[1, с.157]: в дьворъ 'забор, ограда', по-видимому, еще осознавалась связь "словесного образа" корней дворъ и двьрь. У слова домъ переносные значения развиваются в границах стиля или жанра. Элемент высокого стиля проявляется в том, что домъ в летописи может выступать в значении 'церковь, храм', а также и в том, что "в церковных текстах слово это сохраняет более архаичную семантику, чем в светских, соответствующую более примитивной ступени общественного развития и соответственно мышления... например, в речи философа домъ 'род', 'семья', причем это архаичное значение вовсе не определялось библейским содержанием текста: в тех же церковных произведениях данное понятие переводится также и более адекватными для нашего сознания словами колѣно, племя, родъ и проч., следовательно, переводчики имели возможность выбирать термины для обозначения библейского понятия и все же употребляли наряду с другими словами и домъ, что соответствовало их собственным нормам мышления"[1, с.157-158]. Рассматривая оба слова в Повести временных лет (независимо от жанра, стиля, информации и т.д.), Ф.П.Филин полагал, что "слово домъ в оригинальных текстах означало само жилое здание, дом,- в этом его важнейшее отличие от дворъ. Кроме того, домъ - все, что относится к внутреннему распорядку в доме, к домашнему хозяйству и имуществу (ср. в Поучении Владимира Мономаха: В дому своемь не лѣнитеся; в Русской Правде: Аже кто умирая раздѣлить домъ). Вряд ли правильно будет понимать здесь домъ как буквальное обозначение хозяйства, имущества - тут мы имеем налицо уже и элемент обобщения, переносного значения (что и в современном языке). Обычны в "Повести" наречные образования: дома, домови.

Поскольку дом составлял главную часть двора (или других

комплексов построек), отсюда и совпадения значений терминов дворъ и домъ, встречающихся, впрочем, сравнительно редко и к тому же в более поздних летописных записях (ср. например, разночтения в новгородских летописях в статье под 6702 г.: "сѣгорѣша ...много домовъ добрыхъ" в Комиссионном списке, дворовъ в Академическом и Толстовском; в Новг.2-глосса "дворовъ добрыхъ, рекше домовъ"; то же под 6926 г."[I, с.158]. Заметим, что в самом древнем Синодальном списке (к.XIII в.) этой летописи слова домъ и дворъ использованы по прямому назначению: (1194): Загореся Савъкине дворе на Ярышевѣ улици, и бяше пожаръ зълъ, сѣгорѣша церкъви 3... и много домовъ добрыхъ... нъ на другый день загореся въ Чьглове улки, и погоре дворовъ съ 10. И потомь боле въздвижеся ...и сѣгорѣ церкъвий 7 и домове величии (Новг. I лет., 168-169). Так и в дальнейшем: дворы связаны с улицей, на которой находятся; это местность. Дома всегда определяются как добрые или великие и противопоставлены "бездомью": И не съмяху людье тировати въ домъхъ, нъ по полю живяхуть. (Там же, 169). Так, в более поздних списках обнаруживается смешение значений слов, которые одинаково представлены были в оригинальной записи 1194 (6702) года, когда дворъ и домъ отчасти различались по смыслу.

Для дальнейших рассуждений важно уяснить, что дворъ означал в самом широком смысле жилье, пространственные пределы расположения того, что понималось как домъ - 'род, семья с домочадцами'.

В задачу статьи входит рассмотрение некоторых древнерусских источников, позволяющих уточнить взаимное отношение этих двух слов и по разным причинам не привлекавшихся к исследованию. Начнем с одного из указанных Ф.П.Филиным парадоксов: совпадение значений слов домъ и дворъ оказывается не столь уж редким, особенно в переводных текстах, хотя переводчики XII в. имели возможность выбирать термины для различения дома и двора.

В Повести об Акире фараон желает построить "домъ межу нѣбсем и землею" (Акир, 226, 270). В некоторых списках вместо слова домъ стоит дворъ. Сам Акир говорит в конце неудачного предприятия: Одинемъ днемъ два двора створь (272), как бы соглашаясь с фараоном, который молвил: Ослабимь дѣла сего дворнего (272), т.е. постройки двора, а не дома. Слово дворъ появляется еще раз, когда Акир, упрекая неблагодарного племянника, говорит: Сыне, устроилъ тя есмь аки дворъ (278), т.е. оградил от бед, защитил от печалей. Двор предстает здесь как ограда, в которой все - и

домъ в том числе. Тем не менее, "что́ старше - домъ или дворъ - неясно" [2, с.128]. Двор строился для фараона, следовательно, это не двор, а дворец, т.е. домъ.

В другом русском переводе XII в. в книге Есфирь также говорится о царском доме-дворе: И ста у дому царева, дому днѣшнего, противу дому цареву (V, 2), т.е. Есфирь стала на внутреннем дворе царского дома перед дворцом царя. Три разных понятия, которые современная мысль аналитически разделяет, обозначая различными словами, в древнем переводе слиты и как бы вытекают одно из другого посредством перенесения смысла: дом как дворец. Тут самое конкретное по смыслу слово - дом; двор - пошире, несколько зданий образуют двор. Но домъ и самое широкое по смыслу слово, если к значению 'дворец' добавляется значение 'население, обитатели дома'. Пока аналитическое движение мысли, рассекающее видимое пространство на дробные части, не было обеспечено самостоятельными терминами, выражающими все оттенки суждений, приходилось опираться на вспомогательные слова-определения домъ царевъ, домъ днѣшьний (донный, внутренний) и под., которые уточняли видовые различия между словами-омонимами. Пользовались и предлогами, которые совместно с именем образовывали единство словоформы-слова (у дому - около, возле; против дому - перед, напротив: стала около дома, т.е. и около всего, находящегося в нем; стала перед домом - конкретно перед зданием). В Сказании о Борисе и Глебе XI в. дом противопоставлен зданию (храмине), т.е. несомненно является в широком смысле двором: И въшѣдъ въ домъ тъ, сѣдѣаше предъ храминою (Усп. сб., 63).

К настоящему времени последовательное вычленение из понятия дом самых разных его сем обеспечило отдельными словами только конкретные его значения, но дом как общее, родовое обозначение жилья, крова всегда оставалось именно домом. Это свидетельство достаточно позднего развития значений слова: в качестве родового выступает не новое по происхождению слово, а самое древнее. Но в XI-XII вв. нерасчлененность понятий двор и дом налицо. В любом переводном тексте находим несоответствие греческому оригиналу, в котором многозначность греческого слова строится по совершенно иным основаниям (другая система значений в границах лексемы). Ср.: Гумно близь двора прилежаще - πλησίον οἰκήματος (Кн. законные, 66), т.е. близ жилища, здания; "въ двою двороу домоу гня" - δύο αὐλαῖς οἴκου κυρίου (Ефр. Корм., 186), т.е. в двух

оградах (или дворах, домах, храмах) жилища бога (также может быть и ограждение, и двор). Греческий оригинал не влияет на смысл славянского перевода, потому что исходная многозначность греческого слова как бы прикрыта однозначностью текста: речь идет о доме, в котором обитает бог, о храме.

На каждом из подобных несоответствий перевода греческих слов можно было бы остановиться специально. Конкретизируем только аспект, связанный с обозначением храма. Как обычно, уточнение (спецификация) жилья производится с помощью притяжательного прилагательного: домъ божий, домъ господень и др. Это указывает на древность номинации: нет определений с помощью качественных прилагательных.

Во всех первоначальных переводах с греческого на месте οἰκία, οἶκος употреблялось слово храмъ, т.е. просто 'дом', 'хоромина'. На месте же греч. σκηνή стоит обычно столь же неопределенное по значению куща, хыжа, даже скиния. Церковное здание по этому подбору лексики (в отличие от мирского дома) воспринимается как временное, случайное жилье или его подобие, не обязательно строение, а просто шатер, палатка, вежа. Смысл славянских замен греческого слова наталкивает на такое предположение. Это соответствует древнейшему представлению христиан о временности, суетности земного жития. Скиния, которым переводится греч. κατοικία, не жилище и не обиталище: "Сии есть многочюдныя скиниа, и обителище, и жилище, иже обѣща имъ, иже създа имъ [бог христианам]". (Ж. Вас. Нов., 481. XVI в. ~ XIV в.). В списке XVI в. скиния, обиталище и жилище даны уже в символическом триединстве, их последовательность подается как усиление "степеней вечности": от конкретной скинии до абстрактного жилища. В древнейших церковных текстах храмъ - дом, а скиния - храм. Со временем соотношение слов дом и храм изменилось: во всех случаях (по поздним спискам) слово храмъ заменяется на домъ, а скиния, куща, хыжа - на храмъ. Русские тексты подвергаются такой замене в первую очередь [3, с.42, 68; 4, с.105, 109; 5, с.320]. Понятие домъ как наиболее общее требовало уточнений. Только в архаических по стилю текстах сохраняется еще в самом начале XIII в. древнее распределение значений слова домъ. Так, в Печерском Патерике домом называется и гражданское строение и церковь (домъ господень, домъ божий, домъ пречистые, молитвенный домъ). Во всех древнерусских текстах авторы, начиная с Илариона (XI в.), именуют

церкви и храмы только домами (чем и отличаются от других славянских текстов, написанных или переведенных в это время; напр., в Ефр. Корм. противопоставление "въ домъ или в церковь" - обычно, а это - перевод не русский, не восточнославянский). Характерно уже избегание терминов храмъ, церковь. Домъ как понятие и как термин становится столь же важным, что и церковь и храмъ. Еще в Слове о погибели Русской земли (XIII в.) говорится о том, что земля Русская "удивлена домы церковными" (с определением, но все-таки домы!). И только на исходе XIII в. церковный домъ окончательно становится храмом. До того хоромами (т.е. храмом!) могли, издеваясь, назвать только языческое капище. Особенно часто это встречается в рассказах о князе Владимире Святославиче ("храмы идольские и требища"). В переводах XII в. уже различаются "два домы: храмъ господень и домъ царевъ". (Сказ. о Соломоне) П. отреч. II, 257. Представление о парадном языческом храме полностью перенесено на храм христианский. Надобность в определениях исчезает, поскольку появляется установленное обычаем именование храма в отличие от дома. В известном смысле этому же способствовало и разграничение лексических вариантов хоромы и храмъ в произносительной и грамматической их определенности. Когда в XII в. восточнославянский переводчик греч. οἰκοδομήσῃ οἶκον 'возведение дома, здания' передает как "храмы поставить" (Кн. законные, 104), он уже осознает различие между множественностью хором и единственностью храма. Но разграничения в произношении у него еще нет: полногласие окончательно сформировалось как лексически закрепленная вариативность только в XIII в., после утраты редуцированных гласных.

Так обстоят дела с храмом 'божьим домом'. Впоследствии словом Домъ в церковном обиходе стали называть только патрональный храм определенной русской территории: Дом святой Софии в Новгороде, Дом святой Троицы в Пскове, Дом Спаса в Твери и т.д. При этом имелось в виду не только здание храма, но и все владения, все обитатели, все служители Дома [6].

Возвращаясь к разграничению между сферами понятий дом и двор в древнейших текстах, заметим, что происходило оно медленно; в какой-то момент двор понимался всего лишь как двор при доме. Вот пример, достаточно выразительный. В 101 псалме древнеславянский переводчик использовал слово нырище: Бихъ яко нощны врань на нирищи (Псалт., 139). Выражение стало нарицательным,

его употребляют и теперь, не всегда понимая, что нощный вранъ - это одинокая печальная сова, а нырище - всего лишь место, куда можно "нырнуть" в минуту опасности: убежище, логово; скорее всего, дупло старого дерева. Современный перевод этого места "я стал как филин на развалинах" не совсем удачен. Он соединяет в общей схеме два разных образа; исходный и новый (сова, а не ворон), но по-прежнему - в развалинах (старого замка, двора, дворца, и дома также). В греческом этому тексту соответствует ἐν οἰκοπέδῳ , т.е. и развалины дома, и любое местоположение субъекта действия. В форме множественного числа это слово означало и участок под домом. Поэтому не удивительно, что древнерусский книжник XI в., сверяя это место с греческим оригиналом, стал в тупик перед неведомым ему (и, видимо, искусственно сочиненным первым переводчиком) словом нырище. Что оно непонятно было уже в древности, указывают и частые исправления в его написании (нирище и под.). Книжник не нашел ничего лучшего, как подправить поэтический текст весьма тяжеловесным оборотом, и вместо нырища появилось "въ домовнѣ дворѣ" [3, с.68]. Нарушение поэтической образности и ритмики стиха возмещалось логической точностью перевода. Домовыи дворъ - это место под домом, значит, и развалины тоже. Дворъ остается даже тогда, когда домъ разрушен. "Нощный вранъ на домовнѣ-дворѣ" впечатляет не менее "филина на развалинах". Однако древнерусский списатель понимает: двор - это то, что всегда остается. Напомним: в Новгородской летописи говорилось, что на улицах горели дворы, но в отличие от великих и добрых домов, они оставались и после пожара. Домъ в отличие от двора создается, это-здание. В русских списках некоторых старых переводов к слову градъ дается глосса домъ [5, с.301], которая указывает на то, что домъ всегда огражден, его "возграждают". И дворъ всегда обносился тыном, это - огород, т.е. градъ, в котором среди прочих строений вносится и домъ, хотя домъ - не только здание, но и население "огорода".

Постепенно из семантической неопределенности (синкретичности) родового слова-понятия дом на фоне других лексем и в противопоставлении им выявляется и собственное значение слова домъ. Домъ уже не храмъ, однако именно благодаря такой оппозиции к церковнославянскому слову возникает представление о доме-здании, но только в нейтральном стиле литературной речи. Постепенность в выявлении этой семы объясняется, видимо, тем, что в продолжение

всего раннего средневековья понятие о доме связывалось с каким-то иным признаком, который хорошо известен и описан.

А.С.Львов заметил, что об одном и том же факте летописец может сказать по-разному: Имѣнье мое разграбиша (Лавр. лет., 200; Ипат. лет., 191); дворъ жь княжь разграбиша (Лавр. лет., 171; Ипат. л.т., 161); домъ его разграбиша (параллели из церковных текстов)[7, с.108]. Быть может, сопоставление этих выражений опрометчиво, поскольку важна ведь и перемена точки зрения на акт грабежа: мое имение - двор князя - и (совершенно отвлеченно, как бы в отстранении) его дом. К тому же сам А.С.Львов слово домъ в значении 'дом с хозяйством' признает книжным, в том числе и в Повести временных лет[7, с.110].

Решительнее о смене этих понятий говорят историки. Княжий дом (т.е. феодальный двор, родовое гнездо) когда-то называли огнищем[8, с.146]. В Русской Правде вся вотчина называлась домом, в центре которого находится отчий двор[9, с.152]. Когда огнищанин (глава родового огнища) платил дань (напр., хазарам в нач. X в.), то "вдаша от дыма мечь" (Лавр., 17); но в середине X в. Ольга требует с древлян "отъ двора по 3 голуби да (по) 3 воробьи" (Лавр., 59). В конце X в. ее внук Владимир дал Десятинной церкви десятину "з домов на всякое лѣто" (УВО). Дым, двор и дом последовательно противопоставлены княжению или торгу как самостоятельные единицы хозяйственного обложения. В конце XIV в. в Московской Руси такой единицей стала отдельная деревня: Бысть дань велика по всему княжению Московскому, з деревни по полтинѣ (Ник. лет., XI, 85. 1384 г.). Смена именований не случайна и подтверждает, что это изменение идет параллельно с изменением податного обложения: при Святославе вятичи платили хазарам "по щьлягу отъ рала", сын же его Владимир, покорив вятичей, "възложи на ня дань отъ плуга"; при внуке Святослава брали уже "по гривнѣ от человѣка"[10, с.190-191]. Личная мера соотносится с коллективной (родовой?), постепенно ее заменяя. Огнище - двор - дом идут параллельно с "щьлягом", который в конце концов оборачивается "гривною". Никаких сведений о том, что дом в это время - 'здание', нет. Огнище, двор, дом - одно и то же: внешняя граница владений, а может быть, и сами владения. Еще в III Новгородской летописи XIII в. при описании совокупности всех жилых и нежилых надворных построек есть оговорка: Дворов добрых, рекше домов. Общим счетом они составляют хозяйство, имение, а таков именно смысл слова домъ и

в Русской Правде. После XIУ в. требовалось уже уточнять словами то есть, а именно, что дворы составляют "дом"; до тех пор дом - семейная (родовая?) собственность, которая принадлежит всем членам рода [11, с.89-90]. Опираясь на тексты Русской Правды, Н.А.Рожков писал, что значение слова домъ в древнерусском не совпадает с основным значением современного языка. При наследовании дом всегда делился, а земля, т.е. двор - нет: "Аже будеть сестра в дому... аже будуть дочери у него дома...", т.е. не вышли замуж в чужие дома, остались в семье, дома в общем собирательном смысле, который характерен для древнейших текстов. 'Семейное имущество', 'хозяйство' - вторичное значение слова домъ: "Оже кто умирая роздѣлить домъ свой дѣтемъ"; в случае особой вины хозяина отдается "на потокъ на грабежь домъ его", т.е. все семейное его имущество (не мирское и не общинное) [11, с.89]. Слово домъ оставалось родовым понятием родового быта: все имущество, вся собственность семьи.

Подобное толкование слишком широко, но имеет одно достоинство: оно не дробит исконного смысла синкретного слова на составляющие его значения и, вместе с тем, выделяет значение, которое в условиях распадения родового быта было самым главным (основным) в народном языке XI-XIII вв.: общее именование семейного имущества, средства жизнеобеспечения рода (семьи). Если домъ 'здание', как и более широкое значение 'жилище', известно только с XIII в., а это совпадает с моментом стабилизации лексемы храмъ для обозначения божьего дома (здания), мы должны допустить, что предшествующий этому иной разворот значения слова домъ 'имущество, хозяйство' также связан с историей какого-то слова и определялся перестройкой стилистических и семантических обозначений эпохи XI в. Домъ 'хозяйство' несомненно связан с развитием многих слов высокого стиля или ставших со временем таковыми. В их числе первое место занимает слово имѣние: оно часто варьирует по спискам со словом домъ в этом значении. Противопоставление домъ - дворъ при наличии имѣние и храмъ способствует постепенному выявлению значения слова домъ 'хозяйство' (общего, владетельного, достаточно широко понимаемого - еще без дифференциации на чадь и домочадцев в противопоставлении к 'добро').

Гипотеза такова: "основное" значение слова дом 'здание' появляется не ранее XIII в., в древнерусском языке ему предшествовало "основное" значение 'хозяйство, имущество (семьи)', а все

прочие значения (возможные и в современном языке) были вторичными в границах древнерусской лексико-семантической системы.

По сохранившимся текстам видно, что все значения слова домъ оказываются грамматически и лексически связанными. Каждое из них (как это свойственно было этикетному по формуле и ритуальному по действию средневековому обществу), определенно очерчено рамками вспомогательных языковых средств: порядком слов, характером определений, грамматической формой.

Когда говорится о 'здании', домъ сопровождается точным определением или обозначением действия: Домове велиции и свѣтлии (Флавий. Полон. Иерус. (М.), 217); дома великии противопоставлены храмам божьим и полатам царским (Царьгр., 220, 222), царевъ домъ и царева полата равнозначны и употребляются в зависимости от стиля речи (Вавилон, 184). Когда говорится о большом, чистом, светлом доме, ясно, что речь идет о здании, помещении. Определение уточняет понятие ударным признаком, и неопределенный домъ становится домом-зданием; в сочетании с определением слово раскрывает одно из возможных своих значений. В Печерском Патерике, в переводе Пандект Никона Черногорца часто встречаются выражения "сотворити домы велики", "создати домъ", "разрушаеть домъ", "скупати домы", "многы домы пожгоша", ср.: побѣли домъ свой (οἰνία) (Пч., 172). Во всех случаях здесь говорится о конкретном здании. Эти источники известны с XIII в., их списки редко допускают исправления, поскольку употребление в контексте всегда точно указывает: сделать, построить, побелить, разрушить дом. В тексте "в кый домъ внидеть" (Панд. 211б, 304) в болгарской редакции стоит храмина на месте домъ; характер уточнения указывает опять-таки на здание. По некоторым обмолвкам, допущенным в тексте, игумен Даниил смешивает слова здание (в городе) и домъ (Х. Дан. иг., 32-33, 72), для него это синонимы. Ср. в текстах того же времени (но более поздних по спискам): Въ гостинници или въ домъ внидуть (Отв. Ио., 13); "егда видить коего домъ от пожара отступаемъ", старается спасти его от огня, но что делать, если "ни одины храмины, но вѣсь градъ... погаращe?" (Чадь, 402). Дом, храмина, здание - не совсем совпадающие по смыслу слова, хотя и близкие по значению. В древнерусских текстах выявляется еще одна черта: слово домъ 'здание' употребляется в книжных, чаще переводных, высокого стиля церковных текстах; оно неизвестно древнерусскому языку вне книжной речи.

Правда, в летописи есть внешне похожие на такое употребление этого слова тексты: (1148): Разидошася въ своя домы (Ипат. лет., 135). Это неопределенное высказывание. Форма множественного числа может обозначать и 'жилье, родной кров', и 'имение'; вряд ли она значит просто 'свои здания'. В Печерском Патерике домы уже несомненно 'здания': Намъ сидящимъ в домѣхъ своих, рано, въсходящу солнцу... (5). Мало у кого могло быть "много имений"; счетное качество множественности точно ограничивает смысл слова: домы - это здания, дома.

Впрочем, ясности нет и в летописных текстах начала XIII в. Мстислав Удалой говорит перед Липицкой битвой 1216 г.: А забудемъ, братье, домы, жены и дѣти, а коли любо умирати - хто хочеть пѣшь или кто на конѣ (Лип., 122). Забудемъ домы - управление со стороны глагола. Внешне похоже на значение 'здание'. Однако уточнение "жены и дѣти" показывает, что речь идет о 'родном очаге', и форма множественного числа опять-таки не помогает определить точный смысл слова. Все дело в проявлении множественности: множество однородных объектов (т.е. домов, зданий) в данном случае сомнительно. Расчленная множественность лиц, вступающих в битву, каждое из которых имеет свой собственный дом, со своими собственными женой и детьми, вполне определенна. За грамматической формой множественного числа скрывается реальная единичность каждого из соратников князя, даже его единственность. Собирательной множественности, свойственной форме дома, в древнерусском языке еще нет; когда она стала возможной, возникла и форма дома, и утвердилось значение 'здания'.

В одном из поздних списков Задонщины в торжественном вступлении к повести (в других списках его нет) как бы повторяются слова Мстислава Удалого, но уже в новой обстановке и в полном соответствии с новыми канонами торжественной прозы: Иже оставиша вся домы своя и богатество, жены и дѣти, и скоть, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Русскую (У, 170 об.). Герои Куликовской битвы перед решительной схваткой вспоминают все, оставленное за спиной, свое, родное, близкое, однако древний образ дома как родного гнезда, с указанием только на самых близких, уже разрушен включением самых разных признаков жизненного смысла (от скота до вечной славы). Накапливаясь в литературном тексте-образце, эти атрибуты воинской чести со временем смогли соединиться в одной фразе. Определительное слово

"вся" и сочетание с другим глаголом переносят акцент с расчлененной множественности на собирательную множественность: все оставили свои дома, а дома уже понимаются весьма конкретно, возможно, как 'здания'. Изменяя контекст, расширяя его, уточняющие определители незаметно преобразуют и смысл ключевого слова, хотя в осознании его конкретного значения всегда важной остается грамматическая форма: форма единственного числа обычно отвлеченна, форма множественного числа способствует конкретизации в обозначении объекта (понятия).

Двойственность смысла домов определяется и глагольной формой. Если глаголы создать, сотворить, разрушить указывают на домъ 'здание', то глаголы движения или состояния, образуя совершенно другие сочетания с данным именем, выявляют и другие значения слова. "Разидошася въ своя домы", "забудемъ домы своя", "оставимъ все домы своя" - выражения, которые переходят из текста в текст, и глагол в них важнее множественной формы имени. Не случайно употребление и притяжательного местоимения: точный знак принадлежности корня в этом значении важен, потому что особым оборотом речи образует эквивалент древнему книжному "въ своя си"; значения 'здание' здесь не обнаруживается.

Так, из внешне сходных контекстов выявляем еще одну группу выражений, ограниченную, с одной стороны, глаголом движения, а с другой - притяжательным местоимением: Придохъ в домъ отца моего (Откр. Авр. П. отреч. I, 34); Придохъ в домъ отца своего (Ж. Ал. чел. бож., 465). "Иде царь [или кто-то иной] въ домъ свой" или "възвратися въ домъ свой" бессчетное число раз (Патерик Печ., 82, 134, 174; Флавий. Полон. Иерус. (М.), 251; Ж. Ал. Нев., 8 и др.). Впоследствии могут варьироваться глаголы движения, изменяться формы притяжательного местоимения, но смысл остается прежний: Веди меня в дом твой, да вижю жену твою (Дракула, 560); И тако благословивъ отроча и родителя его, отпусти и в дом его (Сергий, 270) и Обиталъ в дому родителей его (282) и под. Это обычный житийный штамп. Идиома попадает и в разговорную речь, становится формулой в деловом тексте: И не найдутъ в дому его [во время обыска] (Псков. суд. гр., 15); А будетъ кто в дому своемъ поличного искалъ (Улож., 150) и др. - все то же характерное для средневековья выражение, в котором "дом свой" противопоставлен помещениям хозяйственным (клеть) и жилым (хоромы).

Во всех этих случаях мы говорим о смысле выражения, а не о

значении отдельного слова домъ. Оборот равнозначен выражению "въ своя си", но не любому наречию, образованному от падежных форм самого имени: к дому или домови, домовъ, домой, еще раньше - дома, в древнерусском - в дому его. В самом общем значении, которое может быть исконным, слово домъ сохранилось в подобных наречных сочетаниях или вырванных из парадигмы склонения наречных формах. Исконный синкретизм корня постоянно проглядывает в слове, когда оно в своей изолированной форме приближается к значению идиомы или наречия: в домъ свой - домой - дома.

Это общее значение можно было бы определить как 'родной кров', 'родовое гнездо'. В этом значении обычна форма единственного числа имени; напротив, в значении 'здание' обычна форма множественного числа. В таком распределении выражена та же семантическая закономерность, что и в равнозначном хоромы: русская форма хоромы означает 'здание' и всегда употребляется в форме множественного числа; книжное храмъ 'жилище бога' обычно используется в единственном числе. Слово храмъ и предназначено для того, чтобы оттолкнуться от житейски земного домъ. Но грамматические формы числа, распределяя фонетический облик одного корня (храмъ - хоромы) одновременно связывают и его семантику. С одной стороны - 'здание', с другой - 'жилье, обиталище, кров'. С XV в. форма домы окончательно становится важнейшим признаком именования здания.

В путешествиях по Германии и Италии русский автор в 1474 г. описывает иноземные домы, т.е. здания городского типа, иногда они называются полатами (Флорент., 474). Монах говорит, что во множество "ни дѣтей имѣемъ, ни домовъ, ни полат" (Фома, 288) и уточняет свое представление о доме: "видѣ многы церкви погорѣша и многы домы с товаромъ" (306), из чего ясно, что здесь домъ - не храм и не палаты, а здание хозяйственного назначения.

Собственное значение слова домъ настолько синкретично, что в различных ситуациях и контекстах способно проявиться с разных сторон: И тако начаша дѣлати церкви божие и двор царский и иные домы славны велможем... и домы велия создав, дасть им жити в градѣ, яко и своя домы и отчьства им забыти (Царьгр., 218, 220). Все та же неопределенность значения, даже конкретизирующая ситуацию форма множ. числа "иные домы" (родовое понятие) обозначает любое здание вообще. "Домы велия создав" - всякого рода здания, но "своя домы и отчьство", т.е. свой родной кров и отечество,

уже прямого отношения к дом 'здание' не имеет. Подобная неопределенность в обозначении словом домъ здания наблюдается фактически до XVII в., когда в законодательных актах (т.е. в деловом языке) окончательно закрепилось употребление формы множ. числа в этом значении. Уложение 1649 г. отражает это состояние: церкви божии четко противопоставлены жилым домам, хотя домъ 'здание' еще конкурирует со словом хоромина (Улож., 90), а иногда понимается как "мѣсто, гдѣ они учнуть жити" (52), т.е. жилье.

Таким образом, закрепление нового (ставшего основным) значения у слова домъ произошло после того, как это значение утвердилось в русском варианте литературного языка. Неопределенность смысла тех выражений, которые в ранний период предъявляли это значение слова, их случайность и в конечном счете слабость заключалась не в том, что слово не могло развить нового значения, а в том, что оно тогда не стало фактом русского литературного языка.

Столь же связанным (грамматически и фонетически) было в древнерусском языке и третье значение слова домъ 'семья, домочадцы, все живущие в доме'. Оно сохранялось в устойчивом выражении типа "весь домъ свой". Обобщающее местоимение весь служит выразительным знаком в проявлении этого значения, именно оно переключает внимание с 'помещения' на 'тех, кто в нем проживает'.

"Весь дом" - перевод греч. πανοικία 'весь дом, все семейство', которое позже, уже после образования устойчивого славянского выражения, стали переводить как имѣние [5, с.372], т.е. все содержимое дома. "Чада вся и весь домъ свой" упоминает в Похвале князю Владимиру Иаков в XI в.; варяг Шимон пришел в православие "со всемъ домом своим яко до 3000 душ" (Патерик Печ., 5); боярский дом правит боярин "властью", которая распространяется на людей [8, с.152].

Особенность значения 'семья, домочадцы' в том, что оно довольно рано и активно стало выделять в сочетании самостоятельных слов наиболее важные компоненты своего содержания. В эпоху родового строя, когда дом в этом смысле содержал в себе понятия о родичах, близких и отдаленных, о детях (чадах), о рабах (челяди), нерасчленимая совокупность значений дом '(родовая) семья' была понятной. Однако при разрушении родового строя каждое новое усложнение социальных отношений требовало конкретизации. Постепенно из "всего дома" выделяются в качестве самостоятельных суб-

ектов коллективной деятельности жена, брат, дети, т.е. члены семьи, и уже не называются словом дом. Ср. (1149): И домъ твой взяти, и брата твоего яти, и жену твою, и сына твоего" (Ипат. лет., 372). Дом по-прежнему включает живущих в нем, но теперь это только те, кто 'живет при семье', т.е. рабы и слуги, своего рода часть 'именья'. Во второй половине XII в. (по сп. XV в.) читаем: Речеть ли кто, яко [Давид Святославич] жены не имѣ, но и дѣти имѣаше: преподобный Никола Святоша его сын бѣ и ина два сына. Или речеть кто, яко дому не имѣ, того ради заповѣдь господню исправити возможа; и ниже - прямая речь князя: Съ женою и съ чяды своими не можем спастися (Князь, 340). Жена и дети не входят в понятие домъ, но составляют его непременную часть как совладельцы дома. Подобных обозначений довольно много в XII-XV вв., мы уже встречались с ними, когда говорили о формах множественности типа "вся домы своя" ("весь домъ свой").

Противопоставление семья - домъ становится настолько важным после XII в., что поздние переписчики допускают иногда характерные ошибки, искажая вполне вразумительные тексты. У Кирилла Туровского находим: В нищетѣ же и в богатьствѣ спону [препятствие, тягость] имуть к спасению: сѣмью и домъ. Затем следует комментарий из Апостола: Оженивыйся печется женою, како угодити женѣ, а неоженивыйся печется, како угодити богови (Кир. Тур. XII, 352). Семья здесь - только жена; в одних списках сочетание "сѣмью и домъ" опускается, в других заменяется словами "всѣмъ людемъ", что можно принять и за простую описку в условиях сплошного письма, без разделения на слова. Однако большинство списков гарантирует точный смысл противопоставления: семья - не дом, дом - владение семьи, который отчуждается от состава его владетелей. Каждый из них все более отстраняется от нераздельной массы "владения". Понимание дома как 'имущества или хозяйства' потребовало в свою очередь и дифференциации в отношении населяющих его лиц, потому что хозяева и слуги - не одно и то же. В текстах ранних находим указания на такое разграничение. Наглядно эта противоположность выявляется в переводных текстах, отчего можно говорить о влиянии византийских текстов на формирование новой противоположности, ср.: Малу же дни мимошедшу, вниде моръ в домъ его, изомроша все раби его... тожде моръ вниде и въ скотъ его и изомроша все кони и скот его (Плакида, 230). Зависимое население дома противопоставлено как членам семьи, так и имуществу (скот,

кони). "Жена стара дому того" названа ниже "своей рабой" (Девг. д., 28).

Поэтому в древности стали появляться определения, призванные уточнить характер и содержание понятия семья. В переводах пересекаются в значениях домъ и домашьнии, а греч. οἰκογενής 'родившийся и воспитанный в доме' переводится либо описательно "вспитѣники дому", либо "домочадца" [5, с.17, 23, 27]. В древнерусских текстах чаще говорится о домочадцах: И бѣша пѣстуя домочадицу сироту (Есфирь, II, 7), а позже и в оригинальных текстах, основанных на книжных выражениях. Ср.: Милостей любець и блаꙗ домочаддамъ своимъ и внешнимъ странамъ (К. Ал. Нев., 8). Домочадцы в последнем случае понимаются шире: это все "свои" в противоположность "чужим"; но речь идет о владетельном князе, для которого "дом" - вся держава. Ср. также противопоставление "домашьних" (своих) "пришельцам" (Чадь, 402); о "домашьнихъ своихъ" говорит и Русская Правда, и Печерский Патерик. В древнерусском переводе Книг законных домовьный или рабъ соответствует греч. οἰκιακὸς ἢ δοῦλος , т.е. 'домашний раб', может быть, 'принадлежащий роду', а не просто 'живущий в доме'.

Набор устойчивых выражений, в которых встречается слово домъ, ограничен. Это слово не просто книжное, но еще и многозначное, широкое по охвату значений, так что лишь грамматически четкая конструкция может ограничить частное значение слова. Разные значения слова закреплены за различными грамматическими сочетаниями. Такой путь оказался единственно возможным, чтобы выявить и материализовать каждое значение слова: 'здание', 'родной кров', 'семья (род)' или 'имущество'. В таких оборотах возникают свои "определители", хотя и разные: притяжательное местоимение, прилагательное, глагол определенной семантики и т.д. Определение-уточнение потребовалось, чтобы выявить новый, самостоятельный признак старого слова. Грамматическая связанность значений слова домъ с окружающими словами оборота и хронологически не совпадает с разными формами: древнейшие обороты с притяжательным прилагательным или местоимением (домъ божий и домъ свой) отличаются от поздних сочетаний с относительными (и особенно с качественными) прилагательными; обороты с глаголами действия моложе оборотов с глаголами движения и состояния; сочетания с формой множ.числа появились позже сочетаний с формой единственного и т.д. Историческая грамматика дает возможность выявить именно такую последовательность

в экспликации отдельных значений слова домъ – в словосочетаниях.

Подведем итоги рассмотрению значений слова домъ в грамматическом контексте. Последовательность в проявлении все новых значений слова оказывается следующей: 'родной кров, жилье (вообще)' – 'его обитатели' (с последующей дифференциацией на свободных и несвободных обитателей дома) – 'здание'. В этой последовательности опущено значение 'имущество, хозяйство'; к нему мы еще вернемся. Теперь необходимо выявить источники многозначности слова домъ.

Большинство текстов является переводами с греческого; следует соотнести их с оригиналом, чтобы не повторить ошибки историка, который судит о древнерусском доме на основании переводной евангельской цитаты. Патриархальную семью, очевидно, называли также домом. В Евангелии от Матвея (Остр. ев., XXIУ, 45. 1057 г.) говорится: Его же постатить господь над домомъ своимъ. В Памяти и похвале Иакова Мниха XI в. (по сп. XУ в.) рассказывается, как Владимир крестил "чада своя [и] весь домъ свой" [12, с.16]. Отсюда следует, что кроме челяди были на Руси и другие обозначения "патриархальных рабов", и "среди них мы назовем хотя бы слово семиа, огнище, дом" [12, с.16]. Сѣмия у Кирилла Туровского значит 'супруга, жена, хозяйка'. Укажем еще на одну ошибку историка: истолкование отрывка из Евангелия от Луки (XII, 42) с точки зрения греческого оригинала оказывается некорректным, и справедливо написал в этой связи другой историк о том, что сомневается в наличии в греческом тексте слова со значением 'слуга' или 'раб' [9, с.164]. Поучителен и другой пример, связанный с широко известным выражением "миръ дому твоему". Только в Чудовском апракосе (сер. XIУ в., л.33в), в более ранних апракосах такого текста нет, переведенная в IX–X вв. форма "дому" выглядела бы архаичнее как "домови". Греческий эквивалент εἰρήνη τῷ οἴκῳ τούτῳ буквально значит "мирной жизни вот этому дому". Если руководствоваться значением греческого слова, то домъ – это и 'конкретное строение', и 'домашний очаг', и 'семья (или род)', и 'домашнее хозяйство', и 'все домочадцы'. Любое из этих значений хорошо осознается и в славянском переводе, но так как фраза сохраняет традиционную грамматическую форму в соединении с местоимением, можно полагать, что и здесь на первый план выходит значение '(родовой) кров'. О зависимости значения 'здание' в оборотах со словом домъ от греческих образцов мы уже говорили: оно поначалу встречается

только в переводах с греческого. Таким образом, все три значения слова домъ 'кров', 'домочадцы' и 'здание' так или иначе появились в книжных текстах под влиянием греческих образцов и связаны с переносными значениями греческих слов.

Эта связь со смыслом всего текста, зависимость значения от значения соседних слов весьма знаменательны: если значения слова домъ четко и последовательно распределены грамматически и семантически по формам и не зависят (особенно поначалу) ни от жанра, ни от стиля текста, значит, семантика корня еще не вычленилась из семантики отдельной грамматической словоформы в составе синтаксического единства, т.е. слово не является собственно словом-лексемой. Домъ значило нечто только в известном контексте, никогда не выступая как законченная данность этого именно слова. Заметим, что мы прежде ничего не говорили о значении 'имущество, хозяйство'. Теперь переходим к нему.

С одной стороны, домъ 'хозяйство' - такое же заимствование из многозначности греческого эквивалента, с другой - сразу же отмечаем относительную свободу в контекстуальном размещении слова домъ в этом (но только в этом) значении. И когда необходимо дать перечень нескольких существенных сущностей, домъ возникает в значении 'хозяйство': домъ, село, богатьство, имѣние стоят в одном ряду, а иногда между дом и имение вообще ставится знак равенства. Нет никаких других слов, определяющих или уточняющих дом в значении 'хозяйство'; в этом значении слово не включается ни в одну из устойчивых формул-идиом, ограниченных определенным грамматическим окружением. Дом 'имущество' - единственное значение древнерусского слова в свободном употреблении. Повторяя псалтырный текст, Климент Смолятич отрицает за собою сходство с теми, "иже прилагают домъ к дому и села къ селомъ" (Климент Смол., 104; ниже - "за домы и села"). Добродетельные монахи "оставиша грады и села, богатъство и домы, и вселишася въ горы и въ врьтепы и въ пещеры земныа" (Патерик Печ., 92) в соответствии с евангельским заветом: "Аще кто оставить домъ или села или имѣниа мене ради, стократицею прииметь" (Там же, 163). После ареста премудрый Акир говорит, что племянник его "нача растачати домъ мой безъ милости и бияше рабы моя и рабыни моя и милыя моя прѣд очима моима великими ранами" (Акир, 258), и тогда Акир, повествуя об этом, "съжалих си и пощадѣхъ имѣния моего" (Там же). Здесь домъ и есть 'имение', но только без домочадцев.

Свободное, т.е. независимое от контекста употребление слова определяет основное его значение. В современном литературном языке таким свободным, данным в сильной позиции значением слова дом является 'здание, строение', в древнерусском языке таковым было значение 'хозяйство, имущество', в предшествующую эпоху родового быта - '(родовой) кров', скорее всего, 'все его населяющие'. Терминологическое для каждого данного времени значение слова обычно определяется социальными установками носителей языка, и языковая семантика быстро реагирует на подобные требования социальной жизни. История языка в отношении к отдельному слову заключается в том, что происходит постоянное перераспределение смысла слова в переносных его значениях.

В последовательной их смене с обязательным выделением только одного свободного (основного) значения специально в древнерусский период наблюдается одна закономерность. Мало сказать, что переносные значения прежде всего проявлялись (или появлялись?) в книжных текстах. Важнее то, что все эти переносные значения осознавались и фиксировались в текстах-образцах по принципу смежности, но никогда - метафорически. Домъ в самом широком смысле как кров, затем - как всё, что под этим кровом скрывается, потом - как некая часть всего этого (имущество или разные категории населения дома), т.е. происходит осознание части по целому или наоборот - метонимия, но не метафора.

Все описанные здесь значения слова домъ могли проявляться в древнерусских текстах не обязательно только под давлением заимствованных книжных образцов, но также и исходя из логики развития понятий в самом славянском языковом мире. И здесь предпочтительность метонимии метафоре не случайна; славянская языковая система регулировала и избирала направление в развитии переносных значений. "Трансплантация" (слово Д.С.Лихачева) понятийного уровня чужеродной культуры отчасти была предопределена языковой системой принимающей культурной среды.

Семантическое развитие слова дворъ происходило позднее и отталкивалось от значений ключевого для средневековой культуры слова домъ. На это указывают известные контексты, которые нет необходимости приводить в подробном изложении, поскольку они неоднократно подавались в систематизированном виде в словарях [13].

Сразу оговоримся: иллюстративный материал для краткости ограничивается представленным в словарях. Лексикографическая об-

работка слова в указанных словарях дана различным образом. Объективно материал древнерусских источников для всех трех словарей один и тот же и общая сумма значений совпадает; различается лишь последовательность в описании значений слова и иерархическое соотношение этих значений (переносных или второстепенных в границах общего). И.И.Срезневский различает значения слова дворъ в зависимости от значений греческого типового эквивалента, следовательно, ориентируется на переводной текст. Так, у него дворъ 1) 'жилище, дом, усадьба' – в соответствии с греч. οἶκος – 'жилище, дом, дворец, храм', также 'имущество', а во множ. число 'семья, род, дом'; 2) 'двор вне дома', т.е. собственно двор – в соответствии с греч. αὐλή 'двор, дворовая ограда', только затем – 'дом, жилище', но также 'храм, царский двор, дворец'. Различаются в этом словаре понятия 'дворня' и 'княжи люди'. В основе подобных разграничений, устраняющих мысль о собственно древнерусском значении слова, лежит инокультурный подтекст, который в словарных статьях прямым образом не выявлен.

Е.М.Иссерлин описывает систему значений слова дворъ с точки зрения исторически реального и наиболее полно обеспеченного материалом синхронного среза – XVI–XVII вв., поэтому здесь так мало иллюстраций из более раннего периода, хотя и факты избранного синхронного среза толкуются не исчерпывающе (например, в отношении к "Домострою").

Составитель и редакторы СлРЯ XI–XVII вв. по-настоящему историчны, они пытаются учесть движение смысла слова в исторической перспективе, учитывая то, что собственно значение слова дворъ никогда не изменялось, но в каждый исторический момент как бы наполнялось новым смыслом; другими словами, исторически происходило постоянное расширение содержания понятия двор при сохранении значений слова дворъ. Сравним некоторые несоответствия между "Проектом" и СлРЯ.

В "Проекте" первую группу значений составляет понятие о хозяйстве или поместье: 'обособленное хозяйство помещика; усадьба с жилыми и служебными постройками' и т.д. Второе значение – 'огороженный участок с жилым домом и всеми подсобными постройками'. Другие, более частные значения выводятся из этих двух, которые в качестве основных показаны и в СлРЯ, но без уточнения, касающегося значения 'хозяйство'. В СлРЯ вдобавок показано, что оба значения были свойственны и древнерусскому языку (иллюстра-

ции из Русской Правды и Успенского сборника). Семантическая доминанта этой группы значений несомненно – 'участок, место размещения построек'.

Вторая группа значений касается населения двора, т.е. метонимический перенос, свойственный и понятию дом. "Проект" детализирует это значение указанием на различия, якобы существовавшие между 'группой лиц из родственников, приближенных и личных слуг правителя', 'вооруженной дружиной феодала', 'слуг феодала' и т.д. СлРЯ дает обобщенное определение: 'Совокупность служилых людей или вассалов при усадьбе феодала; войско, состоящее из этих людей'. Хозяйственная сторона двора рассматривается в последнюю очередь, причем определяется, что дворъ как хозяйственная единица – основная единица обложения (мысль, известная и раньше, но не эксплицированная в словарном определении). Также указано, что дань "по бѣлѣ от двора" известна и древнерусскому языку (ссылка на Слово о полку Игореве), но что такое значение активизируется (становится свободным) только с XVI в. Опять-таки мы получаем информацию о том, что в "свернутом" виде все эти значения слова существуют фактически на всем тысячелетнем пространстве древнерусской истории, вплоть до нашего времени, но что свободным и основным то или иное значение слова становится лишь в определенные исторические моменты. Подводя итог, опираясь на лексикографическую разработку слова, можно сказать, что основным, опорным, доминантным для слова дворъ было такое значение (такие значения): 'огороженное, отдельное, обособленное пространство', 'застроенное помещениями, зданиями служебного назначения место', 'усадьба, поместье, хозяйство'.

Таков средневековый двор в развитом феодальном обществе. Некоторые древнерусские источники позволяют нам уточнить смысл слова специально в древнерусский период. Вторичность переносных значений слова дворъ в отношении к слову домъ определяется прежде всего тем, что в текстах очень мало устойчивых оборотов с фиксацией связанного значения слова дворъ; во-вторых, возможно уже метафорическое отталкивание значений слова дворъ от соответствующих значений слова домъ (дворъ как домъ), в том числе и в отношении к метонимическим переносам, в которых слово дворовый повторяет, с некоторым историческим запаздыванием, путь домачьнихъ, домовыхъ, с характерным для более позднего времени разграничением двора, дворовых, дворни по новым словообразовательным

www.ruslang.ru

маркерам, которых не было в предшествующий период. Вторичность контекстов, связанных с двором, удостоверяется и возможной сочетаемостью слова дворъ с относительными и особенно с качественными прилагательными, устанавливающими или уточняющими признак качества (красный, великий, пустой и т.д. дворъ). Наконец, вторичность формальных выражений в значениях слова дворъ устанавливается и столкновением книжного домъ с разговорным дворъ: они взаимозаменимы как эквиваленты разных стилевых границ (особая проблема, которой здесь не касаемся). Если в Слове о полку Игореве употребляется только дворъ, а в Задонщине - домъ, если дворъ предпочтительнее в летописи, тогда как домъ встречается обычно в житиях и других традиционно-книжных жанрах, - ясно, что стилевое разграничение необходимо принять в расчет при истолковании семантического движения двух слов в их сходстве и противоположностях. Замечено: в былинных текстах дом употребляется применительно к рядовым, а дворъ - к знатным по социальному статусу героям. И в этом случае необходимо было бы учесть разграничение фактически полных синонимов в истолковании их семантики.

В древнерусском переводе Девгениева деяния домъ (пять раз) охарактеризован как сей, мой, свой, т.е. в соответствии с древнерусской книжной традицией представлен не как 'строение, здание', а как 'кров', предназначенный для всех "своих", в противоположность посторонним (к числу которых относится и Девгений). Наоборот, дворъ всегда представлен как тот же домъ, но только извне, с точки зрения постороннего, чужого: "чужой" дом всегда воспринимается как дворъ. Так, Девгений увидел в первый раз свою невесту, когда "мимо дворъ еха", "мимо дворъ едуще" (Девг. д., 9г); отец невесты говорит: В мой дворъ не смѣеть птица влетѣти (11г). Когда прекрасная Стратиговна взглянула в оконце, проезжавший мимо "Девгени жъ и вспять возвратися и... взирающе на дворъ" (9г), т.е. буквально на дом, потому что оконца не могло быть у двора. Одновременно дворъ здесь и некое пространство, на котором размещены хозяйственные постройки: Девгений просит невесту "стать "внѣ храма [хором, здания] пред сѣньми" [у входа в дом], чтобы она могла в нужный момент впустить "во градъ юношу, его же взять пред градомъ", т.е. перед оградой двора, в данном случае - уже во дворе (11). Ограда двора - градъ; само слово дворъ для обозначения подворья не употребляется. В Домострое особенно подробно описывается пространство двора в отличие от

дома, и собственно двор трактуется как 'подворье'. Домъ во всех средневековых описаниях - это внешняя граница дома, т.е. тот же дом, по крайней мере в некоторых отношениях, прежде всего - в хозяйственных. Дворъ как 'хозяйство, усадьба, имение' - весьма характерное значение слова после XVI в. Всегда четко показано, что дворъ - основная ячейка любого средневекового града; из дворов градъ и состоит (мы это видели на материале Новг.лет., то же можно иллюстрировать и примерами из любого источника после XV в.). Стилистическая синонимия двух слов домъ и дворъ (их распределение в зависимости от стиля и жанра) и их семантическое сближение (распределение в зависимости от смысла высказывания: извне - изнутри, свой - чужой и т.д.) накладывали на отношение дом - двор и некоторое самое общее значение, которое как идеологический остаток смысла также необходимо принимать во внимание. Домъ в подтексте всегда связан с нравственными характеристиками, дворъ - социальными и даже узко хозяйственными, экономическими. Обратным образом это способно подтвердить, что в переносных своих значениях домъ развивалось как слово высокого стиля, а дворъ - как слово обиходного языка. Именно таким образом распределяются все прочие соответствия между терминами нравственного и социального характера в древнерусском языке после XV в.

Постепенное появление новых значений в слове можно установить и на основе производных: важно, какие именно признаки различения последовательно выделялись в осознании этих многозначных корней. Домовитъ от домъ первоначально ничего общего с современным домовитый не имело: переосмысление в значениях вообще характерно для корней дом- и двор-. Домовитъ 'обитающий в дому', 'свой', но в древнерусских источниках это уже и 'хозяин дома' (по некоторым спискам позже происходит замена домовитъ словом имовить); это значение связано уже в древнерусском языке с основным значением производящего домъ 'хозяйство'.

Затем появляются прилагательные домашний, домский, домный, домовый, домовный. Не всегда достоверно выявление исторической перспективы в появлении этих производных; только косвенно, на основе дошедших материалов, можно судить о последовательности вычленения новых признаков из многозначности исходного корня. Здесь и ниже использованы контексты из словарей И.И.Срезневского и СлРЯ XI-XVII вв.; необходимые уточнения даны в цитатах.

Домачьный 'принадлежащий дому, местный, ручной, т.е. свой

(туземец)'. Даже в тексте Русской Правды домашние, "свои" противопоставлены гостю из другого дома. Чем шире границы "своего", т.е. Родины, тем бóльшие пространства включаются в понятие домашний.

Домьский в оригинальных русских текстах не встречается в отличие от производных дворский, градский. Знак отношения к городу или ко двору объединяет эти определения друг с другом, что сомнительно в отношении к домьский: такого отношения нет. Мужи градьские - 'руководители города', дворьский - 'владыка двора'; значения 'владыка дома' нет, поскольку таковым является сам домовитъ; надобность в слове домский отпадает.

Прилагательное домьный (как и дворьный) указывает на отношение к дому, тогда как домовой - 'тот, кто принадлежит дому'. Домовый (от 'имущество, имение') встречается в грамоте 1499 г., а в отношении к 'зданию' - только в переводах: Двери и окна домовые (Назиратель, 21. XVI в.). Впоследствии различие между домовым и домóным усиливалось дифференциацией в ударении, хотя бес домовóй известен только с XVII в.

Слово домовьный также присутствует в текстах XII в. в значении 'все домашние, к дому принадлежащие': Аще кто домовнии или рабъ (Кн. законные, 67) при греч. οἰκιακὸς ἢ δοῦλος , приведенном выше; "строение домовное" известно с XVI в. Таким образом, это вторичное по происхождению прилагательное отражает последовательность в реализации одного из значений корня: сначала как 'обитающий в доме', затем и как самый 'дом, здание и строение'.

Сопоставление этих слов показывает, что выражение принадлежности к дому древнéе, чем обозначение какого-то другого отношения к дому; дом 'родовое гнездо' древнéе, чем дом 'здание', и характеристика производных подтверждает сделанные ранее выводы о последовательности семантических изменений корня.

Но равным образом все самые древние производные от этого корня долго сохраняли непривычные для современного языка значения корня (см. Срезн. I, 697-700; СлРЯ, в.4, с.306-313): домачадьць - туземец или постоянно живущий в доме, т.е. тутошний, здешний, наш, противопоставленный пришедшему со стороны; домовьникъ - служитель дома божия, т.е. храма, доможирьць - также постоянный обитатель дома, который при нем и кормится (жирует), и проч.

При указании на лицо существительное в таком случае возни-

кало раньше, чем прилагательное, обобщавшее какой-т. один, существенный признак номинации (с последующей субстантивацией), т.е. домочадь появилось раньше, чем домовой, дворня - раньше, чем дворовый, и т.д.

Дворъ 'вооруженная дружина феодала из его приближенных и слуг' известен с XУ в.: ПриспѢ со множествомъ вои, князя великого двором (Свод, 440. 1472 г.); А с султаном двора его выѢхало сто тысяч рати своей конных людей (Никит., 470. 1475 г.). Постепенно из окружающих выделяются особо доверенные люди дворяне. В Врем. лет. в описании московских событий середины XУ в. наглядно демонстрируется переход от собирательности двора к исчислимому количеству дворян (Свод, 418, 430 и др.). Выражение "дѢти боярские и иныѢ дворянѢ" (Свод, 430) стало расхожим термином вплоть до Уложения 1649 г. Слово же дворянинъ известно с XI в., но употреблялось оно поначалу только в новгородских источниках. Историк, заметив, что "впервые" дворяне появляются в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского в 1175 г., предположил: "Но раз у южных князей были дворы, то, надо думать, были и дворяне" [14, с.97].

Еще один пример поспешного заключения о значении слова при возможном наличии понятия: да, дворяне могли быть, но назывались они иначе - милостники (князя) [15, с.236]. Всякому дворянину тѢм имѢти честь и милость у князя, - говорится в редакции XIII в. Моления Даниила Заточника; этого места нет в ранних редакциях текста [16, с.53]. Чаще всего употреблялись описательные обороты "живучи в его хлебе", "хлеб его ел" и т.д. Те, кто служил из владений - дворяне, поскольку (как показывает и само имя) они первоначально обитали при дворе (селяне, горожане - дворяне), т.е. были придворными. Другие, жившие за двором, назывались дворниками: А которые люди у кого жили за дворомъ... и на тѢхъ задворныхъ людехъ на самихъ выти имати (Лож., 176); И за тѢхъ людей и за дворниковъ имати выти (172). Задворный - более точная форма раннего варианта дворный (из придворный), ср.: А которой наймитъ дворной (Псков. суд. гр., 10). Дворникъ - вассал дома со своим двором, полученным в качестве ленного владения, но уже на других основаниях, чем прежде дворянин: он не служил, а работал.

Позже всего встречаемся с дворовыми; дворный - относительно свободный человек, хотя и экономически зависимый, тогда как дворовый не относится к двору, он ему принадлежит, является состав-

ной частью феодального двора. Он не при дворе и не за двором, его место на дворе. Устойчивая связь с разными предлогами фиксирует степень принадлежности двору того или иного зависимого от двора человека. Знак принадлежности долго сохраняется в характеристике дворовых: прилагательное не употреблялось без существительного еще и в XVII в. Сам же факт последовательного выделения определений с разной степенью зависимости от двора (дворянин - дворный - дворовый) показывает историческое изменение и понятия двор, на что давно указывали историки [10, с.251-252]. Не случайно Е.М.Иссерлин выделяет три разных категории дворовых в исторической последовательности их выявления: 1) 'группа лиц из родственников, приближенных и личных слуг правителя', 2) 'вооруженная дружина феодала (князя, боярина)', 3) 'слуги феодала, его дворня' [13, с.82-83]. Возможность заменить одно из значений многозначного слова особым самостоятельным словом подтверждает реальность самого значения, но выделение по новому признаку - гораздо важнее в историческом изучении слова. Теперь можно установить направление изменения в соотношении значений многозначного слова. Оно, как в случае с дворъ (вместилище своих - усадьба - владение), состоит в последовательном "снятии" признаков, которые становились неважными для средневековых понятий о дворе.

Подводя итог, еще раз отметим несомненную зависимость семантического развития слова дворъ от аналогичных изменений в слове домъ. Проявление новых признаков-сем происходит в случае материализации соответствующего значения слова в виде самостоятельного слова, представленного в параллельной системе. Напомним: домъ 'здание' стало возможным только после экспликации значения 'здание' у слова храмъ; домъ 'имение, хозяйство' - только после экспликации значения в слове имѣние; домъ 'кров' - только в связи с экспликацией значения в слове жилище (обиталище); домъ 'домочадцы' - только после архаизации слова чадь, и т.д. То же можно сказать и о слове дворъ, хотя экспликация значений здесь шла через систему производных разного рода. Одновременно происходило противопоставление другим значениям того же слова: система семантическая поддерживалась системой значений многозначного слова, слова-синкреты, проявлявшего в известных ситуациях то или иное из своих значений. Эта двуединость развития - в стилистических и в семантических границах одновременно - коренное, но не единственное отличие древнерусской системы от современной рус-

ской литературной.

По необходимости кратко показана процедура выделения тех признаков, которые накапливались в системе значений слова, откладываясь в текстах как необходимый запас семантической прочности слова, и прошли длительный путь развития. Из конкретных заключений укажем: исходное значение слова домъ безусловно не связано со 'зданием, строением', но в древнерусский период домъ имело не то значение, которое вкладывают в этот корень этимологи: дом как общественная организация, семья, живущая под одним кровом [17, с.293-307; ЭССЯ, 5, с.72-73]. В Древней Руси дом - прежде всего 'хозяйство', и только потом - все остальное. После XIII в. домъ также и 'здание'. Но одновременно и дворъ начинает принимать на себя основное значение древнерусского слова домъ - 'хозяйство'. Взаимное отношение семантики обоих слов с точки зрения их причинно-следственных отношений требует еще специального изучения.

Список сокращений

Акир - Повесть об Акире // ПЛДР, XII век. М., 1980, с.247-280.

Вавилон - Сказание о Вавилонском царстве - ПЛДР, вт. пол. XV в. М., 1982, с.182-186.

Дракула - Сказание о Дракуле // ПЛДР, вт. пол. XV в., М., 1982, с.554-564.

Есфирь - Мещерский Н.А. Книга Есфирь в древнерусском переводе // Материалы и сообщения по славяноведению, XIII. Сегед, 1978.

Князь - Слово о князьях // ПЛДР, XIII в. М., 1981, с.338-342.

Лип. - Повесть о Битве на Липице // ПЛДР, XIII в. М., 1981, с.114-126.

Никит. - Хождение за три моря Афанасия Никитина // ПЛДР, вт. пол. XV в. М., 1982, с.444-476.

Панд. - Пандекты Никона Черногорца (по русскому списку XIV в. ГПБ, собр. Погодина, № 267).

Плакида - Сказание об Евстафии Плакиде // ПЛДР, XII в. М., 1980, с.227-245.

ПЛДР - Памятники литературы Древней Руси (многотомное издание). М., 1978 и след. (по томам).

Псалт. - Киевская псалтирь 1397 г. М., 1978.

Свод - Севернорусский летописный свод 1472 г. // ПЛДР, вт.

пол. XV в. М. [illegible] с.410-442.

Сергий – Житие Сергия Радонежского написанное Епифанием Премудрым // ПЛДР XIV-сер. XV в. М., 1981, с.256-428.

У – Задонщина по сп. Ундольского. – Тексты Задонщины в кн.: "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. М.: Л., 1966, с.535-540.

УВО – "Обширная" редакция "Устава Владимира" (по рукописи XV в. ГПБ, собр. Погодина, № 235, л.103-104 об.)

Улож. – Соборное Уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. М. 1907.

Флорент. – Хождение на Флорентийский собор // ПЛДР, XIV-сер. XV в. М., 1981, с.468-492.

Фома – Инока Фомы слово похвальное // ПЛДР, вт. пол. XV в. М., 1982, с.268-332.

Царьгр. – Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году // ПЛДР, XIII в. М., 1981, с.106-112.

Чадь – Поучения к простой чади // ПЛДР, XIII в. М., 1981, с.400-406.

Чуд. завет – Чудовской новый Завет... XIV в. (фотомеханическое издание). М., 1982.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949.
2. Щурново Н.Н. Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории повести об Акире. М., 1915.
3. См.: Ягич И.В. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884.
4. Евсеев И.И. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897.
5. Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия.... Варшава, 1912.
6. Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии // Греков Б.Д. Избранные труды, т. IV, М., 1960.
7. Львов А.С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975.
8. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947.
9. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
10. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя

Древней Руси. СПб., 1912.
11. Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. I. М., 1906.
12. Зимин А.А. Холопы на Руси. М., 1973.
13. Среэневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, с.642-645; Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря. М.; Л., 1936, с.74-83 (составитель Е.М.Иссерлин); СлРЯ XI-XVII вв., в. 4, с.189-191 (составитель Г.П.Смолицкая).
14. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Л., 1980.
15. Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.
16. Лексика и фразеология "Моления" Даниила Заточника. Л., 1981.
17. См.: Benveniste E. Le vocabulaire des Institutions indoeuropéennes. I. Èconomic, parenté, société. Paris, 1969.

Г.Ф.Одинцов

О ДВУХ ВИДАХ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ НАЗВАНИЙ ОРУЖИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одна из главных задач лексикологии - задача семантическая: выяснение значений слов, типов лексических значений и их языковой обусловленности, закономерностей семантического развития лексики и ее отдельных пластов и т.п. Лексическое же значение слова - это "предметное (в широком смысле) содержание слова, соотнесенность слова с объективно существующим миром вещей, процессов, явлений и т.п." [1, с.525]. В связи с этим описание лексики по тематическим группам, сам состав которых устанавливается лишь при обращении исследователя к окружающей действительности, нужно признать весьма желательным.

В области исторической лексикологии русского языка есть ряд исследований, посвященных отдельным тематическим группам слов, т.е. лексическим объединениям, выражающим одно определенное, подчас сложное, понятие.

Впрочем, не лучше ли принять более широкий термин, а именно: тематическая группа слов и словосочетаний?

Как показывает языковой материал, такое уточнение оправданно. Недаром в практике историко-лексикологических разысканий уже давно рассматриваются как отдельные слова, так и терминологические словосочетания [2]. Если, в частности, взять названия ору-

жия, встречающиеся в русских памятниках письменности XI–XVII вв., то среди них нетрудно обнаружить не только однословные термины (алебарда, бердышъ, винтовка, граната, дротикъ, кинжалъ, копье, меч(ь), пушка, сабля, строчень 'воинский нож' и мн. др.), но и важные терминологические словосочетания, без которых трудно себе представить эту тематическую группу, например: 1) олядьнии о.нь – так называемый 'греческий огонь (особый вид оружия)', буквально 'огонь с судна, корабельный огонь': (941): Феофанъ же оусрѣте ѧ (русских воинов – Г.О.) въ ѡладѣхъ съ ѡгнемъ. и нача пущати ѡгнь трубами на лодьѧ Рускыѧ... Русь же видяще пламень вмѣтахуса въ воду морьскую. хотяще оубрѣсти. и тако прочии възвратишасѧ въ своѧси. тѣмъ же пришедъшимъ в зѣмлю свою. повѣдаху кождо своимъ. ѡ бывшемъ. и ѡладьнѣмъ ѡгни. ѩко же молоньѧ рѣч. иже на нѣбсихъ грѣци имуть в себе и сию пущающе жьжаху насъ. Ипат. лет., 33–34; 2) (в)огнен(н)ыи бои 'огнестрельное оружие', очень активный в XVII в. термин, известный в русском языке уже в XVI в.: Воеводу бы своего... послалъ съ вогненнымъ боемъ, который бы ихъ оборонялъ отъ... недруговъ. Рим. имп. д. I, 942. 1585 г.

Любопытно, что у этих, как и у некоторых других словосочетаний, например, у сказочных двусловных терминов меч(ь) самосѣкъ и меч(ь) кладенецъ (оба – уже в Повести о Бове по сп. XVII в. – ОР ГПБ: О. XV. 6, 7 об., 15 об., 21 об.), не было однословных синонимов-заменителей, следовательно, если бы мы рассматривали данную тематическую группу только на лексическом (а не лексико-фразеологическом) уровне, то получили бы обедненное, слишком упрощенное представление о её составе.

Неоднословные термины известны и в современном русском языке, причем не только в военном деле (холодное оружие, огнестрельное, ядерное оружие), но и в других областях знаний (вторая космическая скорость, прибавочная стоимость, бреющий полет и др.).

В русских текстах XI–XVII вв. составных двух- и реже трех- и четырехсловных терминов, обозначавших тот или иной вид оружия, встречается довольно много. Ср.: пищаль ручная 'вид старинного ручного огнестрельного оружия' (Гр. Ив. IV) ААЭ I, № 205. 1545 г.; РКО I, 229. 1672 г. и т.д.) и стѣнобитная (также стѣнобойная) пищаль 'тяжелое артиллерийское орудие': Четыре мечиканы... стрѣляютъ желѣзнымъ ядромъ по полутретья пуда [т.е. по 40 кг. –

Г.О.]... Четыре пищали дупли каноны... ядро желѣзное вѣсом по пятидесяти фунтовъ ... И всѣхъ тѣхъ осьмнатцать пищалей, именуются они стѣнобитные пищали. Устав ратных д. I, 101-102. 1607-1621 гг. ; далее затинная пищаль 'вид наиболее легкого артиллерийского орудия' (очень часто; например: Гр. Башк. 156, 1616 г.); нарядъ душечной верховой огняной 'навесная артиллерия с зажигательными снарядами' (Куранты 2, 30. 1643 г.); то же, что огненой верховой бои: И Сапѣга... съ огненымъ съ верховымъ боемъ, и съ щитами, и съ лѣстницами, и съ проломными ступами къ воротамъ пришелъ (АИ II, 285. 1609 г.) и т.д.

Определения в подобных терминологических словосочетаниях настолько важны, что бывают случаи их субстантивации с одновременной утратой грамматически опорной части словосочетания – определяемого имени существительного, и тогда словосочетание превращается в однословный термин. Таково происхождение имени существительного затинная (из словосочетания затинная пищаль, реже затинная пушка), приводимого в СлРЯ XI-XVII вв. (в. 5, с.320) уже в тексте 1583 г. Другой пример: Въ Котельничѣ, государь, въ казнѣ четырнадцать затинныхъ горѣлыхъ, и ималъ я ихъ въ Котельничѣ подѣлати Петрушку кузнеца; ...и онъ двѣ затинныхъ росковалъ на подѣлку. АИ II, 169. 1609 г. Ср. в записи того же года: с затинными пищалми. Там же, 206. Из определяющей части словосочетания возникли и такие термины, как самострѣлъ, самопалъ, винтовка (см. ниже). Ср. в современном русском языке бытование в годы Великой Отечественной войны слова зенитка, возникшего из составных терминов зенитный автомат, зенитное орудие, автоматическая зенитная пушка. Все это говорит о том, что при описании истории тематической группы названий оружия исключить из поля зрения терминологические словосочетания невозможно, даже при рассмотрении однословных терминов.

Внимание к составным терминам вызвано и тем, что компоненты некоторых из них как отдельные лексемы в обследованных к настоящему времени русских текстах XI-XVII вв. не засвидетельствованы.

Таково, например, словосочетание лукъ жильникъ 'лук (вид оружия), названный так, вероятно, по тетиве, сделанной из жил животного', – в котором встречается слово жильникъ, отсутствующее в русских исторических словарях: Лукъ жилникъ писанъ по бѣлой кибити золотомъ и розными красками травы. Заб. Дом. быт, I, 727. 1675 г.; Два лука нѣдомѣрочковъ жилниковъ. Арх. бум. Петра,

I, 17. 1676 г.

Обилие составных терминов - весьма характерная черта рассматриваемой нами тематической группы слов и словосочетаний; присуща она и другим терминологическим системам, например, старорусским названиям лошадей, напитков, мер длины и т.д.

Рассматриваемая в настоящей статье тематическая группа включает в себя ряд лексико-семантических групп. Вслед за Ф.П.Филиным мы относим к лексико-семантическим группам такие лексические объединения, которые состоят из семантически взаимообусловленных компонентов, имеющих однородные, сопоставимые значения и относящихся к какой-либо одной части речи [1, с.536-537]. Состав каждой подобной группы устанавливается нами по следующим признакам (в их совокупности): 1) по противопоставлению или сближению слов внутри одного контекста или в двух практически одинаковых контекстах, представленных в одном и том же письменном памятнике; 2) по сфере и характеру употребления; 3) по лексическому значению [3, с.13].

Понимание Ф.П.Филиным лексико-семантических групп дает возможность объективно выявить реально существующие в языке отношения взаимообусловленности и взаимосвязи между теми или иными словами, образующими обычно небольшие по составу микросистемы. В результате открывается путь к выявлению внутриязыковых особенностей развития лексики.

Степень насыщенности тематических лексических объединений лексико-семантическими группами в разных терминологических системах отнюдь не одинакова; например, в русском языке XI-XVII вв. она выше в тематической группе гиппологических названий, объединяемых понятием , чем в системе наименований оружия. Это закономерно: семантическая близость гораздо более велика среди названий лошадей (где речь идет всегда только о лошади - верховой или тягловой рабочей, взрослой особи или не взрослой и т.п.), чем среди обозначений оружия (меч, пистолет и пушка - разные реалии, резко различающиеся и функционально, и по внешнему виду).

Обращаясь к нашему материалу, ограничимся несколькими примерами.

Так, одну лексико-семантическую группу образуют слова мушкетъ и фузѣя, взаимозаменяемые в следующем контексте: Мушкетеры слушайте и примечайте./ Правою рукою за мушкет./ Тогда обернетъ солдатъ лѣвою рукою мушкет свой немного к себѣ.../ Мушкѣтъ

кве́рху.../ Тогда руками вперед от себя поотталкнуть.../// Мушке́тъ на карау́лъ./ После сего повелѣніе (так в ркп. - Г.О.) опустит мушкете́ръ ѳкзею свою с правою рукою внизъ.../// Мушкѣтъ предъ себя./ Равно ка́коже мушкетер мушке́тъ свои на карау́л держитъ. Устав Вейде, 33 об., 34 об., 35 об., 36 об. 1699 г.

Семантика существительного фузѣя 'ручное огнестрельное оружие, аналогичное мушкету', известного в русской письменности с последних десятилетий XVII в., выясняется благодаря приведенному фрагменту из воинского устава - документа, в котором военные термины не могут, не должны употребляться неточно. Контекст показывает, что более активным компонентом в этой лексико-семантической группе является слово мушкетъ. Термин же фузѣя, вообще употреблявшийся часто в первом десятилетии XVII в., затем постепенно исчезает, как менее активный синоним.

Другие примеры подобных групп. 1) Бои - ружье - оружие (все три слова в XVI-XVII вв. выступают в собирательном значении 'оружие'): а) псковичь посацкихъ людей... 1163 человѣка, и въ томъ числѣ съ пищалми 544 человѣка, съ копьи 139 человѣкъ, зъ бердыши 112 человѣкъ... у посацкихъ же людей пріимышевъ... 155 человѣкъ, ружья у нихъ нѣтъ... посацкихъ людей иванегородцовъ, и ямлянъ, и конорянъ со всякимъ боемъ 181 человѣкъ, безъ бою 94 человѣка. Псков. а., с.165.-1663 г.; б) Велели выстрелить изо всего оружия по-прежнему. И посланник в вечеру велел выстрелить изо всего ружья, и стреляли. РКО I, 365. 1675-1676 гг.; 2) зелье - порохъ (XVII в.): Указал ты... послать с Москвы денег 3 000 рублев, да 100 пуд зелья ручного, да 50 пуд свинцу... И то твое... жалованье, деньги и порохъ и свинец послано с Москвы. Разин. Восст. IУ, 76. 1671 г. - В этом контексте зелье упоминается при цитации распоряжения царя, как традиционный, официальный термин, порохъ же - в ответе воеводы, как слово, бытующее в живом народном употреблении. Воины на местах употребляли слово порохъ, воеводы в Москве - зелье. Такое противопоставление было характерным для многих текстов XVII в. Активно употреблялось слово порохъ и в специальной военной литературе XVII в. Становится понятным, почему слово зелье 'порох' постепенно утратило свою активность в русском языке; 3) скифетръ - посохъ 'жезл, почетное оружие как символ власти': а) А государь... сидѣлъ въ брусяной... избѣ въ русскомъ саженномъ платьѣ... и въ рукахъ былъ скифетръ. Рим. имп. д. I, 512. 1576 г.; б) А государь... и сынъ его... сидѣли

в брусяной изоѣ, въ русскомъ въ саженномъ платьѣ, и въ рукахъ былъ посохъ. Там же, 532. 1576 г.; 4) нарядъ - снарядъ (оба - в значении 'артиллерия' в XVI-XVII вв.): А после смотру ездил государь около города и... указал, где поставити туры и наряд. И на Двине и на Ивановском острову приказал государь... поставить туры и снаряд... Разр. кн., с.117. 1563 г.; 5) пушка - пищаль ('артиллерийское орудие')// тюфякъ [5]; 6) меч(ь)// сабля и т.д.

Семантические отношения между компонентами этих групп то синонимические (в примерах 1-4), то иные, построенные на частичном противопоставлении и одновременно частичном сближении: меч(ь) //сабля, то комбинированные: пушка - пищаль (несмотря на известное семантическое различие взаимозаменялись, употребляясь синонимично)// тюфякъ (не синоним по отношению к ним обоим: это слово обозначало не всякую пушку, а, как правило, дробовую).

Несомненно, лексико-семантические группы вполне заслуживают пристального внимания исследователей. Вместе с тем, на наш взгляд, целесообразно говорить и о лексико-фразеолого-семантических группах - микросистемах, компонентами которых (семантически связанными и взаимообусловленными) являются как слова, так и словосочетания. В частности, без обращения к этим микросистемам характеристика тематической группы названий оружия была бы далеко не полной, т.к. ограничивалась бы рассмотрением в ее составе лишь лексико-семантических групп. Приведенное определение этих последних и их три отмеченных признака применимы и к лексико-фразеолого-семантическим группам.

Обратимся к примерам. 1) Артиллерия и снарядъ пушечной (также огненной); ср.: а) они суть мэоры по артиллеріи, или пушечнаго снаряду. Устав Вейде, 26 об. 1699 г.; б) Генералъ фелтъцейгъмеистер есть глава всеи артиллеріи... онъ имѣетъ надзирательство над всѣмъ огненнымъ снарядомъ. Там же, 29 об.; составные термины в этих и им подобных контекстах поясняют слово артиллерия, что указывает на новизну данного слова в конце XVII в. в русском языке; 2) гранаты большие - бомбы// гранаты малые (гранаты суть двоики(:) большіе(,) которые из мартиръвъ бросаютъ. 2, малые, которые из рукъ бросаютъ. Большіе гранаты, или бомбы, бываютъ обыкновенны из желѣза вылиты. Наука фейерв., 110 об. XVII в.; 3) винтовальная (винтованная) пищаль - винтовалъ; пищаль винтовка - винтовка [4]; 4) готовои зарядецъ - патронъ - ладунка (лядунка): Преж как тэоѣ доведется из затинной или ско-

ростр҃лной пища́ли стрела́ти. і ты зри́ что таки́е им҃ютъ свои́ обы́чаи, что их с казны́ нарѧжа́ти, та́кож как і спереди́; так и сзади́ зарѧжаются, но ка́к сзади́ с казны зарѧжа́ти над<о>бно их зарѧжа́ти патро́нами сі҃и рч҃ зарѧ́ды гото́выми, или ладу́нками. Огненн. хитр., л.393 (контекст указывает на новизну слова патронъ в русском языке в XVII в.); 5) ратный бой - бой 'оружие, вооружение': А будучи оне в земле у Алтына-царя, проведывали про Китайское и про иные государства, каковы в нем люди, какова вера... и каков у которых людей ратный бой... [В ответе на этот запрос:] А бой де у китайских у ратных людей пищали и пушки. РМО, 65-66. 1617 г.; 6) нарядъ вогненной - нарядъ 'артиллерия' (Рим. имп. д. I, 892-895. 1583 г.).

Подобных групп среди русских названий оружия, известных до начала XVII в., довольно много. Микросистемы такого типа можно обнаружить и в других тематических группах, например, в гиппологической, метрической терминологии и т.д.

Обращение к лексико-фразеолого-семантическим группам помогает разобраться в истории слова, что отчасти показывает цитированный материал. Очень любопытны и другие примеры. Так, как будто снимается вопрос Б.А.Ларина относительно достоверности записанного Ричардом Джемсом слова винтовал; Б.А.Ларин предполагал здесь искажение вместо * винтовая (Р.Джемс. Словарь, 271). Архангельское винтовалъ (1618-1619 гг.) возникло из часто и активно употреблявшегося словосочетания винтовальная пищаль путём усечения, что характерно для разговорной речи. Аналогично в XVI в. возникло существительное самопалъ на базе более раннего, исторически предшествовавшего ему словосочетания самопальная пищаль, а в более давние времена точно так же на базе словосочетания самостр҃льныи лукъ образовался термин самостр҃лъ [5, с.86].

Слово винтовка первоначально потреблялось лишь в составе словосочетания пищаль винтовка, возникшего в свою очередь на базе словосочетания винтовальная (и винтованная, реже винтовная) пищаль, подобно тому как составной термин пищаль галанка 'пищаль голландского образца' возникает из словосочетания галанская пищаль (сохраняем здесь старорусскую орфографию).

Этот интересный момент в истории слова винтовка не получил, кажется, достаточного отражения в СлРЯ XI-XVII вв. (вып. 2, с.187), где в заголовке словарной статьи дано отдельное слово винтовка, однако, по крайней мере, в двух иллюстрациях из трех при этой

статье слово винтовка фигурирует только лишь в составе словосочетания пищаль винтовка, известного с 1647 г.: Две пищали гладких, пищал<ь> винтовка, пол пуда пороху. Якут. а., карт. 7, № 10, сст. 43. 1647 г.; А у которыхъ служилыхъ людей и есть ружье, и то пищали малые, охотничьи винтовки. ДАИ VII, 161. 1679 г.

В третьей иллюстрации: "Три пищали длинныхъ, одна винтовка. Кн. пер. Нил. Столб., III, 78. 1663 г." - допустимо двоякое толкование, а именно: 1) либо слово винтовка - приложение к пропущенному и легко подразумеваемому слову пищаль ("...одна [пищаль] - винтовка"); в этом случае "винтовка" входит в число упомянутых трех пищалей; 2) либо слово винтовка употребляется вне такого словосочетания; в этом случае "винтовка" не входит в число трех пищалей. Но при любом из этих объяснений следует обособить первоначальное употребление существительного винтовка лишь в составе словосочетания пищаль винтовка. Только позднее, по нашим данным с 1661 г., в русских памятниках письменности стал упоминаться отдельно термин винтовка: 24 шишака, 3 пуда свинцу, 12 пистолей порчаных, 3 винтовки худых. (Росп. ратн. людей в Полоцке) АМГ III, 408. 1661 г.

Как видим, описательные, неоднословные термины исторически предшествуют терминам однословным, и в этом - одна из закономерностей развития рассматриваемой нами лексики.

Так, еще в деловых текстах XVI-начала XVII в. можно встретить составные термины ратное оружье (Рим. имп. д. I, 846. 1582 г.), оружие воинское (Там же, 902. 1583 г.), оружие боевое (АИ II, 295. 1609 г.) и даже ратное боевое оружие (АИ II, 270. 1609 г.), тогда как для более поздних текстов такие словосочетания становятся нехарактерными и слова оружие (-ье) и ружье 'оружие' употребляются как однословный термин, скорее всего под церковнославянским влиянием (ср. то слово оружие - церковнославянизм), поскольку в церковнославянских текстах однословный термин оружие (оружие) был активен с давних пор.

Ручное огнестрельное оружие конника пистоль упоминается уже у Аввакума и Г.Котошихина (Фасм. II, 267). Можно уточнить: термин пистоль встречается несколько раньше, в тексте 1639 г.: ...в пятницу маиора Гагеновсково взял[и] в полон еилипсъбургъскиз воры а он было выѣхал за город бес пистолеи чаял что... ево не выдадут. Куранты [1], 213. Возможно, термин этот был известен

еще раньше, так что процесс уточнения его первоначальной фиксации в русском языке будет продолжаться, но не бесконечно: во второй половине 70-х годов XVI в. он либо был совершенно неизвестен, либо чрезвычайно мало характерен для русских людей, употреблявших в ту пору составной термин короткая конская ('кавалерийская') пищаль. В одной из грамот царя Ивана IV читаем: И братъ бы нашъ [император Максимилиан - Г.О.] для любви прислалъ къ намъ... мастеровъ, которые досчатые доспѣхи дѣлаютъ... да латъ нѣмецкихъ с рукавы, которые бы намъ пригодилися добрые, да пищалей короткихъ конскихъ, по полуторѣ пяди пищаль [т.е. по 26,5 см - Г.О.], которые были бы стѣнисты и убивали бъ далеко, и стрѣляти бы изъ нихъ было безстрашно. Рим. имп. д. I, 566. 1576 г.

На первый взгляд может показаться, что в лексико-фразеолого-семантических группах мы имеем (в отличие от лексико-семантических групп) лишь случаи полного семантического тождества между однословными и неоднословными компонентами, составляющими эти группы, и, стало быть, можно наблюдать лишь словообразовательные процессы, но не взаимодействие слов и близких к ним словосочетаний. Действительно, семантическое тождество здесь в некоторых случаях может наблюдаться (самопальная пищаль - самопал) как и между компонентами ряда лексико-семантических групп (ср.: лиса - лисица, слайд - диапозитив и т.п.).

Однако в лексико-фразеолого-семантических группах мы наблюдаем не только универбизацию, т.е. чисто словообразовательное явление типа большая дорога - большак, которое в историческом плане осветил В.В.Мартынов [6, с.12].

В Словаре В.И.Даля (I, 113) рус. большак - это не только 'большая, столбовая дорога' (тул., орл., кур.), но и 'старший из сыновей' (без территориальных ограничений). Большак 'большая дорога' и большак 'старший из детей' вряд ли следует считать омонимами. Именно как одно многозначное слово толкуется сущ. большак разг. 'большая дорога (в отличие от проселочной)' и обл. 'глава семьи, старший в доме' в 4-х-томном академическом Словаре русского языка (изд. 2-е, т. I. М., 1981, с.106), причем ни в каком другом значении слово большак в качестве омонима больше не представлено. И коль скоро перед нами многозначное слово с общей семантикой наибольшего начала, свойственного обозначаемому предмету (лицу), то большак и большая дорога не равнозначны: семантика

слова большак шире, чем значение словосочетания большая дорога.

Точно так же семантика старорусского затинная, в тех многочисленных случаях, когда оно употребляется в значении существительного, – это и 'затинная пищаль', и 'затинная пушка', так что нет семантического тождества между словом затинная и словосочетанием затинная пищаль, вопреки толкованию в СлРЯ XI–XVII вв. (вып. 5, с.320). Во всех работах и словарях, упоминающих прилаг. затинный, это слово приводится лишь в сочетании с сущ. пищаль. Между тем в памятниках письменности встречается и термин затинная пушка (огненные мастеры ...большия и затинныя пушки льют. ДАИ II, 279. 1689 г. Еще в АМГ I, 134. 1615 г.; 400. 1632 г. и т.д.). Этот факт важен потому, что старорусские слова пушка и пищаль по значению не совпадали полностью: пищаль как артиллерийское орудие отличалась большей длиной ствола, по сравнению с пушкой.

Известны и словосочетания затинные органки (О огнен. хитр., 149. XVII в.), затинные мушкетки (Устав ратн. д. II, 6. XVII в.), каждое из которых нам встретилось практически лишь однажды; будучи столь редкими, они не оказали влияния на семантику существительного затинная при его возникновении. Словосочетание же затинная пушка было не таким уж редким, употреблялось многократно, и не принимать его в расчет в данном случае невозможно.

Еще очевиднее отсутствие семантического тождества между компонентами других лексико-фразеолого-семантических групп типа (целой) картаунъ ('стенобитная пушка') – полукартаунъ – четвертъ картауна (Учение и практ. артиллер., 39. XVII в.), хотя смысловая связь между членами подобных групп несомненна.

Таким образом, исследование материала, составляющего лексико-фразеолого-семантические группы, не только обогащает наши представления о словообразовании тех или иных терминов, но и дает возможность уточнить их семантику (затинная), время вхождения в русский язык (ср.: п столь, также карабинъ, мушкетонъ и короткая конская пищаль), другие особенности их первоначального употребления (винтовка).

Изучение лексико-фразеологического материала в пределах таких групп, каждая из которых несомненно имеет системный характер, следует признать вполне целесообразным.

Главное отличие подобных объединений от лексико-семантических групп, вероятно, состоит в их более динамичном, более временном характере, часто в менее долгом существовании. Но эта их

черта особенно ценна для историка лексики, прослеживающего процесс ее становления и развития.

ЛИТЕРАТУРА

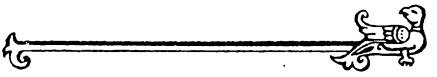
1. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957.
2. Одним из первых удачных опытов в этом отношении следует признать монографию Г.Я.Романовой "Наименование мер длины в русском языке" (М., 1975). При обращении к словоуказателю, помещенному в книге, легко заметить обилие составных наименований при таких словах, как локоть, сажень и т.д.
3. Одинцов Г.Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.
4. Контексты, подтверждающие реальность этой группы, см. в статье: Одинцов Г.Ф. К истории русских военных терминов пушка, тюфякъ, пищаль, винтовка // Этимология. 1978. М., 1980, с.113-114; 126-127; 131-132 (пушка - пищаль// тюфякъ); с.129 (винтовальная пищаль - винтовалъ; пищаль винтовка - винтовка).
5. Одинцов Г.Ф. История старорусского военного термина самопалъ // Этимология. 1981. М., 1983.
6. Мартынов В.В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики // Этимология. 1968. М., 1971.

Список сокращений

В-К I	- Вести-Куранты. 1600-1639 гг. Издание подготовили Н.И.Тарабасова, В.Г.Демьянов, А.И.Сумкина. Под ред. С.И.Коткова. М., 1972.
В-К II	- Вести-Куранты. 1642-1644 гг. Издание подготовили Н.И.Тарабасова, В.Г.Демьянов, А.И.Сумкина. Под ред. С.И.Коткова. М., 1976.
Наука фейерв.	- Наука фейерверкеров. ГПБ, Q. IX. I. XVII в.
О огнен. хитр.	- О огненных хитростех. Сп. XVII в. ГПБ: Г-IX-3. 548 л.
Разин. Восст. IV	- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. IV. М., 1976.
Разр. кн.	- Разрядная книга 1560-1653 гг. Кн. I, М., 1975:
РКО I	- Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. I. М., 1969.

РМС 1607-1636 – Русско-монгольские отношения. 1607-1636. Сборник документов. М., 1959.

Учение и практ. артиллер. – Учение и практика артиллерии, перевод сочинения Буанера. Список конца XVII в. – ЦГАДА, ф. 381, № 998.

Становление терминологических групп лексики

Г.П.Смолицкая

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОДНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА ДО XVIII в.

I

Группу лексики, включающую в свой состав слова, обозначающие физико-географические объекты, принято называть географической терминологией. Это название в определенной степени условно, т.к. географической терминологией называется и совокупность терминов науки физической географии.

Географическая терминология как совокупность слов, обозначающих физико-географические объекты, - своеобразная и важная группа лексики русского языка. Ее своеобразие в первую очередь заключается в большой устойчивости и в способности переходить в имена собственные, например в микротопонимы: названия небольших речек, оврагов, холмов, лугов, полей и т.п. Это делает ее важным лингво-историческим источником. Ареалы некоторых географических терминов, установленные по памятникам письменности XVI-XVII вв., прослеживаются и в настоящее время, хотя преимущественно по данным топонимии и микротопонимии. Географические термины, обладая склонностью к онимизации, т.е. к переходу в имена собственные (топонимы и микротопонимы), дают возможность восстановить раннюю географию этих слов, относящуюся к первоначальному периоду формирования русского языка и даже к общеславянскому периоду, например, ареалы слов теребь (теребити), лоск и др. (Смолицкая, 1972).

В основе микротопонима чаще всего лежит слово того говора, на территории которого находится называемый им физико-географический объект. Переходу такого слова в микротопоним способствует то обстоятельство, что в системе этого говора, представляющего собой относительно замкнутую микросистему, хотя и отражающую общую систему диалекта, слова, обозначающие физико-географические объекты, часто оказываются изолированными, т.к. отражают единичные или единственные объекты. Это приводит к ослаблению мотивации нарицательного и к постепенной ее утрате.

Ослаблению и утрате мотивации отдельных терминов и, как следствие, превращению их в местное географическое название, в значительной мере способствует развитие синонимического ряда. При этом более употребительные общеизвестные новообразования,

как правило, сохраняют свое нарицательное значение, а менее употребительные (старые или узколокальные) превращаются в имена собственные, в названия. Это положение довольно четко прослеживается на соотношении нарицательных и собственных имен в составе синонимического ряда со значением 'овраг, углубление на поверхности земли удлиненной формы'. Самым древним для русского языка в этом ряду является общеславянское дол, а самым поздним - собственнорусское овраг (к. XVII-н. XVIII в.). Между ними хронологически располагаются такие наиболее распространенные в южновеликорусском наречии и среднерусских говорах термины, как верх, враг, лоск и др. К XVIII в. нарицательное дол, например, в Поочье уже не известно в этом значении, оно фиксируется только как собственное (около 15 названий): верх Дол, верх Б.Дол, отвершек Дол, отвершек Б.Дол, овраг Глубокой Дол, овраг Большой Дол, овраг Кудин Дол и др. Нарицательное же овраг зафиксировано в роли собственного только один раз - верх Оврагов (в низовьях р. Прони). В паре лоск (XV в.) - овраг (к. XVII в.) наблюдается еще более выразительное соотношение: лоск (и его производные) в значении имени собственного фиксируется в Поочье около 20 раз, в том числе четыре раза как название оврага: овраг Лоск, овраг Средней Лоск, овраг Лоскинской, овраг Лосковой; лоск же с названием Овраг или производным от него полностью отсутствует.

Утрате мотивации и переходу имени из нарицательного в собственное способствует факт заимствования слова. Заимствованное слово долгое время бывает малоизвестным (не общеизвестным) и малопонятным и быстрее начинает употребляться как собственное. Это произошло, например, с таким термином как ендова (из балтийских или тюркских языков), развившим на русской почве значение географического термина 'овраг или озеро круглой формы'. Это нарицательное (и производные от него) перешло в собственное и фиксируется таковым в бассейне Оки уже в XVII в. в виде 26 названий преимущественно оврагов: верх Ендова, руч. Ендова, овраг Ендова Жоровая, овраг Ендовской и др.

Сказанное выше свидетельствует о том, каким важным (а иногда и единственным) источником реконструкции лексики русского языка, в частности и лексики, отражающей физико-географические объекты, является микротопонимия. Особенно важны данные микротопонимии для выявления лексики раннего периода русского языка, т.к. в ней часто отражаются слова, не известные в русском языке

в "свободном", нарицательном употреблении до XVIII в. Но это не значит, что название может быть прямо соотнесено с каким-либо внешне схожим апеллативом, именем нарицательным. При этом необходимо учитывать ряд факторов, исключающих ошибочность реконструкции.

Чтобы быть уверенным в том, что на основании определенного микротопонима мы правильно восстанавливаем интересующий нас апеллатив, к тому же не зафиксированный в русском языке до XVIII в., необходимо установить факт наличия его в современных русских говорах и в других славянских языках, преимущественно в восточнославянских. Таким образом очерчиваются примерные хронологические рамки реального существования этого слова. Это дает основание считать, что в известных нам памятниках русского языка XI-XVII вв. оно отсутствует случайно. Чтобы быть уверенным в реальности восстанавливаемого апеллатива, надо еще знать, переходит ли он в топонимы (преимущественно в микротопонимы) на других русских территориях и в других славянских языках.

2

Исследование гидронимии и микротопонимии в бассейне р. Оки - центральной территории формирования русского языка, территории современного распространения южновеликорусского наречия и среднерусских говоров - показывает, что она действительно является важным, а иногда и единственным источником реконструкции слов, отсутствующих в русском языке XI-XVII вв. Особенно характерна в этом отношении группа слов, обозначающих объекты рельефа местности, выявляемых по названиям небольших речек, оврагов, возвышенностей и т.п., зафиксированных в памятниках письменности русского языка XI-XVII вв. А это значит, что такие слова существовали в русском языке как нарицательные, но по каким-то причинам не попали в известные науке памятники письменности.

*барак 'овраг'. Этот апеллатив представлен в Поочье двумя названиями: руч. Барак (басс. р. Тарусы), овраг Барак (басс. р. Солотчи). Слово барак - позднее в русском яз., оно не отражено ни в одном из исторических словарей русского языка. Косвенным доказательством его существования в русском языке, кроме указанных названий, является довольно широкое его распространение в современных русских говорах: в юго-восточной части бассейна Оки - по р. Цне, в верховьях Мокши и Хопра; изредка оно встречается и западнее. Севернее полосы Ефремов - Липецк - Шацк - Кирсанов -

Балашов – Борисоглебск оно не фиксируется. Апеллатив *барак* известен на той же территории, что и *буерак* (*байрак*, *баярак*, *боерак*) в том же значении 'овраг' (Архив ДАРЯ, т. VIII–IX). Все это дает основание считать *барак* формой, получившейся в результате выпадения *j* и стяжения гласных из форм *баярак*, *боярак*, *боерак* (< *буерак*), что в условиях акающего произношения дало в первом предударном слоге *а*. Эти формы известны в памятниках русского языка не ранее XVI в.: *байракъ* (Назиратель, 140. XVI в.), *буеракъ* (ДАИ X, 440. 1683 г.), *буяракъ* (Кн. прих.-расх. Синод., 140. 1667 г.). Эти апеллативы имеют соответствия в восточно- и южнославянских языках: укр. *байрак* 'овраг, поросший лесом', а также 'возвышенность, густо поросшая лесом' и ряд переходных значений (Марус. Мат., 214); в белорус. *буярак* 'сухой дол' (Яшкин), в болг. *баир* (*баирчина*, *баирищи* и др.) в общем значении 'холм, возвышенность', 'обрыв, крутизна; берег реки' (Григорян).

бурт* 'яма', 'возвышение, курган', 'куча', 'насыпь'. Этот апеллатив можно видеть в названии р. Буртук, которое членится как Бурт-ук (ср. аналогичное образование р. Кобелюк). Апеллатив известен на Дону в значении 'округлые бугры аллювиальных песков на террасах реки' (Мурзаев, 1984), в укр. 'холм, бугор' (Гринченко, 1958). Фиксируется и образованная от него гидронимия на территории Украины: р. Бурта, балка Бурти, поток Бурти (неоднократно). М.Юрковский отмечает для укр. *бурта* значение 'яма, наполненная водой' – ' **wir wodny ' (**Jurkowski**, 90–91), т.е. 'водоворот'. Это значение как вторичное вполне возможно: 'яма на дне реки' → 'водоворот на месте ямы на дне реки'. В польск. яз. есть термин **burta** (**Nitsche**) 'мель, мелководье' и 'бездна', т.е. такое же семантическое развитие по противоположности признаков, как в русском и украинском.

**верейка* 'возвышенная полоса земли, леса, не затопляемая водой', 'возвышенное сухое место на пойме' (СРНГ). В некоторых источниках для апеллатива *верея* указывается признак затопляемости ее водой во время половодья (Мурзаев, 1984). В Поочье этот апеллатив представлен одним гидронимом – р. Верейка; в бассейне Дона тоже известна р. Верейка. В исторических словарях русского языка (Срезн., СлРЯ XI–XVII вв.) слово *верейка* отсутствует, фиксируется только *верея*. В говорах русского языка *верейка* известно довольно широко (СРНГ, Дьякова и др.) в разных значениях, близких к указанному выше, в том числе и в этом. Гидроним Верейка,

вероятно, мотивируется как 'река, протекающая по верейке, по сухому, возвышенному месту' или 'река, имеющая берега в виде верек, или верейки'.

В значении 'столб у ворот, двери, дверной косяк' во многих славянских языках известно слово верея (др.-русск., укр., ст.-сл., польск., словен., слвцк. - Фасм., I, 298). В русском языке у верея, а особенно у его производного верейка развилось значение географического термина. Исходя из этого развившегося значения правильнее объяснять топонимию типа Верея, Верейки, а не из 'столб у ворот...' (Никонов, 1966; Жучкевич).

*вертеба - 'круглая яма на поверхности земли или в реке', 'крутой труднопроходимый овраг'. В бассейне Оки этот апеллатив представлен двумя названиями: верх Артебы, р. Вертеба. Форму артебы надо рассматривать как трансформированную в результате утраты семантической связи с обозначаемым объектом. Производная форма зафиксирована в Елецкой отказной книге 1644 г.: межа... на ортебок [вертебок - Г.С.], а на ортебку стоит дуб плотав (Памятники южновеликорусского, с.113). Кроме того, окончание -ы свидетельствует о том, что перед нами ед.ч. формы вертеба, а не вертеб, иначе название скорее имело бы форму Артеба (ср. вертебя - Даль, I, 182). Реальность этого апеллатива в русском языке до XVIII в. поддерживается и наличием его других производных - вертебенка и вертебинка в Писцовых книгах Московского государства XVI в. (т. I, с.511, 675), а также в современных говорах Воронежской обл.: вертеба 'яма', 'яма в реке', 'водоворот' (Дьякова); в говорах украинского яз. в значении 'яма с водой или без воды, яма конусообразной формы', 'круглая низина в лесу' (Черепанова. Черн.-Сум.). Большой фактический материал о распространении лексемы вертеб (вертеба) на территории славянского мира и смежных с ним, приведен в статье Г.П.Клепиковой (Клепикова. Карпатская II).

Форма вертеба - производная от др.-русск. вертепъ. О слове вертепъ и его производных написано несколько статей, анализирующих семантику и словообразование. Др.-русск. вертепъ из ст.-сл. вьртьпь - 'пещера', 'сад'. Мнение В.Георгиева о первоначальном значении 'водоворот', 'поворот в реке' для исследуемой нами территории и времени не кажется убедительным. В данном случае вероятно такое развитие значения: 'пещера' → 'круглая яма', 'крутой овраг', 'каретовая балка' с оттенком затрудненной проходимо-

ота и 'пещера' → 'круглая яма на дне реки' → 'водоворот над этой ямой'. Семантическая мотивация гидронима Вертеба - 'река, изобилующая ямами и водоворотами'. В бассейне Оки есть гидроним Вертеб, Вертебинской, в основе которых лежат апеллативы вертеб и вертебина. Появление их по отношению к вертеп может рассматриваться двояко: вертеб как результат гиперкоррекции от вертеп (конечное п воспринималось как глухое б). С другой стороны, довольно редкое слово для русского яз. до XVII в. вертеп, как и сам географический объект, оформилось суффиксом единичности -ина, что привело к озвончению п > б: вертебина, а затем перешло и на однокоренные: вертеб, вертеба, вертебя (СРНГ), вертебище и др. (ср. наряду с этим формы вертепенище, вертепижина, приведенные Далем, - Даль, I, 182).

*вертебище 'место, изобилующее пещерами, ямами' или 'место, где была пещера'. В бассейне Оки фиксируется овраг Артебищевской, верх Вертевища (Вертелища). Трансформированные формы названий говорят о разрыве живой семантической связи с апеллативом вертебище и о переосмыслении (Вертелища < вертеть). Этот факт свидетельствует в пользу значения 'место, где была пещера' для апеллатива вертебище. Реальность восстанавливаемого апеллатива в русском яз. до XVII в. косвенно поддерживается и наличием аналогичной модели в русских народных говорах от вертебина - вертебинище.

*вой 'котловина, яма в реке (и водоворот над ней)'. В бассейне Оки с этим апеллативом можно связать названия: верх Воин, р. Б.Воин (Война, Воинка), с. Воин (Б.Воин), р. Сух.Воин, р. Воинка (Война), р. Воинка (д. Воинка), р. Воиновка (Воинка). Эти названия допускают двоякие апеллативные связи. С одной стороны, в южнославянских яз. voj , vij- 'горный перевал' (Куркина), с другой стороны, в украинском яз. вой 'водоворот' (Черепанова. Черн.-Сум.), завой (Никончук). В русском яз. известно диалектное завой 'вихор в волосах или в шерсти животного' (Даль, I, 32.). Поскольку речь идет преимущественно о текучих объектах - реках, надежнее связывать апеллатив вой, лежащий в их основе, со значением 'водоворот'. Но в бассейне Оки известно развитие 'рельеф' → 'водоворот': буй 'холм, возвышенное место' и 'водоворот', юр 'горка, холм, открытое возвышенное место' и 'водоворот', вертеп 'яма в реке' и 'водоворот'; котел 'яма в реке' и 'водоворот' и т.д. Именно это обстоятельство дает основание мотивировать приве-

денные выше окские гидронимы как 'имеющие котловины, ямы с водоворотами'.

*завалъ 'овраг, яма с обвалившимися краями': лог Завалей, овраг Завали (дважды), овраг Завалин. Наличие апеллатива завалъ в русском языке до XVIII в. поддерживается наличием его в современных говорах Воронежской обл.: завалъ 'яма, овраг с обвалившимися краями' (Дьякова). Аналогичная гидронимия имеется и в бассейнах других рек: р. Завалька, руч. Завалини (СГУ); Zawalina, Zawaliny и др. (HW). Ср. в белорус. завалле 'наклоненные уступы, ступени на склоне горы, взгорка' и микротопоним уроч. Завалле (Яшкин).

*каганъ (кагань) 'низина круглой формы'. В Поочье этот апеллатив представлен гидронимом р. Каганка. Реальность этого апеллатива поддерживается топонимией других территорий, в частности Украины и Польши: р. Каганець (СГУ), лес Кагань (Черепанова, Черн.-Сум.) и, возможно, польским Kahanczowa (Kanczowa? -HW). В современных говорах русского и украинского языков известен апеллатив: каган 'озеро', 'озеро на заливном лугу' (СРНГ), в Томской обл. - 'заросшее и исчезнувшее озеро', 'сырое, заболоченное место'; кагань 'чашеобразная низина, поросшая лесом' (Черепанова, Черн.-Сум.). Мотивация гидронима Каганка - 'река, впадающая (или вытекающая из низины или озера на заливном лугу (вероятно, круглой формы)'. Соблазнительно объяснение его из греческого τάγηνον, τάγανον 'сковорода', если бы этому не препятствовали фонетико-морфологические соображения (Фасм., II, 155). Не исключено, что апеллатив каганъ (кагань) 'низина круглой формы', 'озеро на заливном лугу' представляет собой развитие чувашского 'ручка на посуде' при условии, что посуда круглой формы, как перенос с части на целое (с ручки на посуду), а затем на географический объект, сходный по форме.

*канава 'естественное или искусственное углубление в почве типа небольшого оврага или ямы удлиненной формы'; 'овраг' (на Среднем Урале). Этот апеллатив, отсутствующий в памятниках письменности до XVII в., представлен в виде названия лоск Канавин, зафиксированного в Поочье на карте XVII в.; в бассейнах других рек: Канава (РЛЛО - басс. Шелони и Волхова); р. Канава (трижды), р. Канава-Прикордонна (СГУ); в Белоруссии: с. Канава (Жучкевич), поле Канава, поле Канавы и др. (Микр.). Реальность этого апеллатива в русском яз. до XVII в. косвенно подтверждается и словом

канавка, зафиксированным в 1642 г. (СлРЯ XI-XVII вв., Сл. и д. I, 368). Гидроним Канавин не исключает отантропонимическое (от фамилии) происхождение, и это лишний раз подтверждает реальность апеллатива канава в русском яз. до XVII в., который вначале дал основу антропониму, а затем антропоним - гидрониму.

*колдоба 'место, изобилующее ямами, кочками'; 'неровное, труднопроходимое место'. В бассейне Оки этот апеллатив документируется гидронимом Колдобня (Колдовня). Косвенно наличие его в русском яз. до XVII в. поддерживается апеллативом колдобаша (колтубаша) 'яма округлой формы, обычно с водой' (СлРЯ XI-XVII вв.). Дальнейшее развитие колдоба наблюдаем в современном колдобина, которое по говорам имеет разные значения: 'выбоина, лужа на дороге', 'котлован, яма в реке', 'овраг с промытыми водой склонами', 'прорубь' и др. (Дьякова). Апеллатив колдобина как географический термин известен во всех восточнославянских языках (укр. колодовбина 'ухаб', белорус. колодобина), но микротопонимия, образованная от него, практически отсутствует, за исключением двух названий р. Ковтьоба и руч. Ковтьоби в Среднем Поднепровье (СГУ). Вероятно, значение географического термина слова колдоба в восточнославянских языках развилось довольно поздно, когда гидронимическая система уже сложилась и, вероятно, развилось из укр. кадовб, кадуб 'старая бочка, чан' (Фасм., II, 287).

Аналогичный апеллатив известен и в западнославянских яз.: чеш. kadlub 'посуда из цельного куска дерева'; 'литейная форма'; польск. kadłub 'ствол, колода, чурбан' (Фасм., II, 287), но в значении географического термина в них не фиксируется, не известна и гидронимия, образованная от него.

*коча 'кочка', 'небольшой холм, бугор' (как правило, в болотистом месте). В гидронимии бассейна Оки это слово представлено в таких гидронимах: р. Кочак, р. Кочанка, р. Коченка, вершина Кочинская, р. Кочневка и др. Из бассейнов других рек сюда можно отнести с определенной долей сомнения такие названия как р. Кочур, р. Кочуровка (Маштаков. Дон), яр Кочив Ярок (СГУ), южнославянские Kočur , Kočura , Kočurica , Kočanska reka , Kočanski dol и др. (Duridanov. Vardar).

Данные русских народных говоров косвенно поддерживают наличие этого слова в русском яз. до XVII в.: коча 'кочка', 'древний курган' (СРНГ), 'островок среди леса, поросший камышом' (Дьякова) - и фиксируют развитие в нем противоположного значения 'су-

хой овраг в сухом окружении' (Дьякова). Мотивация гидронимов – 'имеющий кочки, бугры на дне или по берегам'.

*крутоберегъ 'крутояр', 'крутой обрывистый берег': р. Крутобарешка (ш показывает произносительную норму, а вм. е свидетельствует о разрыве живой семантической связи слова и обозначаемого им объекта). Это название мы могли бы объяснить как результат сложения крутой берег, но наличие апеллативов крутоберег 'крутояр, крутой, обрывистый берег', 'возвышенное место' (СРНГ) в русских народных говорах, крутобережье 'крутой, отвесный берег (реки, озера)', крутобережина 'то же' дают нам основание видеть в основе окского названия Крутобарешка апеллатив крутоберег, который в свою очередь образовался из сочетания крутой берег. К тому же, в гидронимии бассейна Оки сочетания определение + определяемое как правило не трансформируются, а присутствуют в первоначальном виде: овраг Крутое Болото, р. Крутой Овраг, р. Крутой Студенец (ср.: овраг Поросячье Болото, овраг Первой Лес, Середней Лес) и др. Названия Суходольной, Суходольской – из древнерусского слова суходолъ (XI в., Срезн., III, 631), так же, вероятно, существовало и слово крутоберег, вышедшее впоследствии из употребления как узколокальное, но сохранившееся в составе гидронима Крутобарешка.

Об узколокальном характере этого апеллатива свидетельствует и отсутствие его в других славянских языках. Ср. только в укр. крутобережжя 'крутой, отвесный берег' (Марусенко. Хмельн.).

*крутояръ 'крутой, обрывистый берег'. Наличие этого апеллатива в русском яз. до XVII в. подтверждается такими названиями в бассейне Оки, как овраг Крутояр и овраг Крутоярской. В пользу того, что в основе их лежит этот апеллатив, а не сочетание крутой яр, говорит наличие слова крутояр 'крутой, обрывистый берег', 'возвышенное место' и его производных крутоярно, крутоярный, крутоярый, крутояр в современных русских народных говорах (СРНГ), распространенного в юго-восточных областях центрального региона. Свидетельством наличия его в русском языке ранних веков является слово крутоярина, зафиксированное в воронежских документах XVII в. (СлРЯ XI-XVII вв.), а также в Отказных книгах XVII в.: земля "по обѣ стороны Оптухи рѣчки по отвершку от Григоря Мешкова по правою сторону на крутоярину ниже леска на суходоля" (Памятники южновеликорусского, 240). В нашу пользу свидетельствует и наличие слова крутояр в украинском языке в значении 'глубокий крутой ов-

раг', 'пропасть' (Марусенко. Мат.).

*круть 'крутой, обрывистый берег', 'глубокое место в реке под крутым, обрывистым берегом', 'возвышенность с крутыми склонами'. В бассейне Оки, как и во многих других бассейнах рек восточнославянской (и западнославянской) территории, имеется большое количество названий, полученных по географическим объектам, обладающим признаком крутизны (*krǫt-). В бассейне Оки: Крутой (овраг, ручей, верх - 160 раз), р. Крутая, оз. Крутое, р. Крутенькая, овраг Крутоватый, Крутовец, р. Крутовка, руч. Крутовский и др. С большой долей осторожности сюда же могут быть отнесены и названия Крутица, Крутицкая, Крутицкой и др. Эти названия могут быть объяснены дальнейшим семантическим развитием 'крутой, обрывистый берег' → 'водоворот', обусловленным образованием новой поры krǫt - krutiti .

В современных русских народных говорах значение стремительности и быстроты часто свойственно лексемам с корнем крут-: крутой 'скорый, проворный, быстрый', 'вспыльчивый, своенравный' и др. (СРНГ), которое в некоторых случаях развилось в значение 'водоворот': крутень 'водоворот' (Маштаков, Мат.), крутило 'водоворот' (Дьякова). Ср. аналогичное в белорус.: круча 'высокое место, обрывистый берег, обрыв', 'яма в реке, вир'; крутня 'глубокое место в реке, озере' → 'вир', 'крутень, водоворот' (Яшкин). Именно поэтому часть гидронимов от крут- может быть мотивирована как 'имеющий стремительное течение, изобилующий водоворотами': р. Крутенка, руч. Крутенской, р. Крутец, р. Крутица, Крутицкая, р. Крутинка, р. Крутиха и др. Не исключено, что какая-то часть этой гидронимии может быть мотивирована как 'имеющий извилистое русло', что вполне вытекает из семантики слова крутой 'сильно скрученный' в равной мере, как и 'водоворот'.

Гидронимы от крут- широко известны в бассейнах других рек и также могут быть интерпретированы и как 'имеющий крутые, отвесные берега', и как 'изобилующий водоворотами': р. Крутец, руч. Крутик (четырежды), р. Крутица (трижды), р. Крутовка (дважды), руч. Крутой (21 раз), оз. Крутцо (РЛЛО); р. Крутенькая, Крутец, Крутой (Маштаков, Дон); руч. Круча, р. Кручен-ка, р. Кручене, яр Кручени, балка Кручик, р. Кручки, р. Крутинець, р. Крутилка и др. (СГУ), Krucze Gory , Krucsek , Krutynia , Krutyńska Struga и др. (нм).

*обалъ 'овраг'. В бассейне Оки этот апеллатив представлен

названием р. Обаленка; абал - из обвал в результате аканья и упрощения группы согласных бв>б. Апеллатив фиксируется в современных русских народных говорах в значении 'овраг' (ДАРЯ) и 'засыпанная землей яма, из которой добывали руду' (СРНГ). В рязанских говорах известен глагол абалить 'обвалить яму или канаву с высокими крутыми краями', 'засыпать, завалить землей нижнюю часть дома (с целью утепления)'. Следовательно, обал>абал - это 'то, что может обвалиться', и 'то, что обвалившись, заваливает какое-л. пространство'. Исходя из этого, гидроним Обаленка можно мотивировать как 'река с крутыми, обваливающимися берегами'. Это подтверждается данными других бассейнов рек и славянских языков. В басс. Днепра известно урочище Абвальня (Яшкин) и апеллатив абвал 'высокий бок глинистого карьера, который может обвалиться' (Яшкин). В сербохорв. obala известно в нескольких значениях и, в частности, как 'берег', 'забор, ограда' (Schütz) и как имя собственное - название горы.

*семивражекъ 'овраг с большим количеством ответвлений': р. Семивражка, овраг Семивражный. Число семь довольно активно участвует в образовании микротопонимии Поочья в значении 'много': овраг Семигарь, овраг Семигорошки, Семиерошки, Семивратки, овраг Семиручьев, болото Семитон. Число семь в диалектах обычно значит 'много', например: семибатькович 'ребенок, рожденный неизвестно от кого, незаконнорожденный'; семиблюдка 'пир, угощение с большим числом блюд' (Подвысоцкий). Косвенно апеллатив семивражек поддерживается диалектным воронежским семивражки 'овраги с ответвлениями' (Дьякова); там же известен и термин тривершинка 'лог с ответвлениями' (Дьякова). Апеллатив тривершинка не был известен на территории Поочья, хотя числительное три участвовало в образовании гидронимов: овраг Трехколодезной, лоск Трехразвильной, оз. Трехтонец, овраг Триточенской. Из других числительных встречается два (двое, дву и др.): р. Два Колодезя (Двуручной Колодезь), верх Двоеплот (Дв-еплота), оз. Двоозерки, р. Двоозерки, овраг Двубратьев. Остальные числительные не участвуют в образовании гидронимов как таковые, а только в форме производных слов, превращающихся в названия: овраг Четвертной, овраг Четвериковской, Десятской, Десятинной и др. (соответственно от апеллативов четверть, четверик, десяток, десятина). Кстати, аналогичная картина наблюдается на территории всего восточного славянства - в образовании гидронимии участвуют числительные два, три, семь

(редко пять): в басс. Дона – Трехостровянская, Семиторка, Две сестренки, Двуречка, Двуречка Бол. и Мал., Двуречная Верхняя и Нижняя (Маштаков. Дон); в басс. Луги, Ловати, Мсты – Трирека, Тророжка, ру.. Семиключий (РЛЛО); на территории Украины – Семигорівський, Семидвір'я, Семидубка, Три Брідки, Три Дуби (СГУ); и только один случай – Пятибалка в бассейне Дона (Маштаков. Дон) и в бассейне Днепра – П'ятигірка (СГУ). Для некоторых из них не исключено отантропонимическое или отойконимическое образование.

*урва (урвина) 'река или овраг с крутыми, обрывистыми берегами или краями': овраг Урывинской, овраг Урвин, р. Урва, р. Урванка (Маштаков. Дон). В русских диалектах известно слово урывъ 'ответвление от оврага', 'обрыв' (Дьякова). Дальнейшее развитие семантики *urъva, *urъvina наблюдаем в диалектном рвотина 'щель, разрыв, трещина в дереве или в железе от плохой сварки', а также вірвина 'ров, канал, яма, овраг' (Даль, IУ, 87). Этот апеллатив и топонимия известны и в других славянских языках, в частности, в южнославянских: *урва, урвина < *urъva, *urъvina 'крутой склон горы' (сербохорв.), долина между крутыми высокими горами' (болг.) и топонимы Урва, Урвина, Урвиште (Куркина). Наличие апеллатива урва (урвина) в русском яз. до XУШ в. поддерживается существованием однокоренного суффиксального образования урывокъ в значении 'обрывок; то, что оторвано': два урывка ремня (Кн. прих.-расх. Ант. м. № I, 254 об. 1589 г.); урывокъ веревки (Арх. Он. Кн. прих.-расх. 1687 г.).

*чука 'холм, пригорок, крутой берег реки'. С этим апеллативом (с учетом чередования чук-/чуч-) в басс. Оки может быть соотнесена такая гидронимия: р. Чукалка (ср. прыгать – прыгалка, считать – считалка), овраг Чукальской, р. Чучерка, р. Чучулка, р. Чуча (Чуца). Апеллатив *чука (< *čuka) известен в болгарском яз. в значении 'каменистая вершина, каменистая возвышенность' или 'холм, бугор' (ЭССЯ, IУ, 131). Исследователи славянской лексики считают, что географический термин *čuka ограничен территорией южных славян (ЭССЯ, IУ; Куркина).

Не исключено, что русское кука 'кукиш, кулак с выставленным большим пальцем' является развитием *čuka (и.-е. *keu-k). В говорах центральной русской территории известен его дериват кукан в значении 'холм, пригорок, взлобок': в тамбовских говорах (Даль, II, 213) 'высокий, крутой берег реки', в рязанских (у Есенина – "на кукане реки"), в воронежских 'холм, стоящий в одиночестве,

(Дьякова).

*юръ 'горка, холм; открытое возвышенное место' (Мурзаев, 1984). Этот апеллатив представлен в басс. Оки такими названиями: р. Юр, р. Юра, р. Юрка, р. Юрковка (и ее варианты - Юринка, Юрик), овраг Юров, верх Юровище, овраг Юровской и др. Некоторые гидронимы типа Юрик, Юринка могут иметь антропонимическое происхождение. Вероятно, Юровище образовано от апеллатива юровище 'то же, что юр'. Не исключено, что некоторые гидронимы, в частности названия рек, могут иметь в своей основе апеллативы юр, юрок 'водоворот, заворот течения' или юра 'подводная мель' (Маштаков. Мат.). Названия же оврагов, видимо, в основе своей имеют развившееся полярное значение слова юр 'овраг, углубление в почве', тем более что в современных псковских говорах юр известно в значении 'край оврага, горы' (Ларин. Об архаике). Аналогичная гидронимия имеется в басс. Дона: овраг Юрский (Маштаков. Дон), руч. Юровский (РЛЛО).

Значительное количество аналогичной гидронимии фиксируется в басс. Вислы: Jura , Stara Jura , Juraszkowa , Jurczyka , Jureczka, Jurki , Jurkowski и т.п. (HW). Названия Jurki , Jurkowski исследователи польской гидронимии связывают, во-первых, с корнем jur - (укр. юркий 'шаловливый, похотливый', русск. юркий 'быстрый, подвижный, стремительный' (Rieger . San .) и, во-вторых, с юр 'вир, сильное течение'. Второе более убедительно, чем первое 'быстрый, подвижный', так как в русской гидронимии быстрое течение реки как правило отражается в названиях типа Быстрая, Быстрица, Быстринка, а не Юркая, Юринка и т.п.

Материал, приведенный в статье, убедительно показывает важную роль географической терминологии в историко-лексикологических исследованиях, обусловленную большой устойчивостью слов этой тематической группы и способностью переходить в имена собственные - микротопонимы. Она дает возможность представить лексический фонд русского яз. до XVIII в. в наиболее полном виде.

Список сокращений

1. Григорян - Григорян Э.А. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. - Ереван: Изд. Айстан, 1975. - 260 с.
2. Гринченко - Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. - Киев, 1958.

3. Даль - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I-IV. - М., 1955.
4. ДАРИ - Диалектологический атлас русского языка, вып. III. Лексика, карта № 76 (автор Т.Ю.Строганова). Рукопись Института русского яз. АН СССР.
5. Дьякова - Дьякова В.И. Географическая терминология Воронежской обл. - Дисс. ...канд. филол. наук. - Воронеж: 1973. - 320 с. Приложение.
6. Жучкевич - Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. - Мн.: Изд. БГУ им. Ленина, 1974. - 447 с.
Клепикова. Карпатская II - Клепикова Г.П. О карпатоукраинской терминологии горного ландшафта II // Карпатская диалектология и ономастика. - М.: 1972. С.51-117.
8. Куркина - Куркина Л.В. Названия горного рельефа (На материале южнославянских языков). // Этимология 1977. - М.: 1979. С.39-54.
9. Ларин. Об архаике - Ларин Б.А. Об архаике в семантической структуре слова (яр - юр - буй). - В кн.: Из истории слов и словарей. - Л.: 1963. С.78-89.
10. Марусенко. Мат. - Марусенко Т.А. Материалы к словарю украинских географических апеллативов (названия рельефов) // Полесье. - М.: 1968. С.206-255.
11. Марусенко. Хмельн. - Марусенко Т.А. Названия рельефов в говорах Хмельницкой обл. УССР. - КДиО. М.: 1972. С.277-299.
12. Маштаков. Дон. - Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. - Л.: Изд. Госгидроинститута, 1934. - 94 с.
13. Маштаков. Мат. - Маштаков П.Л. Материалы для областного водного словаря. - Л.: Гос. гидрологич. ин-т. 1931. - С.114.
14. Микр. - Мікратапанімія Беларусі. Ред. М.В.Бірыла, Ю.Ф.Мацкевіч. - Мн.: Навука і тэхника, 1974. - 326 с.
15. Мурзаев, 1984 - Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. - М.: Мысль, 1984. - 653 с.
16. Никонов. Краткий - Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. - М.: Мысль, 1966. - 509 с.
17. Подвысоцкий - Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. - СПб., 1885.
18. РЛЛО - Шанько Д.Ф. Реки и леса Ленинградской области. - Л.: Изд. Обл. Лесного отдела. 1929. - 638 с.

19. СГУ - Словник гідронімів України. Ред. колегія: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. - Київ: Наукова думка.1979. - 780 с.

20. Смолицкая, 1972 - Смолицкая Г.П. Апеллатив и топоним в составе народного говора // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. - М.: Наука, 1974. С.258-267.

21. Черепанова. Черн.-Сум. - Черепанова Е.А. Словарь географических терминов Черниговско-Сумского Полесья // Повідомлення Української ономастичної комісії, вип. 13-15.- Київ: вип. 13 - 1975, с.36-40; вип. 14 - 1976, с.33-50, вип. 15 - 1976, с.26-42.

22. Яшкин - Яшкін Я. Беларускія географічныя назвы. Тыпаграфія Гідралогія. - Мн.: Навука і тэхніка, 1971. - 255 с.

23. **Duridanov. Vadar. - Duridanov I. Die Hydronimie des Vardarsystem als Geschichtsquelle. - Köln-Wien: Böhlau Verlag, 1975. - 417 S.**

24. **Jurkowski - Jurkowski M. Ukraińska terminologia hydrograficzna. Wrocław-Warszawa-Kraków-Ggańsk. PAN, 1971. 240 S.**

25. **HW - Hydronimia Wisły, cz.1. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym. - Wrocław-Warszawa-Kraków; PAN, 1965.- 466 S.**

26. **Nitsche - Nitsche P. Geographische Terminologie des Polnischen. Köln-Graz, 1964. - 339 S.**

27. **Rieger. San. - Rieger J. Nazwy wodne dorzecza Sanu.- Wrocław - Warszawa-Kraków; PAN, 1969. - 248 S.**

28. **Schütz- Schütz J. Die geographisce Terminologie des Serbokroatischen.- Berlin; Akademie Verlag, 1957. - 113 S.**

Л.И.Рупосова

ГРУППА НАИМЕНОВАНИЙ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI-XVII ВЕКОВ

Изучение русской лексики как "системы, находящейся в развитии" (5, с.27) предполагает обращение к истории становления отдельных тематических и лексико-семантических групп, в том числе и специальных. Выявление лексического состава таких групп, и следовательно, круга источников, содержащих специализированные наименования; определение путей терминологизации общеупотребительных слов, закономерностей развития семантики специализированных лексем и особенностей их функционирования в составе различных тематических рядов; исследование системности тематических рядов и групп - это проблемы, которые должны получить освещение при диахроническом изучении терминологической системы русского языка.

Объектом данного исследования послужила тематическая группа наименований небесных тел Солнечной системы в языке донационального периода и начального этапа формирования русской нации. Эта группа - часть семантического поля названий космических объектов. Этот терминологический разряд является одним из самых древних пластов естественнонаучной русской лексики, однако остается недостаточно изученным в диахроническом плане, так как исследования по истории астрономической лексики XI-XVII вв. единичны. Как правило, они носят фрагментарный характер и посвящены либо функционированию отдельных специальных наименований [9, с.172-176], их совокупности в определенном памятнике письменности [1, с.150-171] или в ряде текстов сходного содержания [2, с.262-277], либо истории и этимологии отдельных терминов [8, с.49-59] или некоторых специально-терминологических разрядов астрономической лексики [6]. В известной степени разработана история собственных наименований космических объектов в русском литературном языке [13].

Фундаментальным исследованием русской астрономической терминологии XVI-XVII вв. стала диссертация М.И.Сахаровской, в которой проанализировано около 1000 понятий из области астрономии и астрологии этого времени, определены средства выражения этих понятий, дана их классификация и указаны основные особенности формирующейся системы [10]. В известной работе Л.П.Кутиной рассмат-

ривается функционирование астрономических терминов в русском языке первой трети XVII в., их соотношения и преобразования на формальном уровне, их семантическая эволюция [7, с.90-152]. Основные закономерности, характерные для начального периода формирования специально-терминологических разрядов лексики описаны в статье Ф.П.Сороколетова [11, с.17-23].

Принципиальное значение имеет учет того факта, что "формированию новых семантических единиц языка предшествует известное время применения слова в речевых контекстах и осмысление его лишь на уровне этих контекстов" [3, с.242]. Исследователи начального этапа формирования специальных терминологий нередко имеют дело не с языковыми, а с контекстуальными значениями слов. Но изучение предыстории слов и их значений необходимо для правильной этимологизации лексем, уточнения времени появления в языке.

Одна из важнейших задач современной русистики – исследование тематических групп лексики, истории их формирования в русском языке, состава, связей и оппозиций членов, закономерностей взаимодействия специальных наименований с общеупотребительной лексикой, изменений в системе понятий и соответствующих средств выражения. "Изучение словарного состава по тематическим группам, – писал Ф.П.Филин, – законно не только по причине методических удобств при изложении разнородного лексического материала. Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы и общества, важно само по себе" [12, с.231-232].

Обращение к изучению группы названий небесных тел Солнечной системы в русском языке XI–XVII вв. обусловлено необходимостью анализа этой тематической группы (ТГ) в ее полном объеме в языке древнерусской и великорусской народности и в начальный период формирования русской нации, описания эволюции средств выражения астрономических понятий в связи со сменой представлений о системе мира: геоцентрической или гелиоцентрической. Базой исследования послужили более ста лексем и сочетаний, обозначавших в русском языке XI–первой половины XVII в. "светила под твердью", а со второй половины XVII в. – небесные тела Солнечной системы. Фактический материал, использованный в работе, извлечен из рукописных и печатных источников, как оригинальных (летописи, азбуковники, астрономические статьи, компилятивные сочинения), так и перевод-

ных (научные труды, календари, тексты, восходящие к западноевропейским "народным книгам"). Учитывались данные Картотеки ДРС.

В целях систематизации материала, связанного с отражением в языке неоднозначных понятий и представлений, относящихся к строению вселенной, при описании соответствующих языковых средств исходим из современного взгляда на небесные тела, которые образуют Солнечную систему, и их положение в пространстве.

Для "донаучных" периодов истории специально-терминологических разрядов лексики и для начального этапа формирования системы средств выражения научных представлений характерно наличие достаточно сложных и разветвленных тематических рядов, связанных с передачей видовых понятий при отсутствии или нерасчлененности как самих родовых понятий, так и их обозначающих. У восточных славян наиболее древние наименования родовых понятий из области практической астрономии обладали отвлеченностью и нерасчлененностью, не имели специализированного значения. Они зафиксированы в переводах сочинений греческих и древнеболгарских авторов: в Изборнике Святослава 1073 г., "Шестодневе" Иоанна екзарха, "Христианской топографии" Козмы Индикоплова, "Физиологе", "Толковой Палее" и др., знакомивших с системой Птоломея или более ранними воззрениями на небесные тела. В качестве родовых наименований небесных тел в древнерусском языке выступали неспециализированные лексемы свѣтъ, свѣтила, свѣтильники, обладающие семемой 'свет, свечение', т.к. внутренним признаком соответствующих объектов считалась способность светить, освещать Землю: Бг҃ъ створи свѣтилники кромѣ нб҃си. Палея толк. [1], 42. 1406 г.∞XIII в.; Тѣмъ свѣтилам первородную свѣтлость... вложилъ. Дамаскин, 34; Бг҃ъ небо же аки шатеръ вкруг распространи и тое многими пресвѣтлыми свѣтилы солнцемъ и луною и планитам и иными звездами украси. Астрол. [1], 109; Бг҃ъ свѣтъ единъ сущь раздроби..., и раздели на сл҃нце и на мс҃ць и на звѣзды. Шестоднев Ио. екз. [2], 146. XV в. Лексемами свѣтъ, свѣтило, свѣтильник могли обозначать Солнце и Луну: И створи б҃ъ двѣ свѣтилѣ велицѣи свѣтило великое въ начатокъ дни и свѣтило меншее в начатокъ нощи. (Иезек. I, 16) Библ. Геннадиевская 1499 г.; Въ сколко времени Солнце с мѣсяцемъ сходится свѣтилникъ со свѣтилникомъ. Астрон. нем. 217 об.; Два свѣтила великие прямо себе сходятся свѣтилникъ со свѣтилникомъ. Арифм. [1], 194. Этими же словами называли и планеты 'светила под твердью': С тѣхъ свѣтилъ седмъ планетъ гл҃тъ. Дамаскин, 34. Ср.: Сътвори

богъ 'великое свѣтило солнце... свѣтилникъ озарѣ отъ свѣта пръвороднаго сияти повсюду под твержию. Рог. лет. I. XУ в. Для звезд 'светил на тверди' использовали те же слова: Да боудутъ свѣтилници на тврьди нбсныи. Шестоднев. Ио. екз.^{2}, 18. XУ в.; Да боудутъ свѣтила на твѣрди. Дамаскин, 28; Свѣти. Курб. Прим., 28.

Со второй половины XУП в. лексема светило сужает семантический объем и начинает употребляться для обозначения только излучающего свет Солнца, в противоположность всем "потемненным" телам: Аще круглое свѣтило озаритъ подобное тѣло непрозрачное тогда толко преполовленная часть озарится... Солнце болшую преполовленную часть Луны озаряет. Гевелий, 282 об. В то же время наблюдается появление дополнительного оттенка у данного слова, что связано с его употреблением в значении 'фотосферные факелы, т.е. цепочки ярких гранул, окружающих группу солнечных пятен': Крапины многими свѣтилники и стѣны огражденные... выявилися. Гевелий, 86; Много светилъ новорожденныхъ мочно было видети (382 об).

Один из самых древних семантических процессов – перенос наименований человеческого тела и его частей на явления природы, предметы объективной действительности – привел к появлению нового значения у слова тело. Оно стало использоваться в качестве родового наименования небесных объектов: Яко въ облава тѣлеса свѣтъ вложъ тако паче тѣхъ тѣлесъ и свѣтъ мѣрити. Шестоднев Ио. екз.^{2}, 19. XУ в. Со второй половины XУП в. сочетание небесные тела получает специализацию значения: Астрономиа есть описание нбсе и тѣлесѣ небесныхъ. Зерц. вселен. № 6, I; К телескопии принадлежитъ... к взиранию... небесных телес. Гевелий, 18 об. В этот период в парадигму лексемы тѣло входили следующие специализированные значения: а) геометрические тела: Телеса небесные... аще округлые показуются. Гевелий, 25 об.; Планеты и иные округлые телеса (43 об.); б) физические тела: Тело потемненное стень содеваетъ (106); Подобаетъ рещи о Солнце его же тѣло звездословы глютъ быти зело согущенно но не по все углажденно (5); в) фазы Луны: В телесах Луны укосных и рогатых (120 об.); В телесах Луны приростающих тако и умаляющихся (127 об.); г) астрономические объекты как явления реальной действительности: Крапины солнечны вещественные телеса... суть истовства телесные с трегубых размѣрений (87).

Наименования небесных тел Солнечной системы входят в состав нескольких тематических рядов. Со временем меняются связи и оппо-

зиции как внутри рядов, так и между отдельными рядами, способы выражения астрономических понятий и сами понятия. Одна лексема, будучи видовым наименованием, может входить в состав нескольких тематических рядов, в каждом вступая в новые синонимические и антонимические отношения. Ф.П.Филин, утверждая историческую изменчивость слов и их отношений, писал: "Между словами и их значениями существуют весьма различные связи, в своей совокупности составляющие лексико-семантическую систему языка, не замкнутую и подвижную, развивающуюся через преодоление разного рода противоречий" [12, с.226].

Рассмотрим с этих позиций историю наименований небесных тел Солнечной системы в составе двух тематических рядов: названий планет и их естественных спутников, а также наименование центрального тела Солнечной системы – Солнца. Кометы, знакомые русским книжникам с XI в., согласно учению Птоломея, относились к воздушным явлениям. Это понимание комет отражено в астрономиях второй половины XVII в., в частности, в "Селенографии" Я.Гевелия, где излагается учение Н.Коперника. Зракъ или изобретение стран которые суть на воздусе. Кометы носятся ради вседневнаго его колебания (146 об.).

В лексеме солнце, восходящей к индоевропейской основе *sul-no 'солнце, свет, небо' (Фасм.), воплощается внутренний признак, объединяющий названия целой ТГ 'свет'. На базе этого признака слово сопоставляется с названиями других небесных тел, по древним представлениям, также излучающих свет: Луны * louks- na 'блеск, отблеск, луна, свет, светила' (Фасм.) и звезд * kwait/ swait (Брюкнер, 165), * gvězda 'свет, блеск, сияние, звезда' (Фасм., ЭССЯ). По этому признаку они противопоставлялись по времени излучения света: Сл҃нце же знамєнникъ есть обоего дн҃вныи нощныи инъ не обоемъ владыи инъ токмо дн҃емъ, нощью же Луна обладаетъ. Палея толк.[1], 36; Солнце ночью другим светилам уступает як мѣсяцу и звездам. Курб. Прим., 35 об. Значение 'свет, светило' сохраняется и тогда, когда солнце выступает в значении 'небесное тело, дающее тепло; источник тепла'. По этому признаку солнце противопоставляется названиям всех остальных небесных тел: Въ Солнце есть светлость луча и теплоте. Луцид., 41. XVII в. – XVI в.; Солнце есть истинный и вещественный огнь. Гевелий, 80. Со второй половины XVII в. в отдельных памятниках появляются сведения о гипотезах выдающихся европейских ученых, в частности, И.Кеплера,

стремившихся объяснить физическую природу Солнца как источника тепла. У слова солнце в специальных контекстах выявляется дополнительный семантический признак: 'физическое тело сложного состава': Солнце есть тело сложенное... Солнца тѣло со всех состроительных вещей создалося, которые вещи суть... густые и внутрь малого солнечного круга толико затворено есть состроительных вещей колико их есть... чрез бесконечное всего круга свѣтилнаго пространствие распространеных. Згущение солнечного телеси. Его згущая сила зело острая и... ко огнистымъ вещемъ подобаетъ. Гевелий, 80 об.

Согласно данным Л.Л.Кутиной, лексема солнце в первой трети XVII в. на базе первичного значения развивает дополнительный признак: 'самосветящееся тело, звезда'. Слова солнце и звезда становятся взаимозаменяемыми в различных контекстах или варьируются в одном: Всякая неподвижная звезда есть солнце; Солнце между звездами фиксами числится. [7, с.97-98]. Как свидетельствует приведенный выше пример из перевода труда Я.Гевелия, лексема солнце в отдельных контекстах выражала значение 'самосветящееся (раскаленное) небесное тело', но описательно. Представления о строении вселенной, в том числе и о местоположении Солнца, бытовавшие на Руси, в их исторической перспективе подробно рассмотрены в работе В.В.Бобынина [4].

В конце XVI–нач. XVII в. солнце употребляется в значении 'звезда': Солнце есть шляхетнѣйшая и преизрядньйшая звезда, сердце нѣси, источникъ и происъхождения свѣта и теплоты. О компасе, 110 об. С середины XVII в. складывается представление о планетах и их спутниках как темных телах, получающих свечение от Солнца. Второе значение слова солнце – 'небесное тело, движущееся вокруг Земли вместе со своей сферой': Исповеда намъ седмь планитъ еже пояси аерстии и на... четвертой планитѣ солнце. Козма Инд., 15 об. XVI в. ~ XII–XIII вв. Третье значение – 'движимая звезда, планета': Беги небесные о движении и течении двою великихъ светилъ небесныхъ солнца и луны и других пяти планетъ. Арифм.[2], 53 об. С середины XVI в. лексема солнце противопоставлена названиям планет как имеющая дополнительный семантический признак 'небесное тело, совершающее движение по эклиптике': Будущие сего ради нарицаются имъ овогда поправу солнца овогда полѣву грядутъ не яко солнце як подъ единою чертою ходитъ которая черта эклиптика нарицается. Курб. Прим., 34. Четвертое значение –

'центральное тело системы': Произведе Николай Коперникъ сл҃нце аки д҃шу мира и управителя вселенныя от него же земля и вси планеты свѣтлость приемлютъ полагаютъ посредѣ мира. Зерц. вселен. № 6, 4; Все планиты узнаю<т> что солнце есть посредствием. Геведлий, 144: Солнце посредствие вселенныя около оси истовой обращаетсѧ (151 об.). По этому значению, известному со второй половины XVII в., солнце противопоставляется наименованиям Луны и всех планет, в том числе Земли.

Тематический ряд наименований планет включает в свой состав различные по происхождению имена собственные и нарицательные. Ряд названия этого класса небесных тел в русском языке, как и других европейских, являются заимствованиями или кальками с греческого πλανήτης 'блуждающий, странствующий' (ср. πλανήτης 'планета', ἀστήρ 'звезда'). Значение, варианты произношения, время появления субстантивированной формы наименований планет в греческом языке и латыни подробно описаны Н.И.Лепской [8]. Семантика родового названия, восходящая к греческим формам, связана с наличием у планет собственного движения (что, согласно древним воззрениям, отличало планеты от недвижимых звезд) или с наличием свечения. Исследователи закономерно относят появление грецизма в русском языке к XI в.: Звѣздами на нб҃си противьною пошьствие имоушта слънъцу же и лоунѣ иниемъ пяти планитимъ. Изб. Св. 1073 г., 250.

Современная планета пришла в русский язык через посредство латыни и языка Западной Руси в XVI в.: Седмь планет гл҃ютъ быти и поведаютъ ихъ противъ течения неба своим движением тещи сего ради и планеты сиречь блудящие нарицаются. Дамаскин, 34; Аще седмь круговъ сиречь седмь путей на нихъ же планеты шествуютъ. Курб. Прим., 32 об. Форма планида 'небесное тело' и 'знак Зодиака' известна с XVII в.: Коѧжда планида по своему поясу бѣгъ свой справуетъ. Арифм.^{2}, 50. Ср.: Чл҃вкъ родится подъ которою планидою. Планидник, 157.

До середины XVII в. грецизм планета (планида) в русском языке был многозначен. Он служил обозначением не только планет, но и так называемых "движимых сфер" (хрустальных сфер с прикрепленными небесными телами), учение о которых создал Аристотель: Иже суть планитѣ иже нарекутся пояси... свѣтлѣше. П. отреч. I, 103. XIV в. Это слово могло обозначать и созвездия: Телець планету. Планидникъ, 139.

В определенных сочетаниях планета получала дополнительный признак 'местоположение относительно тверди' в соответствии с учением, излагаемым в большинстве русских астрологических сочинений XVI-XVII вв., например: Планеты Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Солнце, Венусъ, Меркурий, Луна. Астрол. ст.[2], 18. Реже дополнительным признаком являлось 'местоположение относительно Земли как центра мира': По иному виду [расположение планет в соответствии с системой Птоломея]: Луна, Ермисъ [Меркурий], Афродитъ [Венера], Солнце, Аррисъ [Марс], Зевезъ [Юпитер], Кронъ [Сатурн] (56 об.); Первая планида Солнце... вторая планида Луна... третия планида Афродитъ... седмая планида Кронъ. Астрол. ст.[4], 1 об. В большинстве арифметик второй половины XVII в. в разделах, посвященных измерению расстояний от Земли до других планет, отсчет ведется начиная с "далечайшей" от Земли планеты, известной в то время, - Сатурна (Арифм.[2], 5 об.). Тот же порядок сохранен в переводе труда Гевелия. Но: Чертеж свѣта по мнению Коперника: Солнце, Меркурий, Венера, Земля с Луною, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ. Острол., 2. Тогда же появляется сочетание нижние планеты, в котором отражен признак 'местоположение относительно Солнца': Марс ...возможет видимая быти роговаты или носаты обычаемъ иныхъ нижнихъ планет. Гевелий, 71 об. "Нижние планеты" Меркурий, Венера, Земля, Марс, по теории Я.Гевелия, отраженной в русском переводе, имели фазы. Парадигма слова планета в это время расширяется и за счет значения 'тело, не имеющее собственного свечения': Та планета аки бы тѣло темное своея светлости припущаетъ премѣнения. Гевелий, 72 об.

Другим общим названием планет, широко представленным в русских памятниках XI-XVII вв., было звезда. Основной признак наименования 'наличие сияния, блеска, свечения' выступает на первый план при противопоставлении лексем планита 'сфера' и звезда 'планета': И на первѣ планитѣ звѣзда Арѳрисъ, на второй планитѣ звѣзда Ермисъ, на третие планитѣ звѣзда Завесъ... на пятой планитѣ звѣзда Афродитъ... на шестой планитѣ звѣзда Кронъ. Козма Инд., 15 об. Он проявляется и при их синонимичном употреблении: Видѣхъ какое лице зде планета зримая в трубу имѣла... на сицевое лице звезды Марса взирахъ. Гевелий, 72; Арисъ есть звезда наричаема едина от седми планитъ. Алф.[1], 20. XVII в.

Представление о Луне как об одной из планет (в планитѣ Лунѣ - Астрон. нем., 237 об.) привело к переносу названия звезда на

это небесное тело: Луна есть того же числа со звездами. Геволий, 107 (при изложении учения Птоломея о планетах).

Лексема звезда 'планета' в сочетании с качественным прилагательным великий получает дополнительный признак 'величина', который отличает наблюдаемые невооруженным глазом планеты от "недвижимых звезд": Седмь великихъ звездъ иже и планидами наричаются. Арифм.[2], 53. Ср.о созвездиях Зодиака: Звании к великимъ звѣздам которыи... наричются именами животных. Астрол. ст.[1], 40 об.

Признаки 'величина', 'наличие свечения' подчеркиваются при переносе названия 'луна' на планеты: Есть на небѣ пять звѣздъ заблудныхъ еже именуются луны. Сии луны богъ положилъ не въ предѣлахъ яко же и прочии звѣзды, но обтекаютъ по всему небу. Ав. Ж., 4. 1673 г.

Совокупность признаков'наличие движения' и 'наличие свечения' проявляется и при калькировании греч. πλανητός . Разное количество планет зависит от включения или невключения разными авторами Солнца и Луны: Планиты зовемыя звѣзды яже ся зовутъ плавающая. Шестоднев. Ио. екз.[2], 118; Планетами звездословцы наричаютъ седмь звезд преходных. Алф.[1], 171; Под кругомъ зодейнымъ ходятъ седмь звездъ переходныхъ. Острол., 5 об.; Есть на небе пять звѣздъ заблудныхъ. Ав. Ж., 4; Планеты сиречь блудящие наривются. Дамаскин, 34; И солнцу звездами недвижимыми и подвизаемыми окрестъ ея [Земли] тещи кружениемъ. Зерц. вселен. № 6, 3.

О собственных названиях планет в русском языке, восходящих к именам греческих и римских богов, подробно говорится в книге Ю.А.Карпенко [6, с.74–84], мы опускаем эти материалы. Следует только уточнить, что латинские наименования пришли на Русь раньше, чем принято считать: через немецкое посредство в связи с переводом "Луцидариуса" в первой половине XVI в., одной из первых учебных книг, освещающих в числе других и вопросы астрономии. Для "Луцидариуса" и других переводных учебных книг характерен подбор разноязычных эквивалентов и калек как прием разъяснения смысла специальных названий: Прочии же пять текутъ со звѣздами. Едина глаголема Сатурнусъ гречески же Кронос... планита Венус гречески Афродитосъ як же есть вечерняя звезда... есть пятая планита именуема Марсъ гречески же Аррисъ... шестая планита есть Меркурикосъ по гречески Ермисъ, седмая планита Петеръ гречески же Зевесъ. Луцид., 55–56. XVII в. ~ XVI в.

Собственные имена планет имели лексические, морфологические и фонетические варианты, зафиксированные в памятниках русской письменности: Кронъ – Кроносъ – Сатурнъ – Сатурнусъ; Дия – Дий – Юпитеръ – Пеперъ – Иовишъ – Евишъ – Зевезъ – Зевес; Ярея – Аррѣсъ – Арисъ – Марсъ – Маршъ; Афродитъ – Венера, Венусъ – Афродития; Меркурий – Меркуриксъ – Меркуриушъ.

Собственно русские названия, встретившиеся в памятниках письменности изучаемого периода, распределяются по следующим подгруппам по способу номинации:

а) наименования, образованные от времени суток, когда можно было наблюдать планету, т.е. в результате метонимического (временно́го) переноса: Афродитию убо глютъ некогда Денницу нѣкогда Вечерницу. Дамаскин, 31 об.; Утренняя звезда [о Венере]. Гевелий, 74; Аррисъ... та есть утренняя звезда. Луцид., 55;

б) названия, восходящие к обозначениям живых существ, т.е. образованные в результате метафорического переноса: На пятомъ же убо поясе Дѣва [о Венере]. Астрол. ст.^{2}, 92 об.; На четвертомъ поясе Скорпия [о Марсе]. Там же;

в) названия, образованные с учетом свойств, качеств объектов, т.е. также путем метафоризации; например, Венеру именовали звезда Заря из αἰγλη, ἀκτίς 'блеск, сияние; жар' (Фасм.): Звѣзда Заря ходитъ передъ слнцемъ и бываетъ красна видомъ. Астрол. ст.^{2}, 92 об.; На третиемъ же убо поясе ходитъ звѣзда Заря предъ солнцемъ... Егда быти ведру и дождю... та звѣзда Заря въ вечерней зорѣ идетъ надъ солнцемъ блещется... а егда же звѣзда Заря румяна явится... знаменуетъ дождь или снѣгъ или мракъ. Астрол. ст.^{3}, 99–99 об.

Особое место среди названий планет занимает лексема земля из и.-е. *ksam 'низкий, расположенный внизу, земля' (Фасм.). В сочинениях астрономического или астрологического содержания она сохраняет в качестве основного семантический признак 'местоположение внизу', т.е. под "небесным сводом", что отражает воззрения древних [4, с.3–26]: Нѣции землю насредѣ мира полагаютъ недвижиму. Зерц. вселен. № 6, 3. Только со второй половины XVII в. в сочинениях, где излагается учение Коперника, это слово получает специальное значение 'планета', уточняется и ее положение относительно Солнца: Землю с прочими планитами окрестъ его [Солнца] теши... Землю... глаголютъ на третиемъ небеси. Зерц. вселен. № 31, 2 об.; У Коперника Земля въ еклектике окружий постановлена.

Гевелий, 150 об. При этом может реализовываться и дополнительный признак 'светящееся небесное тело, светило', свойственный лексеме планета в русском языке XI–XVII вв.: Земля... яже имъ свѣтило или планита якоже прочии. Зерц. вселен. № 31, 2 об.

Тематический ряд названий спутников планет начинает складываться в русском языке только с середины XVII в., что связано с распространением учения Коперника, согласно которому Луна – спутник Земли, а не отдельная планета: Землю... глаголютъ на третиемъ небеси купно с луною. Зерц. вселен. № 31, 2 об.; Земля ...кружецъ токмо одинъ лунный меншаишии с собою обращаетъ. Гевелий, 150 об. Специализацию значения 'спутник Земли' получила в данный период только лексема луна под влиянием латинских оригиналов сочинений, в которых излагались взгляды Коперника. Отметим, что в значении 'планета' могли употребляться лексемы луна и месяц *mēs < *mēns 'месяц, луна' (Фасм.): Седмой планиды мѣсионца. Арифм.[2], 5 об.; Во сколко дней Солнце съ мѣсяцемъ случается. Астрол. ст.[2], 194.

Возрастание влияния латинского на язык русской науки во второй половине XVII в. приводит к сужению употребления наименований фаз Луны, созданных по греческим образцам новомѣсячие, полномѣсячие, полмѣсячие, и функциональному расширению параллельных обозначений полнолуние, новолуние.

Наряду с названием Луны, естественного спутника Земли, в данный тематический ряд входили наименования четырех спутников Юпитера, открытых Галилео Галилеем в начале XVII в. Сведения о спутниках Юпитера из всей астрономической литературы XVII в. содержал только труд польского астронома Яна Гевелия, изданный в Гданьске в 1647 г. на латыни: **J. Hevelii, Selenographia sive** Lunae descriptio. Gedani , 1647. Латинский оригинал хранится в Музее книги ГБЛ, а рукописный перевод на русский язык – в библиотеке АН Литовской ССР. Проведенное сопоставление текстов перевода и оригинала показало, что названия спутников Юпитера заимствуются переводчиком из оригинала (имена собственные), калькируются с соответствующих латинских обозначений или создаются за счет семантической индукции исконных слов.

По способу наименования спутников Юпитера в переводе Селенографии Гевелия выделяется пять подгрупп. К первой относятся существительные, прямое значение которых связано с названием людей по их совместному движению или местонахождению. Эта семема

выступает как основная в специализированных лексемах оригинала и перевода: Иовѣша и его наследников (41 об.), лат. **Comites** [1] 'попутчик, спутник' [латинские формы взяты из оригинала труда Гевелия без изменений]; Разстояние тѣхъ спослѣдницъ иовешовскихъ товарищей (375), лат. **Satellites** 'провожатый, телохранитель; спутник'; Ради скорого тѣхъ сосѣдовъ иовѣшовскихъ надхождения (53 об.), лат. **Vicinіorum** 'соседи'.

Вторую группу составляют наименования спутников, образованные от названий орбит, по которым они движутся. В этом случае подчеркивается основной семантический признак 'движение спутников вокруг планеты, их положение на орбитах': О естествѣ и о истовстве окружителей Иовѣша (53 об.), лат. **Circulatorum circumlatis** 'носить кругом, обращать во все стороны; обносить; круговорот'. Ср.: Въ еклептике окружий (150 об.); Звезды окрест иовѣшовские (52); Ясные были окрестные Иовѣша (403 об.), лат. **Circumjovialis** 'вокруг, около Юпитера (Иовиша)'.

В третью группу включаются слова, образованные по аналогии с названиями спутника Земли, и как основной семантический признак выделяется 'местоположение вблизи планеты': На луну Иовѣша взирах (72), лат. **Lunae** ; Круга иовишова положение и движения показующий лун описание (375).

Представляет интерес попытка переводчика передать понятие 'маленькие луны', выраженное в оригинале словом **Lunulas** . Это понятие принципиально важно для ученого, который таким образом подчеркнул видимые при телескопическом наблюдении различия размеров планеты и ее спутников. Переводчик использует неологизм мѣсячки: Иовѣшь четыре сицевые мѣсячки... с собою обращати может (152 об.).

К четвертой группе можно отнести наименования спутников, образованные в результате переноса родовых или собственных названий планет, сочетающихся со словами планета, звезда: Двѣ техъ четырехъ планетъ иовѣшовых... видимы были (375), лат. **Planetis** ; Иовѣшовские звезды блудящие (63 об.), лат. **Planetis** . При таком переносе указывается местоположение спутников по отношению к Юпитеру, по аналогии с положением планет относительно Солнца: Далечайший от Иовѣша Сатурнус иовѣшовский (54 об.), лат. **Saturnus** ; Юпитер иовешовский (63 об.), лат. **Jupiter** ; Третия же есть Венус иовѣшовский (54 об.), лат. **Venus** ; Меркурии иовѣшовский (52), лат. **Mercurius** .

Пятую группу можно представить как образования, обладающие семой 'свечение': Звезды евишовы (402 об.), лат. Siderae ; Видѣхъ изображение иовѣшовскихъ звездъ (53), лат. Stellae ; Малые звездки иовешовские (71 об.), лат. Stellulas 'маленькие звезды, звездочки'; Тѣхъ меншихъ звездокъ (55), лат. Stellulas .

Анализ тематической группы названий небесных тел дает возможность установить некоторые общие черты и закономерности формирования специальных терминологических разрядов русской лексики, определить характерные признаки начального этапа формирования терминологий: многозначность специализированных наименований, их смысловую нерасчлененность, широкую вариативность.

Фактический материал дает основания говорить о второй половине XVII в. как об особом этапе становления русской астрономической терминологии, что связано как с появлением новых тематических рядов в анализируемой группе лексики, так и с переформированием рядов, традиционно включавшихся в ее состав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранкова Г.С. Астрономическая и географическая терминология в "Шестодневе" Иоанна экзарха Болгарского Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979, с.150-171.
2. Баранкова Г.С. О взаимоотношениях "Шестоднева" Иоанна экзарха Болгарского и "Толковой Палеи" (текстолого-лингвистический аспект) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982, с.262-277.
3. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
4. Бобынин В.В. Очерки истории развития физико-математических знаний в России, т.I, вып.2, М., 1893.
5. Будагов Р.А. История слов в истории общества. М., 1971.
6. Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. М., 1981.
7. Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой четверти XVIII века). М.: Л., 1964.
8. Лепская Н.И. К истории слова планета // Этимологические исследования по русскому языку, вып.5, М., МГУ, 1966, с.49-59.
9. Саблина Н.П. Из наблюдений над терминологической лексикой (на материале "Селенографии" Я.Гевелия) // Памятники русского

языка. Исследования и публикации. М., 1979, с.172-176.
10. Сахаровская М.И. Становление русской астрономической терминологии (XVI-XVII вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1985.
11. Сороколетов Ф.П. Особенности формирования специально-терминологических разрядов лексики в русском языке XI-XVII вв. // Вопросы семантики. Исследования по исторической семантике. Калининград, 1982, с.17-23.
12. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания, М., 1982.
13. Фомина Л.Ф. История русской астрономии (Названия созвездий). Автореф. канд. дисс., Одесса, 1981.

СЛОВАРИ

1. Брюкнер - **A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, wyd. 2. Warszawa, 1970.**
2. Сл. рус. яз. XI-XVII вв. - Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 1-10, М., 1975-1983.
3. Фасмер - М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп. О.Н.Трубачева, т.1-4, М., 1964-1973.
4. ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О.Н.Трубачева, вып. 1-11, М., 1974-1984.

Список сокращений

Арифм.[1] - Арифметика, ГПБ, Q IX, 46, сер. XVII в., л.1-222.

Арифм.[2] - Арифметика, ГПБ, Q IX, 50, XVII в., л.1-120 об.

Астрол. ст.[1] - Астрологические статьи. ГПБ, Q XVII, 283, XVII в., л.32-186.

Астрол. ст.[2] - Астрологические статьи. ГПБ, Q XVII, 133, XVII в., л.1-222.

Астрол. ст.[3] - Астрологические статьи. ГПБ, Погод. собр., 1561, XVII в., л.88-109.

Астрол. ст.[4] - Астрологические статьи. ГПБ, Q XVII, 56, XVII в., л.1-26.

Астрон. нем. - Из астрономии с немецких переводов. ГПБ, Q XVII, 283, XVII в., л.216-239.

Бѣги небесн. - Бѣги небесные. ГБЛ, Муз. собр., 1557, XVII в., л.1-105.

Гевелий - Иоанн Гевелий. Селенография. Пер. с лат. Б-ка АН Литовской ССР. 7.19.318, 1679 г., л.1-408.

Дамаскин - Богословие Иоанна Дамаскина. ГБЛ, Муз. собр. 193, XVI в., л.2-283 (перевод А.Курбского).

Зерц. вселен. – Зерцало вселенныя. ГПБ, Q XVII, № 6, XVII в., л.3-4 об.; ГПБ, Q XVII, № 31, XVII в., л.2 об.-4.

Курб. Прим. – Примечания А.Курбского к переводу творений Ио. Дамаскина. – В кн.: Архангельский А.С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI-XVII вв. Приложение II. М., 1888, с.88-154.

О компасе – О компасе корабельном. ГПБ, ОЛДП, 427, к.XVII-н.XVIII вв., л.105-111.

Острол. – Острология солнечному, лунному и звездному течению. ГПБ, Q XVII, 117, XVII в., л.1-130.

Планидник – Планидникъ или календарь мѣсячный, ГПБ, Q XVII, 27, к. XVII в., л.157-162.

В.Я.Дерягин

ДРЕВНЕЙШИЕ ТЕРМИНЫ РУССКОГО ПРАВА

Древнерусская юридическая терминология уже полтора столетия привлекает пристальное внимание исследователей. К настоящему времени изданы и прокомментированы в историческом и историко-правовом отношениях практически все основные памятники древнерусского права. Специальных лингвистических исследований в этой области также опубликовано немало. Большой новый фактический материал содержится в издающемся Словаре русского языка XI-XVII вв. Недостает специального сводного словаря терминов древнерусского права, который можно составить по имеющимся изданиям и исследованиям. Необходимость выполнения такого труда очевидна.

В исторической лексикологии русского языка этот пласт словарного состава должен быть рассмотрен подробно, главным образом, из-за особой общественно-исторической значимости соответствующих понятий. Это обстоятельство диктует необходимость внимательного отношения к хронологическим аспектам исследования и к семантике терминов. Исторически состав юридической терминологии менялся, не оставались неизменными и значения отдельных терминов, причем в определенные периоды истории темпы таких изменений были довольно высокими. На всех этапах развития (по крайней мере до XVII в. включительно) можно предположить существование территориального варьирования терминов. Процессы, отмеченные для XV-XVII

вв. [1], дают основание предполагать, что территориальные различия существовали и в ранние периоды истории русского языка.

В прарусском лексическом фонде, с которого Ф.П.Филин совершенно справедливо предложил начать общий очерк исторической лексикологии русского языка [2], уже имелся большой круг терминов, образованных от основ *dan-, *klad-, *prav-, *rędˀ-, * sud -, *zakon-, *ustav- и др. В русском языке все слова с этими корнями исконные. Терминологизация их происходила в разное время. Некоторые из них, если и не стали терминами права еще в праславянском, то по крайней мере в своей семантике уже тогда имели отчетливые потенции параллельного семантического развития и терминологизации.

Материалы ЭССЯ отражают, например, семантическое различие праславянских образований от *da-n-, с одной стороны, и от *da-r-, с другой. Значения "дань", "подать", "налог" (даяние принудительное) и связанные с ними имеют праславянские *danina , *danьkъ , *danь , *danьje , *danьnikъ , *danьnъjь ; значения "дар", "милость", "пожалование" (даяние добровольное и безвозмездное) и связанные с ними – *dara , *darežьnъ͡(jь), *darina, *daritelь , * dariti, * darovati, *darovitъ͡(jь), * darъ, *darьba , *darьje, * darьmo, * darьmojědъ, *darьnъ͡(jь) (ЭССЯ). Принадлежность того или иного конкретного термина к прарусскому лексическому фонду доказывается сравнительным анализом славянского лексического материала. Показания древнерусских письменных памятников играют при этом роль вспомогательную.

Из приведенного нами по материалам ЭССЯ первого списка только дань фиксируется самыми ранними памятниками письменности различных жанров; данина, данникъ и данный попадают в памятники не ранее XI–XУ вв., дание в значении терминологическом – лишь в XУП в., данокъ (данъкъ) в памятниках XI–XУП вв. не отмечено. В разное время уже в древнерусский период и позже в круг терминов входят слова, производные от дань: данничь прил. к данникъ отмечено с начала XIУ в.; данский – с XУ в.; данщикъ – с XIУ–XУ вв. Искусственное книжное образование даноплатець из раннего переводного памятника (Хрон. Г. Амарт., 375. XI–XIУ вв. XI в.) не может быть квалифицировано как термин древнерусского права. Однако возможность употребления в переводе такого слова служит подтверждением активности терминов, производных от дань. Среди других производных от праславянского глагола *dati также много древних юридических терминов, о чем свидетельствуют материалы

этимологических и исторических словарей.

Этот кратко изложенный здесь пример показывает необходимость в исторической лексикологии увязывать между собой рассмотрение различных лексических групп. В данном случае речь шла о связи анализа лексики по тематическим и корневым группам, но необходимо обратить внимание и на иные системные связи.

В договоре Олега с греками 907 г. (его, вслед за А.А.Шахматовым, современные исследователи считают частью договора 911 г.) имеются термины дань и укладъ (в форме уклады во всех списках, кроме Радзив. лет., где ошибочно углады): Олегъ же мало отступи от град, нача миръ творити со црьми Грецкима... гл҃я: имите ми с〈я〉 по дан〈ь〉... и заповѣда Олег дат〈и〉 воем на ѫ҃ корабль по в҃і гривен на ключ, и потом даяти углады [в Троицк. сп. - пояти уклады] на Рускыа град: первое на Киевъ, таж на Чернигов (и) на Переаславль (и) на Полтѣскъ (и) на Ростов (и) на Любеч и на прочаа город. Радзив. лет., 15 об.

А.А.Зимин так переводил фразу с термином уклады: "И потом давать содержание прибывающим из русских городов" [3, с.65]. С этим толкованием нельзя согласиться, так как следующая статья договора специально говорит о "прибывающих" и об их "содержании": Да приходячи Рус〈ь〉 слюбное [в др. сп. - слебное] емлют елико хотячи а иж прих҃дчи гости егда емлют мѣсячину на с҃ мсць...

Д.С.Лихачев переводит иначе: "А затем дать дань для русских городов..." [4, с.45]. Но полное отождествление терминов дань и укладъ также едва ли может быть принято. Б.А.Ларин не толковал специально эту фразу, но имея в виду общий смысл договоров 907-911 и 944 гг., заключенных после удачных походов русских князей на Византию, говорил о "контрибуциях", которые платила Византия [5, с.36]. Это объяснение более всего подходит к употреблению слова в данном контексте. Дань и у҃ладъ, не совпадая в значениях полностью, были, по всей видимости, синонимами.

Синонимичность древних терминов дань и укладъ подтверждается и более поздними фактами истории тематической группы слов. В качестве параллельных образований и синонимических терминов можно рассматривать сочетания данные люди и кладежные люди: А людей нас лопарей въ трехъ погостахъ данныхъ, опричь старыхъ и малыхъ, 59 человѣкъ. ДАИ Х҃І, 2. 1684 г.; Да и в-ных дѣлех во всяких на гостѣи и на черных людеи, оприч(ь) кладежных людеи старых, кои послов кормят в Переславли (пристава дастъ и судитъ мои) немѣ-

стник, великаг(о) кн(я)зя. Дух. и дог. гр., 335. 1496 г. То же с терминами данникъ и кладникъ (Сл РЯ XI-XVII вв.).

Древность термина укладъ подтверждается словоупотреблением Русской Правды. В той части ее пространной редакции, которую историки права считают восходящей к "законам Ярослава", находим термин накладъ (наклады), толкуемый обычно как "надбавка"; в ст. 74 - надбавка к штрафу, пошлине в пользу княжих людей "за выполнение судебных функций" [3, с.168, 171]. В статьях, посвященных специально дикой вире (плате общины за чужую вину), причем только в них, участие члена общины в общем платеже обозначается словами прикладывати, прикладная: Будеть ли головник их в верви, то зане к ним прикладываеть, того же деля им помагати головнику; но оже будеть убил или в сваде или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладываеть вирою; а се покони вирнии были при Ярославе... ·I· кун прикладная [вар. перекладная]. Правда Рус. (пр.), 104. 1282 г. ~ XII в.

Словоупотребление Русской Правды, памятника сложного, отражает целый ряд этапов развития древнерусской юридической терминологии. Б.А.Ларин продемонстрировал значение текстологического анализа этого памятника (с разделением и сопоставлением различных редакций и частей текстов) для решения сложных вопросов происхождения и истории древнерусского литературного языка, начиная от периода дописьменного [5, с.30 и след.].

Текст Русской Правды демонстрирует рано сложившееся взаимодействие глаголов класти - положити: в точном соответствии с древностью юридических терминов с корнем -клад- в древнейших статьях краткой и пространной редакций употребляется глагол положити (ст. 1, 9, 12, 40 краткой редакции и только статья 1 пространной): ·м· гривен положити за нь. Правда Рус. (кр.), 70. XIIв. ~ XI в. В более поздних формулировках - только платити.

Специалист по исторической лексикологии может извлечь важные данные из памятника, подвергшегося редактированию и переделкам, так как изменение содержания текста не обязательно сопровождается модернизацией всего словоупотребления. Ст. 1 пространной редакции отличается от ст. 1 краткой редакции по содержанию, но глагол положити при этом сохранен. Добавим, что в ст. 2 пространной редакции, говорящей об отмене кровной мести ярославичами, значение "отменить" обозначается глаголом отложити: По Ярославе же паки совкупившеся сынове его Изяслав, Святослав, Всево-

лод и мужи их Коснячько Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати. Правда Рус. (пр.), 104. XIУ в.– XII в.

В "Повести временных лет", в записи, содержащей сообщение об установлении Владимиром церковной десятины, находим именно глагол положити: (996): И помолившюся ему рекъ сице: Даю цркви сеи стѣи Бци от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть. И положи, написавъ клятву въ цркви сеи. Лавр. лет., 124. Может быть, летописец пользовался здесь текстом церковного Устава Владимира или грамоты, если принять точку зрения И.И.Срезневского и С.В.Юшкова о "подтвердительной" грамоте Владимира [8, с.95; 9, с.134], и форма положи принадлежала этому тексту.

При изучении истории древнейших правовых терминов надо учитывать их применение в составе юридических формул. В этом смысле важно обратить внимание на показание Троицкого списка, в котором было представлено сочетание дояти уклады; здесь же при упоминании буквально всех видов поборов использованы сочетания, имеющие характер ранних юридических формул: имите ми ся по дань; слюбное (слебное) емлют; емлют месячину; емлют... (на путь) брашно и як<о>ри и ужа и парусы; да не взимают мѣсячины; возмуть мѣсчинное. Образования от глагола *imati использовались в качестве юридических терминов уже в прарусском [6].

Термины с корнем *ber-/*bor- вошли в употребление гораздо позже: поборъ – не ранее XIII в. (примеры см. у Срезневского); боръ, черный боръ иллюстрируются в СлРЯ XI–XVII вв. исключительно примерами XIУ–XУI вв., относящимися к Новгородской земле; берь – локальное образование, отмеченное только на Ваге в XVII в., выступающее здесь как синоним к общеупотребительному термину поклад [7, с.23–24].

В сложных семантических отношениях в древнейших юридических памятниках находятся термины правьда, рядъ (и производные), судъ, законъ (и поконъ), уставъ. Едва ли можно ограничиться указанием на их синонимичность в договорах X в. и в Русской Правде.

Большинство этих слов многозначно в древнерусском, они могут свободно заменять друг друга в сходных контекстах, выступать в параллельных конструкциях, буквально перекрещиваться в употреблении. Для истории этой тематической группы важно разграничить семантику терминов, указать причины смысловых схождений и тождественных употреблений, с которыми мы часто сталкиваемся в текстах,

в том числе в списках, редакциях одних и тех же памятников.

Этимологические соображения заставляют обратиться прежде всего к словам судъ, судити. Ранняя их терминологизация подтверждается семантикой индоевропейских соответствий. Славянскому *sǫdъ (а это прозрачное и.-е. сложение *som- + *dhē- "совместное дело"), а греч. и др.-инд. соответствуют слова со значением "договор, соглашение"; в балтийских - с дальнейшей, типологически обычной специализацией - "наем, аренда" (как у слав. *red- > рус. рядъ, рядити, порядъ, подрядъ, см. ниже) (Фасм.). В специальных, терминологических значениях судъ, судити применяются буквально во всех древнейших русских юридических памятниках. Обратим внимание на сочетания с этими словами: в большинстве своем это сложившиеся правовые формулы, в употребительности которых в обычном дописьменном праве не приходится сомневаться. Использование этих формул уже в готовом виде в переводных славянских текстах, богослужебных в особенности, вполне естественно.

В договоре 911 г. находим формулу-словосочетание право судити: Многажды право судихомъ не [по вар.] просто словесы и писаниемъ и клятвою твердою кленшес оружьем своим. Радзив. лет., 16 об.-17. Невозможно усомниться в употребительности этого сочетания. Только у Срезневского с толкованием право 'справедливо' приводятся примеры: Правъ судилъ еси (ὀρθῶς). (Лук. XI, 43) Остр. ев., 223. 1057 г.; Аште въ истину убо правьду глете, право судите, снове чл҃чи (εὐθεῖα). Панд. Ант., 159. XI в.; А знаетъ Петръ митополитъ в правду и право судитъ и управляетъ люди своя в правду. Ярл. Узб. 1315 г. Сочетаются многочисленные образования с корнями прав- и суд- в разнообразных текстах: И судъ мои правьдьнъ есть (καὶ ἡ κρίσις ἡ ἐμὴ δικαία). (Ио. V, 30) Остр. ев., 14 ; (862): Поищем собе князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Лавр. лет., 19. То же и в других списках Повести временных лет. Картотека ДРС располагает значительным количеством подобного рода примеров из памятников различных жанров, в том числе древнейших. Сложилось очень рано и устойчиво сохраняется в юридических текстах и общелитературном языке противопоставление судъ правыи, правьдьныи - судъ неправыи, неправьдьныи: Неправьдьнымъ судъмъ правьдьнику осужену. Стихирарь, 12 об. XII в.; О неправом судѣ - так назван раздел в Судебнике Ивана III (89. XVI в. ↪1497 г.) и т.д.

Можно предположить определительный характер всех первона-

чальных сочетаний *sǫd- + *prav-. Синонимизация слов судъ и правьда, судити и правити произошла вследствие постоянного применения их в составе устойчивых словосочетаний-формул. Для истории древнейших правовых терминов важно решить вопрос о семантике слов, синонимизированных в заголовке пространной редакции Русской Правды. В то время как в краткой редакции только Правда роськая, Правда руская, в пространной - Суд Ярославль Вол(о)димѢричь. Правда руськая; ср. в тексте пространной редакции: Ты же тяже все судять послухи свободными; будеть ли послух холоп, то холопу на правду не вылазить (106). Срезневский толкует слово правда в этом примере как 'суд'. То же и в другой статье: Искавше ли послуха и не налѢзуть, а истьца начьнеть головою клепати, то ти имъ правьду [вар. исправу] желѢзо (105). Являются ли здесь термины судъ и правьда абсолютными синонимами, или оттенок значения "справедливый суд" обязательно присутствует у слова правьда? Может быть, определенные семантические различия все же связаны с применением этих слов в памятниках различных жанров: в одних текстах (собственно юридических) значение их совпадает, в других - различается? Ср., наряду с приведенными примерами из евангельского текста, еще такой: НѢсть творящаго суда и правьды (δικαιοσύνη). Гр. Наз., 314. XI в. Решение этого второго вопроса возможно при рассмотрении более разнообразного материала; заметим только, что Срезневский справедливо толкует правити как "судить" в цитате 1148 г.: А то би правити. Ипат. лет., 364. Важнее для нашей темы сейчас выяснить причины имеющей место синонимизации судъ - правьда, судити - правити в древнерусских текстах XI-XII вв.

К числу древнейших юридических формул относится тавтологическое сочетание судъ (суды) судити. Его находим в церковном Уставе Владимира. С.В.Юшков, реконструировавший текст "подтвердительной" грамоты Владимира, это сочетание-формулу сохраняет [9, с.134]. С этим можно согласиться, сравнив списки по новейшей публикации Я.Н.Щапова [10]. В списке XV в.: Не подобает сих судовъ судити ц(а)рю, и князем, и боляром, и всим, иже сут(ь) миряне, не въступатися в люди ц(е)рковныа. Княж. уставы, 21. И сиа суды по всему хр(и)стианству, и град(о)мъ, и свободамъ судит(и) с(вя)т(ите)лемъ: роспусть, смилное, заставное. Там же. В пространной редакции Русской Правды формула судом судити применена в первой части ст. 88 "О жене", которую комментаторы относят ко

времени более раннему, чем полный ее текст: Аже кто убиеть жену, то тѣм же судомь судити (114). В дальнейшем в юридических текстах она применяется постоянно: А посаднику судити судъ свой с намѣстники великого князя по старинѣ; а безъ намѣстниковъ великого князя посаднику суда не кончати. ААЭ I, 69. 1471 г.; Судити судъ бояромъ и околничимъ. Суд. Ив. III, 83. XVI в.~1497 г.; А кнѧзю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудит. Псков. суд. гр., 8 об. XVI в.~XV в.

В Синодальном изводе Устава Владимира, представленном древнейшим списком XIV в., находим и тавтологическое сочетание управити правила: Кто преступить си правила, яко же есмы управили по с(вя)т(ы)хъ о(те)ць правиломъ и по пьрвыхъ ц(а)р(е)въ управленью, кто иметь преступати правила си, или дѣти мои, или правнучата, или в которомь городѣ намѣстникъ, или тиунъ, или судья, а пообидять судъ ц(е)рк(о)вныи, или кто иныи, да будуть прокляти. Княж. уставы, 24. В качестве синонимического сочетания можно рассматривать внутренний заголовок краткой редакции Русской Правды: Правда установлена Руськои земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ. Правда Рус. (кр.), 71; ср.: (1059): Преставися князь Ярослав, иже Правду устави судебник. Псков. лет. II, 76.

Очевидно, среди древнейших юридических формул немало было сочетаний тавтологического характера. В Волынской редакции Устава Владимира - уставъ уставити: Аще кто приобидить нашь уставь, како же уставиша с(вя)тии о(т)ци, таковым непрощеным быти от закона б(о)жия, горе собѣ наслѣдують. Княж. уставы, 71. Способ словесного и семантического повтора (семантическое усиление) был, вероятно, важнейшим способом образования юридических формул в древности. А так как круг слов, вовлекавшихся в формулы, был сравнительно ограниченным, появление синонимических отношений здесь вполне закономерно. В целом на семантическую историю этой группы слов в той или иной степени оказало влияние применение их в составе юридических формул. При этом следует учитывать подвижность состава формул и самого их набора. Возможно, с этим связано и появление новых значений у тех или иных слов, и устаревание их, отмирание.

Глагол правити, по сравнению с судити, более многозначен в древнерусском языке. На протяжении всего исторического периода

устойчиво сохраняются до настоящего времени значения 'направлять' и 'управлять', близкие к этимологическим (см. прим. О.Н. Трубачева к ст. правый: Фасм. II, 352): Кончакъ ему слѣд править къ Дону Великому. Сл. о п. Иг., 11; Яко бо... гребци в корабли единоумни будут то легко кормнику правити корабль. Изм., 97 об. XVI в. ~ XIV в.; Самъ же Изяславъ кънязь правляаше столъ оца своего Ярослава КиевѢ, а брата своего столъ поручи правити близоку своему Остромиру НовѢгородѢ. (Запись писца) Остр. ев., 294 об. Наряду с этим, имело место употребление глагола в значении 'разбирать тяжбу': Аже будѣть смолнянину немьчичь дължънъ въ РизѢ или на Гътьскомь берѣзѣ, правити ему поемъши дѣтьскыи у судье. Смол. гр., 12. 1223-1225 гг. Частное толкование "приводить в исполнение приговор суда" дает Срезневский к след. примеру: Оже родится тяжа в НѢмцехъ новгородцю, любо нѣмчину НовѢгородѢ, то рубежа не творити, на другое лѣто жаловати; оже не правять, то, князю явя и людемъ, взяти свое у гости, оже тяжа родится в НовѢгородѢ. Гр. Новг. и Псков., 56, ок. 1189-1199 гг.

Несомненны формулы правити судъ и правити рядъ: О томь, яко не подобаеть градьскому властелю церковьнаго имѣния искати, ни суда церковнаго правити. Ряз. корм., 218. 1284 г.; (1206): И оттолѣ приде в свою обитѣль, и мужи новгородьскыѣ учредивъ, отпусти ихъ с чѣстью; и потомь поча ряды правити. Лавр. лет., 423. Тавтологическое сочетание, возможно, тоже формула правежь правити: А будетъ правежь на монастырскомъ человѣцѣ, ино правитъ архимандричь приставъ. ААЭ I, 14. 1410-1417 гг.

Как термин судъ, так и термин правда в течение определенного времени употреблялись в значении "устав, свод законов": (1473): Тоя же зимы приехавъ князь Ярославъ Васильевичь на княжение... А в неделю... крестъ поцелова на вече къ Пскову на суду и на пошлинных грамотах и на всѣх старинах псковскых. Псков. лет. II, 192; Судити имъ у кнѣза на сѣнехъ, взираа въ правду по крѣстному цѣлованью. Псков. суд. гр., 1. Однако следующие примеры говорят об устаревании этих значений: И на коемждо сихъ вселенъскихъ сборъ о вѣрѣ взискание и съвопрошание бысть и судъ рекше уставъ заповѣдемъ, и правиломъ изложенъ бысть. Корм. Балаш., 5. XVI в.; (1059): Преставися князь Ярослав, иже Правду устави судебник. Псков. лет. II, 76. В XV в., видимо, происходят значительные изменения и в составе юридической терминологии, и в составе юридических формул. Не останавливаясь подробно на поздней истории

этих терминов и формул, укажем только еще одну древнюю формулу Русской Правды с термином правьда - дати правьду: Аже закуп бежить от господы, то обель; идеть ли искать кун, а явлено ходить, или ко князю или к судиям бежить обиды деля своего господина, то про то не роб(от)ять его, но дати ему правду. Правда Рус. (пр.), 116. Срезневский толкует формулу 'удовлетворить судом'.

Путь, который прошли слова *sadъ , *saditi в праславянском, термины рядъ, рядити, урядъ и др. проходили в прарусском. Значение 'договор' слова рядъ не имеет соответствий в южно- и западнославянских языках. В самых старших русских юридических памятниках термины рядъ, урядъ, порядъ применяются очень активно. В договоре 911 г.: Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити ряд межю Рус⟨ью⟩ и греки. Радзив. лет., 16 об.; Послании ж Олгом посли приидоша ко Олгови и поведаша вся рѣч обою ч҃рю како сотвориша миръ и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою. Там же, 16 об., 19. Здесь несомненно урядъ положити - формула. Ее же находим и вне юридического текста: (1096): Яко то есть старѣишеи град въ земли во всеи Кыевъ, ту достоино снятися и порядъ положити [вар. урядъ, врядъ]. Лавр. лет., 230.

Показательно сравнение сходных по содержанию статей о наследовании договора 911 г. и Русской Правды: Аще кто умреть не уря(ди)въ своег⟨о⟩ имѣнья, ци своих не имать, да възратит имѣние к малым ближикам в Рус⟨ь⟩. Аще л⟨и⟩ сотворить обряжение, таковыи возьметь уряженое ег⟨о⟩. Радзив. лет., 18; Аже кто умирая разделить дом свои детем, на том же стояти; паки ли без ряду умреть, тъ все дѣтемъ, а на самого часть дати души. Правда Рус. (пр.), 114. А.А.Зимин, комментируя эту статью, пишет: "Ряд - в данном случае завещание. Однако этот термин означает в Русской Правде разного рода соглашения - договор о вступлении в зависимые отношения (ср. термин "рядович" в ст. 75 Пр. Пр. и [рядовник] 14 Кр. Пр.), в том числе при женитьбе на рабе и поступлении в тиуны (ст. 110 Пр. Пр.), оформлении отношений опеки (ст. 99) и др. Древнейшие, дошедшие до нас "рядные грамоты" (Двинские, Новгородско-Псковские) представляют собою наиболее архаический вид подобных актов, из которого позднее выделились мировые, свадебные (рядные), порядные всех родов и др." [3, с.180]. В документах так называемого частного права термины рядная - порядная - подрядная, рядити - порядити - подрядити были в активном употреблении до конца XVII в.

Термины ряд и уряжение находим в уставах Владимира и Ярослава. Например, в формуле: А кто уставление мое порушает(ь) или с(н)н(о)ве мои или внуци мои, или правнуци мои, или от рода моего, или от б ир кто, а порушаеть ми рядъ, или уступятся в суды митрополичи, что есми далъ митрополиту и еп(и)с(ко)пом, по правилоⷨ с(вя)тых о(те)ць, судивше казнити по закону. Княж. уставы, 45. XV в.~XII в. В списках постоянно заменяют друг друга слова уставъ - уставление - урядъ, ряд - уряжение. И здесь же в качестве варианта - законъ.

Формула рядъ порушити была употребительной: (1288): Не могу порушити ряду, что есмь докончалъ с братомъ своимъ Мьстиславомъ. Иат. лет., 911. Примечательно, что с точки зрения этимологической формула представляет собой полный словесный повтор [11, с.41].

Наконец, древнейшие формулы имеют в своем составе термин законъ. Терминологизация этого слова, как и слова судъ, произошла, безусловно еще в праславянском. Применяется формула по закону (нашему, русскому, греческому) как в договорах 907-911 и 944 гг., так и в уставах Владимира и Ярослава: А Олга водивше на роту и муж ег〈о〉 по Рускому закону, кляшася оруж〈ь〉емъ своим и Перуном бгомъ своим и Волосомъ скот〈ь〉емъ бгомъ. Радзив. лет., 16. Расширение формулы "по закону Гречьскому (и) по уста(в)у и по закону Рускому" в договоре 944 г. некоторые исследователи рассматривают как противопоставление закона 'обычая' и устава 'писаного закона' [3, с.105]. Б.А.Ларин считал в целом применение этой формулы достаточным доказательством существования в X в. письменного кодекса [2, с.30].

Таким образом, многозначность и синонимия древнейших терминов русского права уходит своими корнями в глубокую дописьменную древность. Видеть в любой византийско-славянской параллели заимствование из греческого или старославянского языков эпохи начала славянской письменности, как это часто делалось при рассмотрении, например, языка договоров X в., - значит искажать историческую перспективу. Параллелизм и общность - связи эти значительно старше. В последнее время исследователи обращают внимание, например, на древние латино-славянские параллели, в том числе в интересующем нас пласте лексики. В.Порциг отмечал очень старое схождение лат. hospes , hospitis и слав. gospodь [12, с.198]. О.Н.Трубачев указал в качестве "древнейшей правовой конструкции-

формулы" выражение вѣно дати "уплатить, дать выкуп, выкупить", соотносимое с лат. venum dare > vendere "продавать" [13, с.5 и след.].

Для исторической лексикологии важно, что в качестве древнейших терминов права использовались общеупотребительные слова. Способами терминологизации было применение их в соответствующих по содержанию контекстах, но, видимо, даже более - в юридических формулах. Распространенным видом таких формул были словосочетания тавтологического характера, влиявшие и на семантику слов, применявшихся в формулах. Варьирование формул заставляет лексиколога обращаться не только к рассмотрению терминов внутри тематической (лексико-семантической) группы, но и к анализу других лексических групп: корневых групп, синонимических рядов и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дерягин В.Я. О местных вариантах русской деловой речи XУ-XУП вв. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1980, т.XXXIX, № 5.
2. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. Проспект. М., 1984.
3. Памятники русского права. Вып.1. М., 1962, с.65.
4. Памятники литературы Древней Руси. XI-начало XII века. М., 1978.
5. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X-середина XУП в.). М., 1975.
6. Дерягин В.Я. Прарусский лексический фонд и задачи исторической лексикологии русского языка Русская региональная лексика XI-XУП вв.-М., 1987. С. 29-37.
7. Дерягин В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важские порядные XУI-XУП вв.) // Источники по истории русского языка. М., 1976.
8. Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI-XIУ вв. СПб., 1885.
9. Юшков С.В. Исследования по истории русского права, вып.1. Л., 1925.
10. Древнерусские княжеские уставы XI-XУ вв. Изд. подготовил Я.Н.Щапов. М., 1976.
11. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. XI. Континуанты *rǫd- (к *rędz-) // Этимология. 1980, М.,

1982.
12. Порциг В. Членение индоевропейской языковой общности. М., 1964.
13. Трубачев О.Н. Несколько древних латинско-славянских параллелей // Этимология. 1973. М., 1975.

М.Н.Полынская

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ МЕХОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале таможенных книг XVII в.)

Актуальность изучения вопросов, связанных с историей терминологии наименований мехов в русском языке определена не только той существенной ролью, которую играли меха в экономике и быте Русского государства, но и фактом широкого распространения мехов на европейских пушных рынках. Это привело к тому, что "славянские названия белки и куницы (veverе , κανυάκη) проникли еще до нашей эры в латинский и греческий языки" [1, с.250], а "в начале XV века на пушном рынке в Ганзе для названия разных сортов меха употреблялись преимущественно славянские слова" [2, с.68].

Тематическая группа наименований мехов в истории русского языка почти не была объектом исследования, за исключением нескольких работ, в которых главная роль принадлежит определению семантического содержания отдельных фиксируемых единиц [2, 3, 4, 5].

В настоящей статье предпринимается попытка дать системный анализ лексического состава данной тематической группы. Основным источником явились таможенные книги XVII века [6, 7, 8], в качестве дополнительных привлекались материалы Картотеки ДРС. В задачу статьи входит краткий анализ словообразовательных моделей в данной тематической группе, определение общего перечня наименований мехов, представленных в таможенных книгах и обозначение системы признаков, по которым шла дифференциация меховых наименований.

В славянских языках, где названия мехов генетически соотносимы с названиями соответствующих пушных зверей, существует четыре словообразовательных модели, посредством которых в составе данной тематической группы образованы лексемы. Во-первых, посредством семантической трансформации мотивирующего названия пушного зверя; так, например, в русском и украинском языках слово бобер (бобр) обозначает и животное, и мех. Во-вторых, - по-

средством суффиксов -in- и -ovin-, что имеет место в сербско-хорватском и чешском языках: добр по-сербохорватски дабар, а его мех, соответственно, дабровина; в чешском языке от наименований животных bobr и vydra образованы названия мехов bobrovina и vydrina. В-третьих, посредством образования формы множественного числа от мотивирующего названия пушного зверя, как, например, в польском языке (wydra - wydry, gronostaj - gronostaje); и в-четвертых, посредством образования составного описательного наименования, что имеет место в сербохорватском и болгарском языках, где мех белки называется крзно веверице (сербохорв.) и кожа от катерица (болг.).

В древнерусском языке была широко представлена первая модель - образование названия меха посредством семантической трансформации мотивирующего названия пушного зверя. Она, по данным Г.Н.Лукиной [4, с.63], имеет место в таких лексемах, как бобрь, бѣла, бѣлка, вълкъ, куна, куница, лисица, пьсьць. Менее широко в древнерусском языке была представлена модель образования названия меха пушного зверя посредством суффикса -ин- (медвѣдина, овьчина). К суффиксальной модели, по-видимому, следует отнести и представленное в древнерусском языке существительное медвѣдьна в значении 'мех, шкура медведя', которое по своему происхождению является результатом субстантивации краткого прилагательного.

В древнерусском языке наименования мехов, образованные посредством использования формы множественного числа от мотивирующего названия пушного зверя так же, как и в старорусском языке, являются синтаксически связанными и употребляются, как правило, в форме предложно-падежных конструкций и в форме творительного падежа в приглагольных сочетаниях. (1160): И дарове мнози да ос Ростиславъ Стославу соболми и горностаими и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы. Ипат. лет., 504

Модель образования названия меха посредством составного описательного наименования в древнерусском языке почти не представлена: существительное скора в значении 'мех', по данным Картотеки ДРС и Словаря И.И.Срезневского, употребляется всегда без определений, указывающих на сорт меха. Мы располагаем единственным примером XI в., иллюстрирующим названную модель: "Ходиша въ овьчах и козьахъ кожахъ". Панд. Ант., 35.

В старорусском языке, как свидетельствуют данные таможенных книг XVII в., имеют место все перечисленные выше модели. Первая

модель: 50 лисиц. Там. кн. I, 26; 30 бобров карих и рыжих. Там. кн. Моск. II, 38. Вторая модель: овчина. Там. кн. I, 11; Там. кн. Моск. II, 41 и др.; медведина. Там. кн. II, 70; Там. кн. Тихв. м., № 1265, 7 об.; заячина. Там. кн. I, 96-97, 221, 528 и др. Третья модель: шубка кидлячная на заицахъ. АЮБ I, 57-58; епанечка на заицахъ. Там же, III, 264. Четвертая модель: меха бельи хребтовые, мех чоревьй белей, два меха чоревьи таушканьи. Там. кн. III, 229; мех заячинной, мех же векошей. Там же, 277.

Как видим, вторая модель в старорусском языке, по сравнению с древнерусским, пополняется лексемой заячина. Первая фиксация ее в значении 'мех зайца' относится, по данным Картотеки ДРС, к XVI в.: А грабежу взяли изъ лодьѣ... 3 якоря, да 4 сороки заечинъ, да 10 выдеръ, да 6 лисицъ. Ревел. а., № 36. Существительное заячина могло также иметь значение 'мясо зайца, зайчатина'. Это значение зафиксировано гораздо раньше: (986): И рече Володимеръ: что есть законъ вашъ? Они же рѣша: обрѣзатися, свинины не ясти, ни заечины, суботу хранити. Соф. I лет., 50.

В ранний период в тематической группе наименований мехов имела место эволюция значения от конкретного к абстрактному: название пушного зверя переносилось на его мех, затем на особую денежную единицу, поскольку меха были долгое время денежным эквивалентом, и, наконец, приобретало абстрактное значение 'деньги' [4, с.68]. К XVII в. полисемия в данной тематической группе была утрачена. Сохранилась семантическая двузначность, когда одна и та же лексема имеет значение и 'пушной зверь' и 'мех пушного зверя'. В таможенных книгах XVII в. представлено только второе значение, поскольку не сами животные, а их мех были предметом купли-продажи.

Нами рассмотрены следующие наименования мехов, предоставленных в таможенных книгах: барсук, белка, бобр, волк, выдра, песец, горностай, заяц, кошка, куница, ласка, лисица, медведь, росомаха, рысь, соболь, хорек. В зависимости от структуры все наименования делим на две группы. Первая включает общие названия меха по виду животного, не содержащие специальных уточнений: Явил Чаронские округи деревни Дурскова Евтифей Марков... 4 сорока горносталей, 600 белки. Там. кн. Моск. II, 35; Явил саранской татарин Алкай Ишеев... 100 горносталей, 4 опойка, 20 заячин, 100 ласток, 800 белки... 17 хорков. Там. кн. Моск. I, 62. Ко второй относим названия меха, содержащие специальные уточнения, которые

указывают на целый ряд дополнительных признаков: цвет меха, возраст, время и место добычи животного, степень обработки и целости шкуры, указание на часть тела животного, с которой взят мех. Одни из этих названий были двусловными (15 лап лисьих. Там. кн. Моск. I, 62), в других - необходимое уточнение уже содержалось в специальном однословном наименовании (яроц, кошлок, подсоболь, недолись).

Эта система наименований, а, следовательно, и характеристик меха могла быть более или менее подробной применительно к каждому конкретному меху, и в частности, по отношению к наиболее ценным сортам меха, например к шкуркам соболя.

Важным фактором, определяющим ценность меха, является его цвет. Как свидетельствуют наши источники, указания на цвет меха были многочисленны и разнообразны. Они могли основываться как на цвете всей шкурки животного (заячины чалые. Там. кн. Моск. II, 40), так и на цвете какой-либо части шкурки: лисица черноперая. Кн. прих. Томск., 16. К числу наименований меха, содержащих указание на цвет, относятся следующие: лисица черная (Там. кн. Моск. I, 35); лисица бурнастая (Там. кн. II, 327); лисица чернобурая (Кн. прих. Томск., 16); бобръ чернокарь (Там же, 74); бобръ черной (ДАИ VII, 9), бобры карие (Там кн. II, 54); волк серой (ДАИ VII, 29); горносталь белый (Арх. Он., 15); заячины серые (Там. кн. Моск. II, 40); заячины чалые (Там же); коты черные (Там. кн. III, 279); мѣдведно черное (Якут. а., карт.3, № 2, сст.41).

Возрастная характеристика животного, также являющаяся существенной при определении ценности меха, представлена в следующих наименованиях: выдерки молодые (Там. кн. Тихв. м., № 1272, 31 об. 1630 г.); выдренок (Там. кн. Моск. I, 39); недолись (Там же, 35, 38, 109); недокунь (Там. кн. II, 203); подсоболь (Там же, 126); кошлок (Там кн. I, 97); яроц (Там же, 19); рысенок (Там. кн. Тихв. м., № 338, 14. 1683 г.).

Величина особей одного вида (бобров, выдр, лисиц, норок) могла колебаться в определенных пределах. Это отражалось и на размере шкуры, что являлось существенным при характеристике меха: выдры большие (Там. кн. I, 36); выдры малые (Там. кн. Моск. I, 35); лисицы рослые (Там же, II, 76); медведица малые (Там же, III, 70); медвѣдно не велико (Оп. им. Тат., 13), бобры большие (АЮБ III, 74); бобры малые (АЮБ III, 74); ростлых и норокъ (Там. кн. Тихв. м., № 1291, 17 об. 1635 г.).

Существенную роль в определении ценности меха играло место добычи животного, поскольку на качество меха в значительной степени влияют климат и продукты питания животного. В таможенных книгах XVII в. последовательно прослеживается общее деление мехов на русские и сибирские (белка русская и белка сибирская, лисицы русские и лисицы сибирские, бобры русские и бобры сибирские), хотя в ряде случаев на место добычи животного является более подробное указание, например, белка корелка (Там. кн. Моск. I, 14); белка устюжская (Польск. д., 144); лисицы кизилбашские (Астрах. а., № 654); сургутские соболи (Там. кн. III, 174); соболи сысольские (Там же, II, 174); соболи енисейские береговые, соболишки запольские (Там же); соболишки кузнецкие (Там. кн. I, 56).

Наряду с местом добычи животного для характеристики меха имеет значение сезон добычи животного, что нашло отражение в старорусских памятниках деловой письменности в таких названиях, как белка осенняя (Там. кн. II, 165); белка вешняя (Там же, 65); волки вешние (Там кн. Моск. II, 100); горностали зимние (Там. кн. II, 128); горностали вешние (Там же, 149); заечины вешние (Там же, 330); лисиченко вешная (ДАИ III, 108); розомака лѣтняя (ДАИ VII, 12); росомаки осенние (Там. кн. II, 97); росомаки вешние (Там же); соболи вешние (Там же, 295).

Характер и степень обработки шкуры и меха имеют место в следующих наименованиях: неделаная выдра (Там. кн. Моск. I, 35), кошки дѣланые (Кн. зап. Моск. ст. I, 95); заечины дѣланые (Кн. пер. Нил. Столб., 69 об.); заечины недоделаная (Рус.-бел. св. II, 190); бобр чесаной (Рус.-швед. д. I, 488); куницы дѣланые (Кн. пер. казны Ник., 55); рысь не дѣлана (Там же, 68).

Зачастую могли продаваться не цельные меха, а отдельные части меховой шкурки. Этим определяется наличие в памятниках деловой письменности значительного количества наименований меха, содержащих указание на степень целости шкуры животного, например, соболи с пупки (Там. кн. II, 72); соболи с хвосты (Там же, 65); соболи без пупков и без хвостов (Там же, 126); соболи съ лапы и с хвосты (ДАИ III, 377); соболи с пупки и съ хвосты (Там же, 108); мѣдведно без лапъ (Кн. прих. Томск., 10); розсомака бес переднись лапъ (Якут. а., карт. 3, № 2, сст.41); росомаки с черевами (Там. кн. II, 172); бобр с подчеревесью (Там. кн., I, 319); куницы с лапы безъ хвостов (Кн. пер. казны Ник., 55); лисицы съ черевы (АИ IV, 53); лисицы безъ черевъ (Там же).

С другой стороны, имеется целый ряд наименований меха, содержащих указание на часть тела животного, с которой взят мех: лапы лисьи (Там. кн. Моск. I 35), хвосты выдреные (Там же, 43); лапы волчьи (Там. кн. Моск. II, 47); хвосты недособольи (Там. кн. II, 65); меха бельи хребтовые (Там же, III, 29); мѣхи черевьи заечьи (Кн. зап. Моск. ст. III, 12); хребты заечьи (Там же, 104); черева песцовы (Оп. им. Тат., 1); вѣкошьи черева (Отп. Ртищева, 16); пупки горносталии (Там. кн. II, 282); пупки собольи (Кн. зап. Моск. ст. III, 38).

Кроме того, составные наименования меха в старорусской письменности зачастую могли включать указание на качество: норки плохие (Там. кн. Моск. II, 41); рыси плохие (Там же, 35); бобры резаные (Там. кн. I 43); медвѣдно ветчано (Оп. им. Тат., 13); соболи немятые и непороты (ДАИ III, 108); соболи битые (ДАИ III, 37).

ЛИТЕРАТУРА

1. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
2. Лесников М.Н. Ганзейская торговля пушниной в начале XУ в. // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П.Потемкина, вып. I. М., 1948.
3. Штида Л.Х. О различных наименованиях сортов меха в ганзейское время. Труды IX Археологического съезда. М., 1897.
4. Лукина Г.Н. Названия мехов в памятниках древнерусской письменности XI-XIУ вв. // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975, с.56-69.
5. Якубайлик Г.А. Из истории слов ЧЕРЕВО, ЧЕРЕВИЙ, ЧЕРЕВЕСЬ, ЧЕРЕВЕСНЫЙ, ПУПОК и ПУПЧАТЫЙ // Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979, ч.I, с.113-121. Она же: Из истории терминов пушного промысла с приставкой недо- (На материале мангазейских памятников XУП-нач.XУШ вв. // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. 1974. Красноярск, 1975, с.46-53. Она же: Названия шкурок молодых животных в сибирских памятниках XУП века. // Русская историческая лексикология XУI-XУШ вв. Красноярск, 1983, с.102-109.

Н.В.Шеина

ГИПЕРГИПОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГРУППЕ НАИМЕНОВАНИЙ ТРАВ

Для лексикографического описания важно изучение гипергипонимических отношений в названиях трав. Подвижность этих отношений в диахронии составляет особую трудность для лексикографирования. Так, в качестве родового наименования (гипероним а) в памятниках письменности выступают разные лексические единицы, конкурирующие между собой: трава, злакъ, быль; былие, былье, зелие, зелье, зель, зелень, отчасти мурава. Гипонимы в названиях трав обычны в перечислении: Травы буквицы черной... травы львова копыта всякого по фунту. АИ Ш, 480.1645 г. Девесилу... а золотника, травы полыню горсть, травы агримония, травы буквицы... по щепоткѣ. Там же, 491.

Ряд родовых названий многослоен. Три наиболее древних слова трава, злакъ, быль несут в себе различные номинационные семы: слово злакъ связано с зелень χλωρός , быль – с глаголом быти, т.е. с идеей существования, сменяемости наземной части стебля; трава – **trava** соотносится с глаголом ***trovǫ, truti** (как слава с ***slovǫ, *sluti**) со значением 'потреблять, истреблять'. Ср.: польск. **truję, truć** , слвц. **trovit'** 'тратить, потреблять' и др. (см. Фасм. IУ, с.91-92).

В толковых словарях ХУШ-XIX вв., в Словаре В.И.Даля все эти семы присутствуют в развернутых определениях слова трава: "Травоведы дают сие название вообще всем растениям, которые лишаются зимою своего стебля, хотя бы корень их многолетной или однолетной; также тем растениям, которые ни к статье дерев, ни к кустарникам не относятся". САР[1].1789 г.; "Вообще все травы и растения от зеленого их цвета так называемые, всякие огородные травы в пищу употребляемые". САР[2]. 1806 г. Толкование в первом словаре более развернутое, содержит сведения о корне, сравнение с деревьями и кустарниками, чего нет в более позднем. Дефиниция в Словаре Даля наиболее подробна: "Трава – всякое однолетнее растение, или растение без лесины, у которого стебель к зиме вянет, а весною от корня идет новый; сорное, дикое растение, мельче куста; всякое былие, зябь, однолетнее прозябенье, злак, и зелье" (т. IУ, с.424). Ср.: "Злакъ – былие, растение; овощь, огородина, слетое, ботва; зелень (кроме дерев и кустарника), годная на пищу человеку. || Трава дерновая, луговая, степная, у которой стебель соломинкою и коленчатый, а плод колосовой, семейство ко-

лосянок, к которым относятся и хлеба". Даль,I, с.683.

В исторических словарях сема 'потребляемости', например, просматривается в наиболее ранних цитатах И.И.Срезневского: Брашьна... съ зелиемъ, яко съ кропъмъ и чябрѣмь. Уст.п. 1193 г. 206 (Оп.III.1.258). Зелие, травы нам суть мяса (λάχανα χόρτου). Ефр.Корм.,524.XII в. Всѣка трѣва сладкая и вьсѣко сѣмя сѣмо (omnem herbam dulcem et omne semen).Кн.Енохова, 28.XIII в. Сема 'зелень', 'зеленое, неспелое' есть в гиперонимах злакъ, зелие, зель, зелень в значениях "зеленое поле", "незрелый виноград", "зелье-отрава". Срезн.I, 969-970. Ср. злакъ в старославянском: zeleń, zelený porost - зелень, зеленая поросль, злак; Grünes, Grünes Kraut; χλοή, τὸ χλωρόν; herba, viręultum, viride; зане ѣко трѣва ядро ісъщѧтъ и ѣко зелиѥ злака скоро отъпадѧтъ(λάχανα χλόης). Sl.stsl. 36,2 (вып.12, с.674. 1966 г.).

Сема 'сменяемости наземной части растения' представлена полнее всего в слове *bylьje во всех славянских языках: словен. bilje 'растения, травы', 'ботва, стебли', 'жнивье с соломой, стеблями'; ст.-польск. byle 'кустарник, трава, бурьян', 'ствол, стебель'; от.-укр. былье 'трава', блр. былле 'голые стебли', 'стеблистая трава', 'солома'. ЭССЯ III, с.150.

Дефиниции древнейших гиперонимов в словарях исторического жанра не столь энциклопедичны и развернуты, как в толковых словарях Академии Российской, но и не однословны: "Трава - растение с тонкими стеблями, трава". Сл СОПИ; или "Растение, развивающееся из семени с однолетними и многолетними не подвергающимися одеревенению побегами, трава", как предполагается дать в Сл РЯ XI-XVII вв. в отличие от первоначального Трава - трава (см. вып.I, с.9, предисловие).

Гипероним не должен иметь эквивалентную однословную дефиницию. Кажется, что объем понятия многих подобных слов в течение веков существенно не менялся (Вода - вода, Снег - снег), однако в отношении гиперонимов правило приведения однословной дефиниции едва ли должно действовать. Ведь положение слова в языке в древности и в настоящее время явно неравнозначно. В современном языке родовое название трава почти исключает другие слова в этой функции. В древнерусском в том же значении известны, хотя и со своими нюансами, злакъ, быль, зель. Кроме того, существовал и второй слой гиперонимов, где родовые признаки слова отражались в собирательности: зелие, зелье, былие, былье, зелень.

Такие конкурирующие гиперонимы имели близкую сочетаемость с прилагательными, образованными от трава: зелие травное, былие травное, травный злак.

Есть еще и третий функционально-гиперонимический ряд. Гиперонимы с родовыми, обобщающими определениями как бы разделяют, классифицируют группы гипонимов, например, травы благовонные, лекарственные, сорные, сельные, злачные, луговые: Травы велкие благовонные, то есть салфира, рута, кроп, майран, розмарин и инихъ велкихъ, разноличныхъ цвѢтовъ несказаемое множество. Козм., 311. 1670 г. Среди названий, объединяемых гиперонимами сорная трава, плевель перечисляются куколе, свѢрепица, сѢтца. Феод. Болк. Ев. (Оп.П.1,138). Ср.: На запасном дворѢ въ погребахъ лекарственных травъ: 100 пучковъ роману, 400 пучковъ зори... 685 пучковъ изопу. ДПИ I, 227. 1676 г. Как и сорная трава сочетания смертная трава, смертное зелье могут быть и функционально-гиперонимическими, и гипонимическими наименованиями одного определенного вида растений.

В толково-переводных лексикографических источниках еще в XVII в. составляется свой синонимический ряд. В Венском немецко-русском словаре: Grass – трава, былие; в Словаре Спарвенфельда: Былие, зелие, трава; в Псковском разговорнике Т.Фенне 1607 г.: Трава – grass, trawa . Однако зелие (-ье) и трава полными синонимами в составных наименованиях не были. Победивший в конкурентной борьбе гипероним трава входил в целый ряд составных гипонимических названий трав. Наиболее многочисленна группа сочетаний слова трава с прилагательными: ересеева трава, ирисова трава, мятная трава, зензеверова трава.

Другую группу составляли сочетания с существительными, выступающими в роли несогласованного определения к трава: калган-трава, ковыль-трава, разрыв-трава, смык-трава, слизь-трава.

К третьей группе можно отнести наименования, объединяющие лексему трава с целостными словосочетаниями: трава кокошная нога, трава воробьево семя, трава царевы очи, трава петушковы пальцы, трава царь Мурат.

Конкуренция между гиперонимами порождала ситуации для размежевания лексем: в перечнях названий растений употреблялось слово трава, а зелье – в перечнях лечебных трав и снадобий из них. Это отразилось и в наименовании соответствующих описаний: для первых употреблялось название травник. Травники были собра-

нием ботанических названий растений, хотя в них включались и лечебные. Здесь гиперонимом выступала трава. Когда же речь шла преимущественно о целебных свойствах трав, употреблялось название зелие, о чем свидетельствуют русские лечебники: Лебеда - то зелие студено и мокро, а кто есть порану - чрево умякчает. Так же навари ее или сырой натолкавши и на ноготь положи, которой болит - легко сходит. Леч. XII, 433 об. XVI в. Косатень - то зелие горячо и сухо. Кто бы его корениа натер с вином или с винником поздравливает тех, которыя в себе огнь держат. Там же, 524 об. Чернобыль есть тое зелие чорно от хитрости, и через тое зелие лекарства налезени того дня: чернобыль тое есть матка всех зелий. Леч. IV, 28. XVII в. ~ XV в. Книги, содержащие подобные сведения, называли зелейниками. Зелейник, раскрывавший "тайную, волшебную" силу трав и снадобий из них, считался запретной, отреченной книгой: Отреченныя книги си суть... зелейникъ, колядник. Паис. сб., 85. XIV-XV вв.

Описание гипергипонимических отношений в группе наименований трав важно для лексикографически грамотного и соразмерного представления в словарях гиперонимов типа трава. Многое здесь зависит от полноты и корректности включения составных гипонимов. В качестве приложения приводим пробную узловую словарную статью на гипероним трава со списком (пока не полным) типичных групп сочетаний с отсылочными пометами. Избыточность цитатного материала допущена с целью отразить бытование слова трава на протяжении XI-XVII вв.

ТРАВА (ТРѢВА), ж. 1. Растение, развивающееся из семени с однолетними и многолетними зелеными не подвергающимися одеревенению побегами; трава. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось. Сл. о п. Иг., 18. Зелие, травы нам суть мяса (λάχανα χόρτου). Ефр. Корм., 524. XII в. (1093): Се же лѣто июля въ 28 приидоша пруси... и идяху к полунощным странам ядуще траву и проса. Моск. лет., 16. И в трети днь повелѣх земли възрастити дрѣва велика и грды всѣка трѣва сладкая и вьсѣко сѣмя сѣмо (omnem herbam dulcem et omne semen). Кн. Енохова, 28. XIII в. А на сторожех до чего допили? Тово и затворити монастыря некому, по трапезе трава ростет. Ив. Гр. Посл., 181. 1573 г. Трава. Grass, trawa. Псков. разгов., 65. 1607 г. Gras былие, трава. Нем.-рус. словарь[1], 237. XVII в. Сельная трава - о растениях, которые сеют. Сиа книга бытию нѣси же и зем-

ли егда бысть> в ·н· же дн҃ь сътвори бъ нб҃о и землю и всякъ злакъ сельныи преже даже быти на земли и всяку траву селну преже дажь прозябнути. (Быт.II, 4-5) Библ. Генн. 1499 г. И въставши об҃дохомъ всю землю и не обрѣтохом снѣдма ничто ж, токмо стволъ траву сельную. (Сказ. об Адаме) Лож. и отреч. кн., 1.XV-XVI вв. Злачная трава - злаки. И ·д· а҃нглъ въструбить... и огнь смѣшенъ съ кровию и падуть на землю и всяка трава злачная погорить. Апокал.,41.XIII в. Смертная трава - ядовитая трава, отрава. Жены черовницы... в пустыни и в дубраве ищуще смертныя травы... и дивия корения копают. Посл.Памф.,3.XVII в. 1505 г. Аки трава расти - никому не нужный (как сорняк). Яко же убогий человѣкъ, аки трава ростяше на застѣне, на ниже ни солнце сияет, ни дождь идет, тако и убогии всѣм обидим бывает. Сл.Дан.Зат.,39. XVII в. ~ XII в. Траву косити - 1) косить траву на сено. Да старец же Арсеней привез рубль денег, взял на морской починок, да за Репашина взял 150 алтын по паренину и траву косит. Кн. прих.-расх.Волокол. м.№6, 166.1588 г. 2) перен. и образн. Уничтожать. Видѣша же братия великую страну Амира царя... и начаша ихъ бити, яко добрые косить траву - косити овиихъ изсѣкоша, а овиихъ связаша. Девг.д.,5.XVIII в. ~ XI-XII вв.

Список составных гипонимов приводится здесь с наибольшей полнотой. Ссылка на источники дана в том случае, если в вышедших выпусках Сл РЯ XI-XVII вв. нет слова, служащего согласованным или несогласованным определением к трава. Бздухова трава (Леч.VII.XVI в.), денежникъ трава см. денежникъ, езолова трава, зорная трава (Леч.VII, 274.XVI в.), касатень трава (там же), трава навыка см. навыка, оцвинтария трава см. оцвинтария, перенос трава см. переносъ, переноска; солоноворот трава см. солоноворотъ. Трава ересова, зензеверова, мелилотова, мимоходная, полыньная см. на соответствующее прилагательное.

Чтобы отразить семантику слова трава, как это предполагается в словарной статье, приводим разработку и других его значений, зафиксированных в русской письменности XI-XVII вв.

2. Сено, сухая трава. (1264): Князь же Домонтъ, ехавъ повелѣ зажещи островъ. и егда начаша погании бѣгать, палимѣ траве, въсполѣша огнемь и власи на них и порты. Псков.лет.II, 17. (1468): Наполнишася рѣки и ручьи и болонья, аки весне водою...

а траву водою по рѣкам и по ручьям отняло. Там же, 165. Лошадем монастырским травы куплена. Кн.прих.-расх.Волокол.м. № 3, 113. 1580 г. Отдалъ я по твоему приказу твои сенной покосъ за болшеи лугъ, взялъ я сорокъ алтынъ в Донскомъ з гривною десетъ... да за осмуху за траву четыре гривны. Грамотки, 42.1676 г.

3. Рисунок с узорами в виде трав (на одежде, тканях, заставках книг, грамот и т.д.). Бархатъ турецкой золотной, травы шелкъ краснои да зеленъ, цѣна 90 рублевъ. Подарки патр. царю, 23. 1676 г. Ризы участокъ серебряной по зеленой землѣ на немъ травы золотные болшие. ДАИ X, 463. 1683 г.

4. В сочет. с числительными служит для обозначения возраста животных. А подряде с тѣмъ тяглом ряжено двѣ лошади кобыла рыжа двенадцати трав, кобыла савраса трех лѣтъ. А.Верхот. съезж. избы, карт. № 19. 1670 г.

Список сокращений

Даль – В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М.: 1955.

САР^{1} – Словарь Академии Российской. Ч.I-VI. СПб.: 1789-1794.

САР^{2} – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I-VI. СПб.: 1806-1822.

Сл СОПИ – Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Вып. 1-6. Л.: 1966-1984.

Sl.Stsl. – **Slovnik jazyka staroslovenskeho. Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. 1-41. Praha. 1958-1987.**

Лексические группы с общим морфологическим признаком

С.С.Волков, Е.И.Зиновьева

ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КОНТАКТА В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI века

Анализ и описание тематических и лексико-семантических групп словарного состава литературно-письменной речи определенного периода истории русского языка существенны, поскольку являются необходимым этапом в процессе подготовки обобщающего очерка русской исторической лексикологии. В этом плане представляется важным рассмотрение лексики и фразеологии второй половины XVI в. - периода, когда завершается становление языка великорусской народности и складывается база для начального этапа (XVII-первая половина XVIII вв.) формирования языка русской нации и литературного языка на его основе. Активные процессы выявляются при анализе данных различных жанровых разновидностей письменности: на их языковой строй оказывают непосредственное воздействие новые тенденции общенародной речи.

Исследования языка памятников публицистики XVI в. свидетельствуют о том, что именно в языке публицистических произведений прогрессивных авторов происходит отбор наиболее ярких средств выражения, зарождаются особенности будущего национального языка, объединяются перспективные языковые элементы.

В настоящей статье рассматривается группа глаголов речи, семантика которых зависит от положения и роли собеседников. Работы, посвященные древнерусским глаголам речи [1, 2, 3, 5, 7, 8], показывают, что среди авторов нет единства мнений при определении понятия "глаголы речи", их состава и классификации. Нами за основу взята классификация Л.М.Васильева [4] с учетом специфики материала. Исследуются глаголы речи в посланиях Ивана Грозного. Это первое и второе дипломатические Послания к шведскому королю Иоганну III 1572 и 1573 гг. (далее - I III и 2 III), Послание в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. (КБ), Послание к Василию Грязному 1574 г. (ВГ) и содержащее ироническое подражание стилю челобитных Послание к Симеону Бекбулатовичу 1575 г. (СБ) [Послания Ивана Грозного. М., 1951]. Группа глаголов речи представлена 84 единицами (293 употребления), что составляет более 10 % всех глаголов в этих посланиях. По количеству и разнообразию (59 единиц) на первом месте стоит самое обширное из посланий - Послание в Кирилло-Белозерский монастырь, что объясняется его поучительно-

полемическим и бытовым характером, а также разнообразием вводимых в текст цитат.

Ядро исследуемой лексико-семантической группы составляют глаголы беседовати, бранити, врати, глаголати, говорити, сказати, заговорити, изречи, молвити, речи и др. Опорными являются глаголы говорити (сказати) и речи. Периферию образуют глаголы иных групп в их производно-номинативных и переносно-производных значениях. Таковы глаголы речевого побуждения: приказывати (приказати), велети 'отдавать (отдать) устно или письменно распоряжение о чем-либо', молити 'просить горячо или униженно'; глаголы со значением положительной оценки в речи: хвалити 'высказывать одобрение кому-л. за какие-л. достоинства, заслуги', хвалитися 'хвастаться'; глаголы, выражающие отрицательную оценку: хулити, бранити; глаголы отношения: шутити 'высказываться о чем-л. слегка насмехаясь, доброжелательно', укоряти 'упрекать за что-л.', запиратися 'упорно отрицать или не признаваться в очевидном' и т.п.

Все глаголы можно разделить на глаголы устной речи: беседовати, вещати, взывати, вопрошати, изречи, говорити и др. (их большинство) и глаголы письменной речи с опорным словом писати: написати, отписати, приписати, приписывати - всего 5 единиц, использованных 74 раза.

Следуя классификации Л.М.Васильева, можно наметить следующие подгруппы глаголов речи в анализируемых текстах:

1) глаголы с общим значением устной и письменной речи (33 ед.): вещати, возвещати, возглаголати, возгласити и др. В составе данной подгруппы особо можно выделить глаголы, выполняющие функцию именования: зватися, именоватися, назвати, назватися, назнаменовати, наречи, наречися, прозватися;

2) глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта (22 ед.): беседовати, бранитися, вопрошати, запиратися и др.;

3) глаголы со значением побуждения речевого воздействия (9 ед.): взывати, звати, молити, призывати и др.;

4) глаголы со значением оценки, содержащейся в речи (8 ед.): бранити, лаяти и др.;

5) глаголы, характеризующие коммуникативную сторону речи (4 ед.): возвещати, доводити, донасти, повещати;

6) глаголы со значением эмоционального отношения, чувства (6 ед.): благословити, льститися, пересиватися, поругатися,

укоряти, шутити;

7) глаголы, характеризующие характер выражаемой мысли, истинность или неистинность высказываемого (3 ед.): врати, лгати, солгати.

Для обозначения громкой речи встречаем сочетание бряцати гласом: И буду яко круг медян, тщим гласом бряцая: и сего ради ужасаюся и трепещу, да не паче бога разгневаю (КБ, 165).

Любая классификация условна, поскольку некоторые глаголы можно отнести к разным подгруппам. Так, благословити, выражая отношение, входит и в подгруппу глаголов речевого взаимодействия и контакта; возвещати и поведати, входя в состав подгруппы с общим значением речи, характеризуют также коммуникативную сторону говорения. Глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта могут обозначать процесс речи нерасчлененно, когда слушающий и говорящий постоянно меняются местами: бесѣдовати, бранитися, сговоритися, перелаиватися, съвопрошатися, совѣщатися, совѣтовати (6 ед.), - или нерасчлененно, когда место субъекта и объекта речи остается неизменным: благословити, вопрошати, дати совѣт, запиратися, обѣщатися, отвѣчати, отвѣщати, отвѣчивати, отписати, писати, расспросити, росспрашивати, совѣтовати, спрашивати, спросити (15 ед.).

Рассмотрим семантику и возможности использования в посланиях И.Грозного глаголов речевого взаимодействия, привлекая данные письменности старшего периода и исторических словарей, сравнивая с языком сочинений публициста XVI в. И.Пересветова. Опорным для подгруппы со значением речевого взаимодействия является у И.Грозного книжный по своему характеру глагол бесѣдовати 'вести беседу, разговаривать о духовных, важных, высоких предметах': Некогда пришедши преподобному Пафнутию... к чюдотворцову Сергиеву гробу, и ту сущей братии беседы ради духовной, беседовавшим им (КБ, 176); Кто слышал бы о них беседующих, и нас тогда убо разумел добре (КБ, 170); Аще ли оступят, зело укаряют свое шествие, глаголюще: какого убо укора несм достойни, о том беседующа и то въступающе не на неже изыдохом, ни аможе грядем? (КБ, 187). Глагол бесѣдовати употребляется в высоких по стилистической окраске контекстах, при цитировании и по отношению к духовным или знатным лицам. Ср. у Срезн.: Съ оци дховны и съ подвижьники или съ братею трѣбующа польза длъженъ есть бесѣдовати. Панд. Ант., 102; Съподобися князь съ таковымъ мужьмь бесѣдовати. Нест. Жит. Феод.,

26; Къ мьниху бесѣдовати. Ефр. крм. 2 Ник., 20; СлРЯ XI-XVII вв.: Растко же бесѣдовавъ съ нимъ, и уведѣвъ о жительствѣ святых отець, сущих тамо, и разжегся божественнымъ желаниемъ... Ник. лет. X, 42. Ср. в контексте бытового характера: Егда во цркви стоиши то ни с кимъ не бѣсѣдуи, ни шепчи, ни смѣися. Изм., 44. XVI в. ~ XIV в. (Там же).

У Пересветова, как у Грозного, бесѣдовати носит книжный характер: Турской царь Магмет-салтан великую правду во царство свое ввел, иноплемянник, да сердечную радость воздал богу; да естьли бы к той правде да вера християнская, ино бы с ними аггели беседовали. Ив. Пересветов, 182. Вероятно, оба автора для создания публицистического пафоса употребляют бесѣдовати как слово традиционно высокого стиля. У Грозного оно отмечено в форме причастия наст. и прош. времени с управлением бесѣдовати о ком-, чем-. В других источниках этот глагол мог употребляться с творительным падежом с предлогом с.

Общеславянский глагол бесѣдовати (ЭССЯ) в старославянском языке, в церковной книжности приобрел "высокое" значение 1) 'разговаривать, говорить о высоких духовных предметах с кем, (к) кому'; 2) 'общаться с кем'; 3) 'показывать, жаловаться' (Вост.). Словари XVII-XIX вв. также отмечают "высокий" оттенок глагола бесѣдовати 'разговаривать, разглагольствовать': Бесѣдоваху другъ ко другу. Деян. гл. 26. 31. Бѣсѣдовать о ученых предметахъ; 'поучать, наставлять': Не обинуяся три мѣсяца бесѣдуя. Деян. 19. 8; и 'быть в беседе' (САР[2], СПС). Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. подтверждает книжный характер слова, приводя словосочетание бесѣдовать об ученых предметах 'вести серьезный разговор'. Значение 'проповедывать, поучать' отмечается с пометой церк. Позднее отразилось "обмирщение" основного значения, возможность его использования в разговорно-литературной речи, на что указывает выделение оттенка 'вести более или менее важный разговор' (РЯС). Ср. в современном языке: беседовать 'вести с кем-л. деловой или задушевный разговор' (ССРЛЯ).

Глагол сговоритися имеет взаимно-возвратное значение 'условиться относительно каких-л. действий; договориться'. В тексте второго Послания к шведскому королю он употреблен в форме деепричастия, управляет творительным падежом с предлогом с и является обиходно-разговорным по стилистической окраске: И отец твой Гастаус, сговорясь с прежними правители Свейския земли, да...

короля Дацкого бояр побил, а сам королем учинился (2 Ш, 157). А.Грузберг отмечает этот глагол в письменности второй половины XVI-нач. XVII в. только у И.Грозного (Ч С Г). Ср.: Съговорихъ о налонѣ корабленѣмъ, а отъ своея головы 2 золотыхъ до Гурмыза града дати. Х. Афан. Никит., 343 (Срезн.).

Уже в XVII в., а может быть, и во второй половине XVI в., глаголы сговорити, сговаривати и возвратные сговоритися, сговариватися разошлись по семантике. Это обусловлено тем, что сговорити (сговаривати) стал употребляться как форма совершенного вида к говорити в деловой речи в терминологии сыска и судопроизводства в значении 'снять (снимать) с кого-н. обвинение в чем-н.' (обычно - в преступлении против государя), 'отказываться от обвинения кого-н. в чем-н.': А отъ Томилка отъ Власова такихъ рѣчей не слыхалъ, и никто къ нему о томъ, чтобъ онъ съ Томилка то слово сговорилъ не засылывалъ. Сл. и д. I, 437. 1624 г.; А нынѣ онъ, Васька съ Томилка Власова то слово сговариваетъ, что будто онъ... то слово затѣялъ собою. Там же. Ср. глаголы говорити (сказати) на кого-н. что-н. в значении 'обвинять (обвинить) кого-н. в чем-н.; сообщать (сообщить) о каком-н. преступлении; давать (дать) показания' - и сговорити 'сказать': Да тех оговорных людей с разбойники, которые на них говорили, ставити с очей на очи. Арх. Отр. I, 636. - Не просят ищеины послуси поля и целованья со ответчиковы послусями или послуси не сговорят по ищее, ино тем иска повинити. Суд. Фед. Ив.,ст.22. 1589 г. Словари XVII-XIX вв. (САР[2], СЦСРЯ) уже не указывают этих значений у глаголов говорить (сказать), но см. сговаривать с кого в приказном слоге: 'показав кого соучастником в злодеянии потом показание свое объявлять ложным' (САР; СПС); в СЦСРЯ с пометой стар. 'отрицаться, отпираться от сделанного пред судом на кого-либо показания, снимать оговор': А на которыхъ людей языки говорятъ въ розбою за очи, а съ очей на очи... учнутъ съ нихъ сговаривать, и тѣхъ языковъ пытать накрепко. ААЭ II, 387.

Глагол же сговариваться (сговориться) отмечается словарями XVII-XIX вв. в значении 'стакиваться, соглашаться с кем, условливаться' (САР[2], СПС, СЦСРЯ). В современном языке глагол сговориться сохраняет ту же грамматическую форму, в которой он употреблен у Грозного, где значение взаимности действия морфологически подчеркивается постфиксом -ся, и то же значение 'условиться относительно каких-л. действий, договориться'; а также

'достигнуть взаимного понимания, соглашения' (МАС). По сфере употребления глагол остается разговорным.

Синонимы съвопрошатися и совещатися объединяются общим значением 'обмениваться в процессе речевого общения мнениями, мыслями; обсуждать'. Съвопрошатися имеет оттенок 'обсуждать что-н., советоваться о чем-н., искать правильный ответ на что-н., задавая друг другу вопросы': И добро бо нам... зде скорбети о отечестве нашем, и друг другу съвопрошатися о путех, лежащих ко граду их, и о приседящих разбойницех, и како возмощи без вреда пройти (КБ, 187). Итеративное значение глагола морфологически подчеркивается чередованием прос-/прош-. Значение взаимодействия, выраженное вторичным префиксом съ- и постфиксом -ся, усиливается у Грозного наличием при глаголе дополнения: съвопрошатися друг другу. Употребленное в книжном тексте, слово это носит "высокий" характер. В ЧСГ не отмечается употребления этого глагола И.Грозным, а приводится только случай его использования в Казанской истории - памятнике, написанном высоким слогом. Съвопрошатися 'рассуждать' отмечается в конфессиональных памятниках XIУ-XУ вв. в знач. 'разговаривать' и 'переговорить с кем-л.', в знач. же 'спрашивать друг друга' - только в послании И.Грозного (Срезн.). "Материалы" Срезневского фиксируют только въпрашати, но у Востокова находим съвъпрашати, съвъпрашание, съвъпросьник (Вост.).

САР[2] и СПС фиксируют совопрошатися 'спориться, состязаться' и сущ. совопрошение 'взаимные вопросы, при споре или сумнении : друг другу предлагаемые' с пометой "славянское". Употребление этих слов иллюстрируется примерами из Евангелия или "высоких" контекстов летописи: Бысть бесѣдующема има и совопрошающемася. Лук. 24.15; Всѣмъ сущимъ съ ними совопрошающимся. Царств. лѣт. 229. В СЦСРЯ отмечается 'вопрошати друг друга' пометой стар., а 'состязаться, спорить' - как характерное для церковной книжности. Современным языком съвопрошатися и его производные утрачены.

Глагол совѣщатися употребляется у Грозного как синоним к совѣтовати и выступает в одном с ним контексте в знач. 'обсуждать что-л. совместно с кем-л. в процессе беседы, разговора': Егда бо ся совокупим, то не о горнем житии и о пользе душе в ней советуем, но о княжии пределии и набдении, о доброте милостивней, о прихожении християн, и о приношении их, и о красоте церковней ...и о приятии старѣйшиньства. Что же много начати и глаголати? Но о всех сущих в мире сем и мыслим, и совещаемся, яко же и вси

сущии в мире (КБ, 185). Совѣщатися управляет предложным падежом существительного с предлогом о, по стилистической окраске является "высоким". Высокая стилистическая окраска обусловлена происхождением глагола, который вошел в русскую книжность, по-видимому, из церковнославянского языка в знач. 'беседовать, рассуждать, обмениваться мнениями о чем-н.' (Вост.) и 'сговориться', 'соединиться, собраться' (Срезн.). Ср. съвѣщати с широкой семантической структурой: 'согласиться, сговориться; собраться, соединиться; сообразить, размыслить, посоветовать'. В церковнославянских памятниках русского извода совѣщатися 'беседовать, рассуждать, обмениваться мнениями о чем-то' словарями не отмечен. В светских памятниках этот глагол приобретает значение 'составить заговор' (Срезн.), но ср. там же совѣщати 'обсудить, сделать совещание': Съвѣщаша Русь, изидоша въружившеся на Греки (Пов. вр. л. 6449 г.) и 'заключить договор' (Дог. Игоря 945 г.), 'замыслить' (Новг. I лет.). В конфессиональной письменности наряду с совѣщатися 'беседовать, обмениваться мнениями, суждениями' употреблялся глагол съвѣщеватися: С новыми оци нашими епископы снимаяся часто, съ многымъ смиреньемь совѣщевашеся. Илар. Зак. Благ. (Срез.). См. у Пересветова: Безбожный же Магмет не тако совещает, но по три дни, собравшу пашеи своих и санчакбиев. Ив. Пересветов, 136; Великий же доместик и с ним логофет и иныя мнозии велмози совещевахуся, да изыдет царь. (135). В ЧСГ отмечается 10 словоупотреблений глагола совѣщатися в памятниках книжного характера XVI-нач.XVII в., таких как Казанская история, Сказание Авраамия Палицына, Казанская летопись. Словари конца XVII-нач.XIX в. представляют глаголы совѣщати, совѣщатися и совѣщаватися как свойственные церковной письменности с пометой "славянское": совѣщати и совѣщавати 'соглашаться, сговариваться; договариваться, уславливаться; заключать договор; размышлять, рассуждать; советовать кому что-н.; присуждать, приговаривать' (САР^{2}; СПС). Только СЦСРЯ разделяет совѣщеватися, совѣщатися (церк.) 'сговариваться, соглашаться, вступать в договор с кем-н.' и дает омоним к последнему – совѣщаться 'советоваться, иметь с другими рассуждение о чем-либо'. С этого времени моносемантичный глагол совещаться входит в русский литературный язык в качестве нейтрального (ССРЛЯ).

Синонимическая пара бранитися и перелаиватися объединена значением 'ссориться, обзывая друг друга оскорбительными словами;

ругаться, настаивая на своем'.

Глагол *бранитися* образован от сущ. *брань* 'состязание, борьба; бой, битва'. В дальнейшем у этого существительного на русской почве и в связи с семантическим преобразованием глаголов *бранити* и *бранитися* развиваются значения 'вражда, распря; тяжба, спор; упреки, ругань' (СлРЯ XI-XVII вв.). Как показывает материал древнерусской письменности, значение 'обзывать друг друга бранными словами, ругаться' сложилось в обиходно-бытовой речи и закрепилось в письменных источниках не ранее XVI в.: Срезневский фиксирует *бранитися о чем* 'тягаться'. Ср. *брань* 'война' и 'защита'. Отмечается значение 'ругаться, браниться' в источниках с XVI в.: Всех у нас пуще Олеша Попович, что он де пьян или не пьян, изо всѣхъ нас охочь бранитися. Сказ. о богатырях, 15. XVII в. ~ XVI в.; А садятся деи безмѣстные попы и дьяконы у Фроловского мосту и безчинства чинять великие, межь себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя. ААЭ II, 380. 1604 г.

У Грозного *бранитися* выступает в знач. 'ссорясь, споря о чем-н., иметь столкновения, стычки': А мы были... в Великом Новегороде, а ждали от тебя покорения, а рати нашия нигде никоторыя не было, разве мужики порубежныя меж себя бранилися (2 Ш, 149). В знач. 'ругаться, обзывать друг друга бранными словами во время ссоры, стычки': Асаф, что был митрополит, тот с Коровиными, да межь себя бранитца, да оттоле се им и почалося (КБ, 175); А не было бы страсти, ино было и Собакину с Шереметевым непрошто бранитися (КБ, 179). Ср.: А которые люди на дворе, у гостиных лошадей, и у саней и у седел, того всего беречи, чтобы промеж себя не искралися и не бранилися. Дм., 53. XVI в.

В САР и СПС рассматриваются как омонимы *бранити*[1] кому или чему-н. 'препятствовать, не допускать, удерживать, запрещать' и *бранити*[2] 'журить, тазать; изъявлять свое негодование бранными словами'. *Бранитися* же имеет значения 'ссорясь, обмениваться оскорбительными словами' и 'ругаться непристойно (в просторечии ем. *бранити*)'. В СЦСРЯ как омонимы представлены глаголы *бранитися*[1] с пометой *стар.* 'обороняться, защищаться' и *браниться*[2] 'употреблять друг против друга бранные слова'. Последний вошел в национальный язык в качестве нейтрального синонима к *лаяться*.

У Грозного не встречается *лаятися*, он использует только производный глагол *переливатися* 'грубо ругаться друг с другом, обмениваться бранью, грубой руганью': Тебе то честь, и нам, ве-

ликим государем, с тобою и ссылатися безщестно, а лая от себя писати и тово хуже, а с тобою перелаиватися и на сем свете того горее и нет, и буде похощь перелаиватися, и ты себе найди таковаго же страдника, каков еси сам страдник, да с ним и перелаивайся (2 Ш, 160). Перелаиватися употребляется как без дополнения, так и управляет творительным падежом с предлогом с, ему свойственна просторечная окраска. ЧСГ фиксирует перелаиватися только у Грозного.

Общеславянский глагол лаяти имел значение 'лаять, издавать характерные звуки (о собаке, лисице и др.)' и 'ругать, бранить' (Фасм.). В старославянском языке находим омоним лаяти 'подстерегать, сидеть в засаде', так же как и отглагольные существительные лаяние 'засада, козни' и лаятель 'сидящий в засаде' (ССЯ). Словари древнерусского языка фиксируют употребление с XI в. слов лаяти кого 'бранить, оскорблять непристойными словами' (Изб. 1073 г.), лаяние 'брань, поношение, оскорбление', лайца 'ругатель'; с XУ в. - лая, лаи 'брань, ссора'; лайчивый 'бранчливый' и лаятися 'браниться, ругаться'. С XУП в. отмечается многократный к лаяти глагол лаивати (Срезн., СлРЯ XI-XУП вв.). Ср. также иллюстрации к лаять в САР 'бранить, поносить, злословить, ругать' или 'заветовать': Лакше его ищуще уловити нѣчто отъ устъ его. Лук. П, 54; Его на перевозѣ или на мыту лаяли. Улож. 93.

Глагол перелаиватися заимствуется И.Грозным из разговорной речи своего времени. Его образование шло следующим образом: лаяти → лаивати — пере + лаивати + ся. См. употребление этих глаголов в XУI-сер.XУП вв.: Меня, игумена, и старцов соборных лает. Арх. Стр. I, 596; На божественном бе есте пении чинно стояти, а не билися и лаялися и не сквернословили. Стоглав, 421; А матерны де онъ Елизарей его Антона и никакою неподобною лаею не лаивалъ. АКБ I, 645. 1646 г.; И я ему сказалъ: не хитро за очи лаять, и про всякого за очи говорять не добро. И онъ мнѣ божился и клялся, что не лаивалъ. Переп. Хован. 434. 1660 г. (СлРЯ XI-XУП вв.). Сомнительно, чтобы глагол перелаиватися являлся продуктом словотворчества самого Грозного. Глагол носит обиходно-бытовой (сниженный) характер, чему соответствуют контексты, в которых он выступает у Грозного. Этим объясняется отсутствие его в академических словарях конца XУШ-нач.XX в. Но у Даля находим: перелаивать кого 'перебранить многих', перелаиватися с кем 'перебраниваться; перелаятися со всеми; пере(раз)браниться'. Словари со-

временного языка фиксируют глаголы переларять кого и переларяться 'сильно побраниться, поругаться со всеми, многими или между собой (о всех, многих)' как грубо просторечные (МАС[1]; в МАС[2] отсутствует).

Таким образом, в разряде глаголов со значением речевого взаимодействия выделяются два синонимических ряда: 1. беседовати - съвопрошатися - совопщатися - советовати; 2. бранитися - переларатися и стоящий отдельно глагол сговоритися. В первом ряду между глаголами наблюдаются смысловые и стилистические различия, во втором - только стилистические. И.Грозный использует тот или иной глагол осознанно и целенаправленно, исходя из контекста и цели высказывания, совмещает как общеславянские, стилистически нейтральные, так и книжные (часто церковнославянские по происхождению) и собственно русские, обиходно-бытовые элементы.

В группе глаголов со значением речевого контакта в синонимический ряд объединяются глаголы вопрошати, розпрашивати, спрашивати-распросити, спросити с общим значением 'задавать (задать) вопросы с целью получения информации о чем-л.' Доминантой ряда является вопрошати (вопрашати) 'обращаться с вопросом' (4 употребления). В отличие от спрашивать, как показывают контексты, вопрошати характеризуется особой окраской и используется Грозным при цитировании книжных текстов: Приидем же паки на Великаго Илариона списание, и тамо реченно есть: ...Приидете, вопрошаем самовидца и слуги словесе божия, любимаго Христова ученика... приидете вопрошаим Иоанна девьственника, и повесть ны полезная (КБ, 181); Се убо, о нем же мя вопрошаете, отвещах. Слышахом убо от тебе реченная, апостоле Христа бога, и вемы, яко истинна то есть (Там же); Како тя, брате, бог ведет, как идеши? ...Ин паки другаго вопрашает: како, брате? (186). Глагол управляет винительным падежом и предложным с предлогом о, может вводить прямую речь, как в последнем примере. Въпрашати (как и въпросити) известен в старославянском языке в знач. 'спрашивать, вопрошать': Въпрашаше и како ти есть имя. Марк. 5, 9. Зогр., Мар. и др. Ср.: 'допрашивать, спрашивать' и 'просить' (ССЛ, Воот.). Срезневский отмечает употребление глагола въпрошати 'спрашивать' в светских памятниках XIУ в.: ББ бо проже въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ. Пов. вр. л. (по Ип. сп.) 6420 г., но глагол въпросити 'спрашивать' и существительное вопрошение зафиксированы им в церковнославянских источниках русского извода с XI в. Ср. в СлРЯ XI-XУП

вв. в книжном контексте: Помяну Олегъ конь свои. И бѣ же поставил кормити и не всѣдати на нь. Бѣ бо въпрашал волъхвовъ (и) кудесникъ: от чего ми ес⟨ть⟩ смерть. Радзив. лет. 19, сп.XУ в. Глагол вопрошать в XУII–XIX вв. употребляется не только в книжных контекстах. Ср.: вопрошать 'делать кому вопрос': Вопроси его Пилатъ: ты ли еси царь? Марк., 15.2; Легче вопрошать, нежели отвѣчать (САР[2]); вопрошать (вопросить) кого о чем 'делать вопрос, спрашивать': Вопрошать о каком-л. деле. Вопрошали о том, чего не знаю я. Лом. I, 509 (РИС). В современном языке вопрошать (вопросить) 'спрашивать (спросить); задавать (задать) вопрос' относится к разряду устаревших (МАС[1]).

Глагол спрашивати встречается у Грозного только однажды: И яз спрашивал о его жительстве, и он заговорил новость что, не токмо что не знаючи иноческого жития или платия, – и того не ведает, что на сем свете есть черныцы (КБ, 190). Нейтральный по стилистической окраске, он употреблен Грозным в значении 'задавать вопрос(ы); расспрашивать о чем-л.': Владыка... нача спрашивати о священскои грамотѣ крѣпостнои какъ посадниковъ псковскихъ, тако и всего божия священства. Псков. I л. 6977 г. (Срезн.). Это значение является основным и в современном языке.

Как и спрашивати, второй член видовой пары глагол спросити, по-видимому, начинает широко употребляться в памятниках письменности только к XУI в. (у Срезн. – нет). Ср.: въпросити и въпрошение с XI в., въпрошати с XIУ в.

На сложение видовой пары спросить–спрашивать, как и спроситься–спрашиваться в XУI в. указывает С.Д.Никифоров, отмечая, что эти глаголы только по происхождению префиксные; семантически они оторвались от глаголов просить, проситься, и в XУI в. в них префикс с не выделялся, не осознавался (6, с.121). У И.Грозного глагол спросити 'обратиться с вопросом для получения информации, расспросить о чем-л.' выступает в форме императива и деепричастия в обиходных, близких к обиходно-разговорным контекстах: А что пишешь будто ложно, что польская королевна за конюхом была, и ты спроси, хто ведает, при Ягайле, короле Полоком, хто был Войдило... а познано будет правда (2 Ш, 158); Тому у тебя памятухов много, их спроси, уведай (153); А что писал еси, будто мы не здержим печати, ни грамоты, ино много великих государств, и во всех тех государствах наше слово непременно живот (и ты там спроси, уведай!) ино бы то в одной Свойской земле то перемени-

лось? (152). Для глагола свойственно управление и в более позднее время: спросити кого, что. Спрашивать – спросить с XVI в. не изменили семантику ('обратиться – обращаться к кому-л. с вопросом с целью узнать что-л.; осведомиться о чем-л.; задать вопрос') и стилистическую принадлежность в русском языке (МАС[1]).

Видовая пара розпрашивати – распросити выступает в посланиях со значением 'задавать (задать) вопросы с целью узнать о чем-л. подробно, в деталях': И как мы ис походу пришли, и по него послали, и его розпрашивали, и он заговорил вздорную – на вас доводити учал (КБ, 190); И мы жалуючи их велели есмя Варламу у себя быти, а хотели есмя его распросити: за что у них вражда учинилася? (189). Ср.: Роспрося, написати подлинно, да отписати ко государю. Наказн. пам. кн. Шуйск. и Обол. 1536 г. – Срезн. "Материалы" Срезневского не фиксируют употребления глагола ранее XVI в., что позволяет предположить относительно позднее возникновение его в древнерусском языке: спросити → рос-(рас-) + + спросити → ро(а)спросити и ро(а)спросити. И.Грозный использует эти глаголы с различной огласовкой приставки: раз-(рас-) – форма книжная; рос-(роз-) – свойственна деловой письменности, обиходно-разговорной речи. Возможно, именно в деловой письменности сложился оттенок 'спрашивать тщательно, с пристрастием; допрашивать', наиболее четко выступающий в послании И.Грозного. Ср.: роспросити (розпрашивати) 'допросить, допрашивать', роспрос 'допрос' и роспросные речи 'запись показаний' в Уложении 1649 г.: А кто скажется, что он... отпущен, а отпускные не положит: и его по тому же роспросить, для чего у него отпускные нет (20, ст.11); Да будет те их бояре в роспросе скажут, что они тех своих людей с дворов от себя отпустили и... им к тем своим роспросным речам велети руки приложить (ст.41) и др. – как элементы судопроизводственной терминологии. К концу XVII в. они выходят из употребления (в СПС с пометой стар.).

В текстах посланий Грозного распросити – розпрашивати сочетаются с прямым дополнением, выраженным местоимением и являются нейтральными. В основном значении они сохраняются в современном языке с приставкой рас-: расспросить – расспрашивать 'задать (задавать) кому-л. ряд вопросов с целью узнать, выяснить что-л.' (МАС[1]). Доминантой синонимического ряда вопрошати – спрашивати – розпрашивати, спросити – распросити у И.Грозного является традиционный книжный глагол вопрошати. Свойственные повседневному

языку глаголы спрашивати, ро(а)спрашивати, как и спросити, ра(о)опросити – элементы новые, вошедшие в письменный язык из обиходно-разговорной речи и формирующегося делового языка (роспросити, роспрашивати).

Рассмотренному ряду противостоит по смыслу синонимический ряд отвѣчати – отвѣчивати – отвѣщати с общим значением 'давать ответ на заданный вопрос, сообщать интересующую информацию'. В старославянском в знач. 'ответить, отвечать' употреблялись глаголы отърѣшти, отъвѣштавати и отъвѣштати (ССЯ). Ср. в САР[2]: отъвѣщати и отвѣщавати 'ответствовать, давать ответ вопрошающему': Тако ли отъвѣщаваеши архиереови? Иоан. 18.22; Отвѣща Иисусъ: царство мое нѣстъ отъ мира сего. Иоан. 18.36.

Доминантой служит глагол отвѣщати со свойственной старославянскому – и позднее книжному – языку огласовкой и отличающейся от других членов синонимического ряда "высокой" стилистической окраской. Грозный употребляет его 4 раза при цитировании книжных текстов. В посланиях он выступает в значении 'давать ответ': Отвещай ны, красота апостольская Иоанне, отвещай к сим, громогласная уста, и возгласи... Се убо, о нем же мя вопрошаете, отвещах (КБ, 181) – и в переносном значении 'нести ответственность за что-л.': А то сам за свою душю отвещает, коли не ищет своей души спасения (190). В рассматриваемый синонимический ряд глагол входит в первом значении и управляет дательным падежом: отвещати кому, к кому.

Новыми элементами в памятниках XVI в., вошедшими в литературно-письменный, главным образом, деловой язык из обиходно-разговорной речи, являются глагол отвѣчати и многократный отвѣчивати. Они встречаются в посланиях И.Грозного по одному разу в контекстах, близких к обиходно-разговорным. Отвѣчати, нейтральный по стилистической принадлежности, вводит прямую речь: И он отвечал тако: о том, о-су, мне приказу не было (КБ, 177). Многократный отвѣчивати 'давать ответ' имеет разговорную огласку: Вперед о том не докучайте: воистинну ни о чем не отвечивати (КБ, 192). Отметим управление у И.Грозного – отвѣчивати о чем-л.

В памятниках, близких к народно-разговорной речи – летописях, судебных кодексах – отвѣчивати появляется не ранее XV в. с оттенком 'отвечать, давать ответ на суде': Отвѣтчику въ его мѣсто отвѣчивати. Новг. судн. гр. 1471 г. Ср. этот оттенок значения и у глагола отвѣчати (кому, въ мѣсто кого, за кого – и без до-

полнения) также с XIУ в. (Срезн.). Глагол отвѣчивати обычен для разговорно-бытовой и деловой речи, используется в конструкции с не в значении категорического отрицания чего-л., а не многократности действия.

Отличительной особенностью стиля И.Грозного является, таким образом, разграничение в употреблении глаголов отвѣщати - отвѣчати - отвѣчивати. Первый из них употребляется в книжных контекстах, второй - в стилистически нейтральном, третий - в разговорно-обиходном. У Пересветова находим только: Царь же уклонився на то, и отвещав им тако. Ив. Пересветов, 138; Они же отвещавше: Мы все да умрем за божия церкви и за тобя, государя!.. И все отвещеваху от народа (143). Как видим, И.Пересветов, в отличие от И.Грозного, использует только книжные глаголы отвѣщати, отвѣщавати, отвѣщевати. В ЧСГ отмечается четкое разграничение в XУI-XУII вв. рассматриваемых глаголов. Преобладает отвѣщати (54 раза). Вторым по частотности является отвѣчати (29), наименее частотен глагол отвѣчивати (3). У Грозного отсутствует парная видовая форма к глаголам отвѣщати, отвѣчати, отвѣчивати. В древнерусской письменности находим ряд глагольно-именных конструкций со значением совершенного вида: дати (имати) отвѣтъ (Срезн. II, 780). Для XУI в. С.Д.Никифоров приводит только дати отвѣтъ 'ответить': Аще не хощем предстати Христу богу ответ дати о своем согрешении. Ив. Гр. Посл. I, 84. XУII в. ~ 1564 г.; На се же уповаем... не токмо тебе сему ответ дати (21). Ср. в деловой письменности: Того не сказывати а отвечать не к тебе аз послан. Дм. К., 33. XУI-XУII вв.; И учнут питати ино отвещати не ведаю аз ничего того и не слыхал (32). Ср. также: А имъ [великим князьям] исправа дати Великому Новугороду по тому же крестному целованию, и отвѣтъ дати Великому Новугороду. Гр. Новг. и Псков., 50. 1471 г. (СлРЯ XI-XУII вв.); А самому нечисто собрати, как богу ответ дати? Ив.Пересветов, 160.

Глаголы рассмотренного синонимического ряда в XУI в. различались стилистической принадлежностью при общности семантики: отвѣчати (нейтр.) - отвѣщати (высок.) - отвѣчивати (обиходно-разг.). В лексическую систему национального русского языка вошел только глагол отвечать 'говорить, сообщать что-л. будучи спрошенным' (МАС[1]).

Глаголы синонимических рядов с доминантами вопрошати и отвѣщати находятся в антонимических отношениях друг к другу по об-

щему значению синонимического ряда. Антонимические пары образуют глаголы одинаковой стилистической принадлежности: книжные вопрошати – отвещати и нейтральные спрашивати – отвечати.

Обратимся к глаголам со значением речевого контакта, не вошедшим в синонимические ряды. Они встречаются в текстах посланий по 1 разу. Глагольное словосочетание дати совѣт имеет значение 'посоветовать': А будет хто молвит: что так жестоко, ино су совет дати, по немощи сходя, что Шереметев без хитрости болен (КБ, 190). Сочетания глагола дати с сущ. в винительном падеже со значением действия (по значению существительного) зафиксированы историческими словарями – дати славу и дати слово (Срезн.). Дати совѣт не является парной видовой формой у Грозного к глаголу совѣтовати: Ни един же от нас мыслити или советует от сущих выше мира и о исправлении жития (КБ, 186); Егда бо ся совокупим, то не о горнем житии и о пользе душе в ней советуем (185). Этот книжный глагол использован в послании, как было сказано выше, в значении 'рассуждать', зафиксированном Срезневским в памятниках с XIV в.: Гъ... созда чл҃ка... и вложи ему очи видѣти и оуши слышати и оумъ съвѣтовати. Мерило Пр. XIV в. Енох. 36. Советовать и дать совет в современном языке – синонимы.

Глагол запиратися 'не признаваться в чем-н., отрицать что-н.' встречается в тексте послания Василию Грязному в контексте, близком к бытовой, повседневной речи: И мы того не запираемся, что ты у нас в приближенье был (ВГ, 193). Запиратися используется, как показывают исторические словари, преимущественно в деловой письменности, как восточнославянского, так и собственно русского периодов: А оже кто възищеть коунъ на друзѣ, а онъ ся начнеть запирати, то оже на нь выведеть послоуси, то ти поидуть на ротоу. Р. Прав. Яр. (по Син. сп.); И искористуются сребромъ оу брата своего... и оучнет запиратися ино ему правда дать. Псков. суд. гр. (Срезн.). В СлРЯ XI–XVII вв. в качестве иллюстрации к запиратися, кроме Русской Правды, приводится указанная цитата из послания И.Грозного и из Аввакума: Охъ, безчинница! Воруетъ, да и запирается. Ав. Кн. толк., 561. 1677 г., подтверждающие разговорную стилистическую окраску глагола. ЧСГ фиксирует только 4 его употребления в XVI–XVII вв.: у Ивана Грозного и в Казанской истории. Обращает внимание сочетаемость запиратися у Грозного с дополнением в родительном падеже: не запираемся того. В современном языке запираться – разговорный глагол, употребляемый чаще

без дополнения, отрицать свою виновность в чем-л., не признаваться в чем-л.' (МАС[1]).

Глагол благословити, церковнославянский по происхождению и своей семантике (Фасм.; Вост.; ССЯ), употреблен в рассматриваемых посланиях в значении 'призвать на кого-н. божью милость, благодать': Оному же руку на мне положьшу и благословившу мене на сем... яко некоего новоприходящего постришися (КБ, 164). Это значение отмечается в конфессиональных памятниках с XI в.: Благословити клнущая вы (Мф. 5, 44) Остр. ев. и др. (Срезн.). В частотном словаре употребление этого глагола у Грозного не зафиксировано. Представляет интерес управление благословити кого на чем в посланиях. Глагол является высоким по стилевой принадлежности. В современном русском языке благословить функционирует в следующих значениях: 1) 'перекрестить кого-л., произнося слова молитвы, напутствия, пожелания' [и тем призвать на кого-н. божью милость, благодать - С.В., Е.З.], 2) 'выразить свое одобрение, доброжелательно направить на что-л.', 3) 'возблагодарить' (МАС[1]).

Глагол обѣщатися имеет у И.Грозного значение 'давать обет, иноческое обещание': Сей же, неверованием о жизни вечней, отметает обнищание, иже Христа ради обещася, и бывает друг свету сему, враг же божий по глаголу брата господня Иякова (КБ, 185). Значение 'дать обет, слово, обещаться' отмечает у глаголов обѣщатися - обѣчатися - обѣштатися (объ + в...) Срезневский: Сии же законъ обѣщавшемуся. Чис. VI. 13 по сп. XIУ в.; Соимя съ себе ризу, обѣщася бу на ·г· лѣт, како прияти риза своя, а оустава мнишьскаго не остася. Новг. I л. 6773 г. Обѣщатися использован И.Грозным как традиционно книжный, высокий по стилистической окраске.

Глагол обѣщати пришел, по мнению М.Фасмера, в русский язык из старославянского языка, вместо древнерусского обѣчати. На это указывает употребление глаголов обѣштати и обѣштатися в старославянском языке - обѣштати в значении 'обещать, обязаться': Обѣшташа емоу сребрьники дати. Марк. 14, 11. Зогр. и др.; обѣштатися 'дать обет, обещаться': О от(ъ)падъшихъ д(Ь)вахъ обѣштавъшихъ ся б(ого)ви въ ч(и)стотѣ жити. Уст. 32, 13 и др. (ССЯ). Ср.: Обѣщався имъ дарми великими и волостьми. Ипат. л. 6798 г. и др. (Срезн.). В современном языке обещаться в значении 'давать какое-л. обещание; обязываться сделать что-л., поступить как-л.'

(МАС[1]) употребляется как разговорный.

В группу глаголов со значением речевого контакта кроме глаголов говорения входят глаголы письменной речи. Сюда может быть отнесен глагол писати в значении 'сообщать, извещать письменно': Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон, – ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати (ВГ, 193); То так делалось, ты о том писал правду нам, болши того писать не надобе (2 Ш, 157). Отметим оттенок 'уведомлять': А мы тебя жалуючи пишем: похошь нашего жалованья... и ты пришли к нам послов своих великих бити челом (2 Ш, 160). В этом значении писати имеет косвенное дополнение в дательном и прямое в винительном. В сочетании писати против письма глагол приобретает значение 'отвечать': А что писал еси к нам лаю и вперед хочешь лаем писати против нашего письма (2 Ш, 160). В сочетании с дополнением в творительном падеже глагол приобретает значение 'обмениваться с кем-л. письменными посланиями' и может быть отнесен к группе глаголов речевого взаимодействия: А и отец твой грамоты писал с намесники новгородцкими, и в тех грамотах писано так (2 Ш, 153). Глагол писати относится к древнейшим элементам основного фонда русского языка и сохраняется в указанных значениях до наших дней.

Глагол отписати имеет значение 'написать, сообщить письменно': Яко послал ми бе таково слово, глаголя яко беси нудят ми мыслыми, да любви ради Христовы заповеди отпиши ми слово и главизну утешну или две (КБ, 164). В древнерусской письменности он известен с XIУ в.: Вы же, честнии старци и игумени, отпишите ми на борзѣ что мудрьствуете. Грам. митр. Кипр. иг. Серг. и Фед. 1378 г. и др. (Срезн.). У Грозного он имеет то же управление, что и писати (отписати кому что); он стилистически нейтрален. Глаголы отписывать (отписать) широко употреблялись в конце XУШ–сер.XIX вв. в значении 'чрез письмо уведомлять кого о чем или отвечать на письмо': Какъ скоро приѣду, узнаю, отпишу къ вамъ (САР[1]; СЦСРЯ). В современном русском языке глагол отписать 'ответить кому-л. на письмо, сообщить письмом, известить в письме о чем-л.' (МАС[1]) относится к устаревшей и просторечной лексике.

Подведем итоги. В подгруппе глаголов речевого взаимодействия и контакта в посланиях И.Грозного налицо издавна употреблявшиеся в древнерусской письменности, часть из которых по своим фонетическим и смысловым признакам указывает на старославянское

их происхождение (благословити, отвѣщати, совѣщатися и др.). Они были свойственны церковной книжности, но могли использоваться (как видим у И.Грозного, И.Пересветова) и в публицистике. Рядом с ними выступают глаголы, ранее в письменных памятниках не отмеченные, пришедшие, по-видимому, из разговорной речи (бранитися, отвѣчивати, перелаиватися и др.). Складывающаяся в эту пору видовая система обусловливает появление не отмеченных в памятниках старшего периода членов видовых пар к рассматриваемым глаголам (спрашивати - спросити).

При использовании в посланиях значительного числа глаголов речевого взаимодействия и контакта выделяются следующие синонимические ряды: съвопрошатися - совѣщатися - совѣтовати, совпадающие по своей стилистической принадлежности (книжные), но различающиеся оттенками значения; бранитися - перелаиватися, различающиеся стилистической окраской и значением. Вопрошати - спрашивати - розпрашивати и спросити - распросити - ряд, в котором вопрашати - спрашивати различались только стилистической окраской, а спрашивати - розпрашивати и спросити - распросити отличались по значению; глаголы отвѣчати - отвѣчивати - отвѣщати различались стилистической принадлежностью.

В посланиях наблюдается стилистическое разграничение глаголов, функционирование в конкретных ситуациях, в определенных контекстах - посланиях дипломатических, обличительно-полемических, бытовых. Эта черта отличает язык И.Грозного от языка его современника И.Пересветова, отдающего предпочтение глаголам высокого стиля.

Антонимические отношения проявляются в рядах с доминантами вопрошати и отвѣщати, отдельные антонимические пары образуют глаголы вопрошати - отвещати и спрашивати - отвечати. Глаголы, не входящие в синонимические ряды, как правило, встречаются в текстах посланий не более одного раза: бесѣдовати, зговоритися, обѣщатися и др. Глаголы отношения запиратися и благословити находятся на периферии глаголов речи. Управление некоторых глаголов в посланиях И.Грозного не отмечено в других памятниках: благословити кого на чем, отвещати к кому и др.

Сопоставление состава и употребления ряда анализируемых глаголов с данными произведений Ивана Пересветова и исторических словарей русского языка позволяет предположить, что некоторые глаголы вошли в активное употребление только к XVI в. (спросити,

отвѣчати, отвѣчивати, обѣщатися, розпрашивати, распросити). То же можно сказать о значениях отдельных глаголов, которые они приобретают в посланиях Ивана Грозного (совѣщатися, бранитися), а также о сочетаемости глаголов (бранитися меж себя, совопрошатися друг другу).

Глаголы речевого взаимодействия и контакта посланий Ивана Грозного представляют различные лексико-стилистические пласты. Нейтральными являются отвѣчати, дати совѣт; к разряду "высоких" (книжных) относятся глаголы бесѣдовати, благословити, вопрошати, съвопрошатися, совѣщатися, отвѣщати, обѣщатися. Деловой речи свойственны глаголы розпрашивати, распросити; обиходно-разговорную стилистическую окраску имеют глаголы зговоритися, бранитися, отвѣчивати, запиратися, спрашивати, спросити; просторечный оттенок носит глагол перелаиватися.

Без изменений в семантике и стилистической принадлежности в современный язык вошли глаголы спрашивать, спросить, расспрашивать, расспросить, отвечать. Изменили стилистическую окраску беседовать, совещаться, браниться, благословить, обещаться. Устаревшими являются вопрошать и отписать. Утрачены современным языком съвопрошатися, перелаиватися, отвещати.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимпиева Р.В., Ваулина С.С. Историческое изменение смысловых отношений в ЛСГ глаголов речи русского языка (XI-начало XVII в.) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. - Воронеж, 1979. - С.3-13.
2. Бондарь И.П. Глаголы речи в старославянском, русском и болгарском языках в историко-сопоставительном плане: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Саратов, 1969. - 30 с.
3. Васильев А.Д. Лексика посланий А.М.Курбского Ивану Грозному: Традиционность и своеобразие (к вопросу о формировании стилистических норм русского литературного языка): Автореф. дис... канд. филол. наук. - Томск, 1982. - 19 с.
4. Васильев Л.М. Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи): Автореф. дис... д-ра филол. наук. - Л., 1971. - 38 с.
5. Клименко Л.П. Полисемия в сфере древнерусских глаголов речи (к вопросу об общем значении и лексико-семантическом варианте) // Эволюция и предыстория русского языкового строя. - Горький, 1982. - С.13-26.

6. Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
7. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. - М.: Наука, 1981. - 327 с.
8. Янцен В.К. О глаголах речи в русском литературном языке XVII века // Функционирование языковых средств в художественной речи. - Омск, 1979. - С.11-20.

Список сокращений

Вост. - Востоков А.Х. Словарь церковнославянского языка. Т.I-2. СПб., 1858-1861.

Даль - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. М., 1955.

$МАС^1$, $МАС^2$ - Словарь русского языка в 4-х тт. Т.I-4. М.-Л., 1957-1961; 2-е изд. М., 1981-1983.

РЯС - Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Академии наук. Т.I. СПб., 1881-1885. Под ред. Я.К.Грота.

$САР^2$ - Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч.I-6. СПб., 1806-1822.

СлРЯ XI-XVII вв. - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-10. М., 1975-1983.

СПС - Общий церковно-славяно-российский словарь, сост. П.Соколовым. Т.I-2. СПб., 1834.

Срезн. - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.I-III и Дополнения. СПб., 1895-1912.

ССРЛЯ - Словарь современного русского литературного языка. Т.I-17. М.-Л., 1948-1965.

СЦСРЯ - Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии наук. Т.I-4. СПб., 1847.

Фасм. - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.I-4. М., 1964-1973.

ЧСГ - Грузберг А.А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI-начала XVII в. Пермь, 1974.

ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-11. М.: Наука, 1974-1984.

Р.В.Железнова

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -ЕЦЬ (-ЬЦЬ) СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XI-XIУ вв.

Группа обозначений лица с суффиксами -ецъ (-ьцъ), -тель, -ьникъ - один из наименее изученных словарных пластов русской лексики XI-XIУ вв. В статье ставится задача изучить структурно-морфологическую группу личных наименований на -ьцъ в русском литературном языке XI-XIУ вв. в двух основных аспектах: историко-лексикологическом и словообразовательно-семантическом.

Исследование проводится на материалах апеллативного и ономастического характера лексикографических источников и данных различных картотек. Так, обследовано девять выпусков СлРЯ XI-XУII вв., лексика которого на материале изучаемой тематической группы слов впервые вводится в научное исследование. Сплошному обследованию были подвергнуты и "Материалы для Словаря древнерусского языка" И.И.Срезневского, где общее число источников, из которых были извлечены лексикографические фиксации, достигает 2700 наименований [1]. Полностью был извлечен материал из словарей А.Доверна, Г.Дьяченко, А.Г.Старчевского, А.Х.Востокова. Учитывая то обстоятельство, что агнетивно-профессиональная лексика на -ьцъ уже на древнерусской почве переживает процесс своего терминологического осмысления, обследованию подверглись и "Материалы для терминологического словаря Древней России" Г.Е.Кочина. Широко использованы данные картотек СДР XI-XIУ вв., СлРЯ XI-XУII вв. (ИРЯ АН СССР, г.Москва) и СРНГ (ЛО ИЯ АН СССР, г.Ленинград).

В статье нашли отражение и данные русской исторической ономастики (по фиксациям словарей Н.Тупикова и М.Морошкина), зачастую характеризующие элементы лексики таких древнейших эпох, для которых нарицательный фонд не дает материала. Проблемы русской исторической ономастики в настоящее время относятся к числу важнейших проблем русского языкознания. "До сих пор, - пишет Н.А. Петровский, - нельзя считать решенными все встающие здесь вопросы, и можно сказать, что русские имена - открытое поле деятельности для филолога" [2].

Имена существительные с суффиксом -ецъ (-ьцъ) со значением лица - это древний пласт слов, истоки которого уходят в праславянскую общность, когда славяне представляли единое целое в язы-

ковом и этнографическом отношении. На актуальность и историко-лингвистическую значимость изучения подобных древних словообразовательных моделей указывают такие крупнейшие исследователи, как Ф.П.Филин, О.Н.Трубачев и др. [3]. Сплошному обследованию были подвергнуты выпуски "Этимологического словаря славянских языков", вышедшие в свет под редакцией О.Н.Трубачева и "Праславянского словаря" польского ученого Ф.Славского.

Статья представляет собой первый опыт описания тематической группы слов с суффиксом -ець в отечественной русистике. Среди лексических образований на -ьць, зафиксированных памятниками древнерусской письменности, наличествуют прямые заимствования из старославянского (древнеболгарского, церковнославянского) языка, "этого священного органа богослужения и духовной литературы древних славян" [4]. Нами были обследованы материалы словарей старославянского языка, издаваемые в Чехословакии и Западной Германии.

Обратимся к рассмотрению словообразовательных связей суффикса -ець (-ьць) в русском литературном языке эпохи Киевского государства, его места и семантических значений в древнерусской лексике.

"Материалами" Срезневского зафиксированы следующие лексические образования на -ьць: ордыньць 'пленник, выкупленный из ордынского плена', ткальць 'ткач', нѣмьць '1. Человек, говорящий неясно, непонятно. 2. Название народов германского племени' (ср. укр. обл.: нѣмец 'человек, не умеющий говорить по-русски'. Пискунов, 156), проливьць 'проливатель', славьць 'прославляемый, святой угодник', брадатьць 'бородач', кормильць 'кто кормит, воспитывает', бладливьць 'пустомеля', поганьць 'язычник', вѣсьць 'кто взвешивает товар', сопьць 'музыкант, играющий на сопели' (др.-рус. сопль 'музыкальный инструмент'), бѣльць 'кто принадлежит к белому духовенству', черньць 'монах', давьць 'дающий что-либо', дельць 'кто делит, разделяет что-либо', дѣльць '1. Создатель, творец. 2. Производитель, работник' и др. Отталкиваясь от показаний "Обратного словаря" И.И.Срезневского, находим, что общее число наименований на -ьць со значением лица простой морфемной структуры достигает 300 словарных единиц. Этот факт не позволяет согласиться с мнением В.Л.Воронцовой, рассматривающей лексические образования на -ьць русского литературного языка XI-XVII вв. как непродуктивные [5].

В СлРЯ XI–XVII вв. отмечено еще 50 образований на -ьць. К ним относятся: борьць 'сборщик дани' (ср. др.-рус.: боръ 'дань, подать'), вѣдовьць 'вдовец', вотчиньць 'кто наследует вотчину', звоньць 'кто звонит в колокола', зьдатьць 'созидатель, строитель', косьць 'кто косит', лѣчьць 'лекарь', гоньць 'гонец' и др.

Другими словарями представлены вѣштьць 'кто вещает, вещатель', срѣдовьць 'сердечный человек', зисьць 'продавец обуви' (ср. др.-рус.: зисъ 'обувь, башмак'), обитьць 'странник', ошельць 'странник, отшельник', жьрьць 'кто принимает жертвоприношения', коупьць 'кто покупает что-либо', ловьць 'ловец', чьтьць 'чтец', вѣсьць 'должностное лицо при чеканке монеты' (Востоков); копьць 'кто выкапывает навоз' (Дьяченко), видельць 'свидетель', владальць '1. Властелин. 2. Предводитель', възгривьць 'сопливец' (Старчевский).

В материалах картотеки СДР XI–XIV вв. зафиксированы кривьць '1. Кривой от рождения. 2. Криводушный человек', свирьць 'кто играет на свирели' и др. В фондах картотеки СлРЯ XI–XVII вв. отмечены письць '1. Сановник, записывающий происшествия. 2. Писарь, правительственный чиновник', плясьць 'плясун' и др.

Семантическая структура слова плъ̀тьць в "Материалах" Срезневского сопровождается знаком "?". Однако ее можно реконструировать, если отталкиваться от др.-рус. глагола плъ̀ти 'плыть, путешествовать по воде' (Срезн., II). Не исключено, что этот глагол послужил структурно-семантическим центром для возникновения производного образования плъ̀тьць, которое могло употребляться в значении 'морской путешественник' (ср. др.-рус.: плъ̀тиѥ 'путешествие по воде').

К разряду "темных" И.И.Срезневский относит др.-рус. бренидьць (бронистьць = бренистьць). Первоначальное лексическое значение этого слова мы смогли восстановить, отталкиваясь от бренистыи (бронистни) 'закованный в латы' (Срезн., I). Знакомство с материалами СлРЯ XI–XVII вв. сделало реальностью это предположение, т.к. в составе "Хроники Георгия Амартола" встретилось бронистьць 'воин в броне, в латах' (ср. др.-рус.: брънѧ 'броня, латы'). В числе военной терминологии бронистьць отмечается и Ф.П.Сороколетовым [6].

Знаком "?" в "Материалах" Срезневского сопровождается и семантический объем лексического образования кутьць, не зафиксированного в качестве самостоятельной лексикографической единицы

русской исторической лексикографией последующих эпох. С точки зрения морфемного строения др.-рус. кутьць состоит из двух частей: производящей основы имени существительного кутъ ('место, лавка под красным окном') и суффикса -ьць со значением лица. В отношениях словообразовательной синонимии с др.-рус. кутьць могло находиться кутьникъ 'виночерпий' (ср.: снохарь - снохач, давель - давьць, коварь - ковач - ковьць, кузнец - кузник и др.). Кутьць также могло иметь значение 'виночерпий, разносящий напитки для званых гостей, сидящих под красным окном'.

Семантический объем лексической единицы оускопьць помогает раскрыть языковая иллюстрация контекста: Наоузотворьць, или звѣздочтьць, или волховъ, или оускопьць. Паис. сб. 91 (Срезн. III). Отталкиваясь от ряда однородных подлежащих, выраженных именами существительными со значением лица - наоузотворьць 'изготовитель волшебных навязей талисманов' (ср. др.-рус.: навязь 'чародейственная навязь, носимая для предохранения от болезней'; др.-чешск. nawěz na bolest' - в том же значении), звѣздочтьць 'кто гадает по звездам', - можно предположить, что др.-рус. оускопьць обозначало 'чародей, волшебник' (ср. др.-рус.: оускопити 'гадать, нашептывать'. Срезн. III). "В исследованиях по исторической лексикологии и в историко-лексикографической практике первостепенное значение имеет проблема контекстов, достаточных для определения значения слова и его места в лексической системе языка на определенном этапе его развития" [7].

Среди данных русской исторической ономастики, в словарях Н.Тупикова и М.Морошкина, нами отмечено около 30 наименований на -ьць, не зафиксированных в составе апеллативного материала, относящегося к древнерусскому словарному фонду. Назовем некоторые из них. Б р а н е ц ъ: Григорий Смильянович Бранець, Виленский земляниъ. 1479. Арх. сб. III. 56 (Тупиков, 64). С точки зрения внутреннего морфемного строения др.-рус. бранець представляет собой бинарную конструкцию ("синтагматическую структуру"), состоящую из производящей основы страдательного причастия на -н- браны и суффиксальной морфемы -ець со значением лица. По происхождению бранець является праславянским диалектизмом: * branьcь '1. Пленник, невольник. 2. Грабитель' (ЭССЯ, I). Таким образом, несмотря на то, что памятниками письменности антропоним Бранець впервые фиксируется в конце XVI столетия, как апеллатив оно известно уже в праславянскую эпоху.

М и л е ц ъ: Милець Черневичь, Мозырский крестьянинъ. 1552. Арх. об. УП. I. 630 (Тупиков, 250). Вступая в словообразовательные связи с основами качественных имен прилагательных, суффикс -ець образует разряд экспрессивно-оценочных номинаций по характерным внешним или внутренним свойствам человека: злец, подлец, кривец, мудрец, слепец, глупец, брадатец (от брадатни 'бородатый'), красавец, старец и др. В качестве апеллативной единицы речи др.-рус. милец широко представлено русскими народными говорами (волог., пск., арханг. и др. - КСРНГ), где употребляется в значении 'милый, любимый человек'.

Д у ш и л е ц ъ: Душильць Новгородьць. 1228. Кар. Ш. Пр. 324. (Морошкин, 80). Это производное образовано от основы действительного причастия прош. времени на -д- душилъ, пережившего процесс субстантивации (ср. пск.: душилый (человек) 'кто душит, мучает кого-л.', душилец 'тиран, мучитель' - СРНГ). Следует отметить, что антропонимы на -ец, зафиксированные словарями И.Тупикова и М.Морошкина, представляют ценный историко-лексикологический материал, который еще не был предметом специального исследования.

Лексические образования на -ець со значением лица, зафиксированные обследованными лексикографическими источниками, включая и антропонимический материал, составляют значительный пласт слов, насчитывающий свыше 350 наименований. В русском литературном языке эпохи древнерусской народности они образуют систему, строго соответствующую определенному историко-лингвистическому времени и пространству. Она представляет собой видоизменение предшествующей системы и переходную стадию к последующей. Описание непрерывности изменения может быть достигнуто с помощью исследования ряда синхронных срезов хронологически смежных систем.

Остановимся на лексико-семантических особенностях образований с суффиксом -ьць, смысловая структура которых отличается многозначностью и синкретизмом передаваемых значений. Эти значения тесно переплетаются друг с другом, образуя сложную семантическую структуру древнерусского слова. В познании этой семантической структуры (парадигмы) решающее значение имеет контекстное окружение. Так, например, слово лестьць в языке XI-XIV вв. значило не только 'обманщик, льстец', но и 'дьявол, антихрист': Вицѣли и побѣжаѣма лѣстьца. Мин. 1096 г. (Срезн. II). Подобитися мыслить лѣстьца сноу Божию. Ипполл. Антихр. 6 (Срезн. II).

Др.-рус. близньць в "Материалах" Срезневского толкуется как 'близнец'. Однако отталкиваясь от иллюстрации, сопровождающей это слово, можно предположить, что его семантический объем был более сложным. Оно называло не только 'близнеца' (в этой функции широко употреблялось слово двачьць), но и 'родственника, свойственника вообще': Принеси о близньче твои пьрсть и вижь руцѣ мои. Кир. Тур. 26. Иметь роукою за близньца. Крмч. Изб. Зак. Моис. Близнеца едина рѣзана. Никон. Панд. сл.48 (Срезн. I). Семантически оно соотносилось с др.-рус. близнь 'близость, свойство, родство' (ср. др.-рус.: близока, близокъ 'свойственник, родственник' (Срезн. I).

Образование творьць в древнерусском языке И.И.Срезневским определяется как 'художник'. Однако контекстная позиция слова показывает, что др.-рус. творьць имело значение еще и 'мастер, изготовитель': Гжльнаго творьца, гѫдьца разоумѣѥть. Гр. Наз. XI в. (Срезн., Доп., 257). Таким образом, одним из важнейших принципов в определении семантических компонентов значения слова является исследование его контекстного окружения.

Остановим внимание на общей генетической характеристике системы агентивно-профессиональных наименований с суффиксом -ьць в древнерусском литературном языке XI-XIУ вв. Проблема становления семантической категории лица в русском литературном языке не может быть решена с научной достоверностью без обращения к глубинным истокам ее формирования - к реконструкции праславянского, старославянского и восточнославянского слоя этих имен, что составляет собственно историко-лексикологический аспект изучения исследуемой группы слов. Такая попытка изучения описываемой тематической группы слов в отечественной лингвистике является одной из первых.

Лексическая система литературного языка XI-XIУ вв. с точки зрения генетической структуры представляется явлением сложным и многообразным. Это, прежде всего, полихронная структура, в которой слились лексикальные потоки различных лингвохронологических эпох, исторические "напластования" различного времени. Поэтому задачей историка-лексиколога русского языка является разграничение этих "напластований", отделение позднейших наслоений от более ранних; глубинных, исконных - от заимствованных.

Ф.П.Филин справедливо указывал: "Ставя перед собой задачу изучения проблем исторической лексикологии русского языка, мы

должны исходить из наследия, которое досталось древнерусскому языку от языка праславянского, а для этого нужна реконструкция праславянского словарного состава" [8]. Как показало обследование материалов праславянской лексикографии (ЭССЯ), праславянский слой представлен следующими образованиями с суффиксом -ьць (*-ьсь): *bělьcь 'белокожий', *černьcь 'чернокожий', *bojьcь, *bojca 'боец', *bogatьcь 'богатый человек', *davьcь 'кто дает, дающий', *domovьcь 'слуга домовый', *děrьcь 'кто дерет что-либо' и др. (Слов. Славск.); *bajadlьcь 'волшебник', *dozorьcь, *dozorca 'кто несет дозор', *edinьcь 'единственный сын', *glupьcь 'глупец', *glumьcь 'шутник', *gonьcь 'гонец', *gǫdьcь 'музыкант', *xromьcь 'хромой' и др. Общее число лексических образований на -ьць (*-ьсь), являющихся принадлежностью словарного фонда праславянского языка-основы, по данным словарей Ф.Славского и О.Н.Трубачева, составляет свыше 30 наименований. Все они зафиксированы памятниками древнерусской письменности XI-XIУ вв. По материалам словарей старославянского языка, многие из этих слов нашли отражение в памятниках старославянской (древнецерковнославянской, древнеболгарской) письменности: чрьньць, борьць, давьць, льстьць, творьць, бѣльць и др. На их наличие в древнеболгарских рукописях X-XI вв. указывает и Р.М.Цейтлин [9].

Одной из насущных задач современной славянской компаративистики является историко-лексикологическое изучение системы старославянского языка как определенной г е н е т и ч е с к о й структуры, а не только как материалов первых памятников славянской письменности. Актуальность подобного изучения, по словам Ф.П.Филина, диктуется и тем, что в настоящее время "мы еще далеки от всестороннего генетического и лингвогеографического обследования лексики старославянских памятников X-XI вв. всех редакций" [10].

Среди лексических образований на -ьць генетические старославянизмы (древнеболгаризмы , древнецерковнославянизмы) мы смогли выявить по фонетическим, морфологическим и семантическим закономерностям, корреспонденциям старославянского языка в отличие от закономерностей восточнославянского (древнерусского) языка. К ним относятся прѣкословьць, въспоминьць, брадатьць, старьць 'пожилой монах' (ср. вост-слав.: старьць 'старик'), бѣльць 'принадлежащий к белому духовенству', чрьньць 'монах' (ср. прасл.: *černьcь 'чернокожий'), эльць 'злодей (о сатане)' и др. Это так

называемые исконные (генетические) старославянизмы. Структурно-генетический подход к изучению фактов языка открывает перед исследователем научную достоверность исторической перспективы.

Обратимся к словообразовательно-семантическому изучению имен существительных с суффиксом -ьць в древнерусском литературном языке XI-XIV вв.

Суффиксация как способ словообразования находится, с одной стороны, в тесном взаимодействии с грамматическим строем языка, а с другой, - с его лексической системой. Все словообразующие аффиксальные части ("аффиксальные семемы", по А.Будилович) находятся в тесном взаимодействии с их производящими "корневыми" семемами. На зависимость словообразовательных морфем от их корневых элементов (производящих, мотивирующих основ) указывается в работах таких видных исследователей теории русского словообразования, как В.А.Богородицкий, Г.О.Винокур, В.В.Виноградов, Н.М.Шанский, В.В.Лопатин, И.С.Улуханов и др.

Отталкиваясь от семантико-грамматической природы словообразующих основ, все имена существительные с суффиксом -ьць, зафиксированные обследованными источниками, можно представить следующими словообразовательными моделями.

Одной из основных моделей, по которым в древнерусском литературном языке XI-XIV вв. возникали лексические образования на -ьць, является модель "основа инфинитива глагола + суффикс -ьць". Она представлена следующим словообразовательным типом: проливьць (от проливати), славьць (от славити), вѣсьць (от вѣсити), давьць (от давати), дельць (от делити 'делить, разделять'), дѣльць (от дѣлати 'производить'), звоньць (от звонити), косьць (от косити), лѣчьць (от лѣчити), гоньць (от гонити), вѣштьць (от вѣщати, вѣштати 'вещать'), обитьць (от обитати), жьрьць (от жьрати '1. Жрать, пожирать. 2. Принимать жертвоприношения'. Ср. онеж.: жрец 'обжора', тамб.: жерц 'взяточник'. СРНГ, XI), коупьць (от коупити 'купить'), ловьць, письць, плясьць и др. Все отмеченные образования представляют собой бинарную конструкцию, состоящую из двух частей: производящей глагольной основы и суффикса -ьць со значением действующего лица. "Одним из существенных качеств, отличающих производную основу от непроизводной, - пишет Н.М.Шанский, - является зависимость первой от соответствующей непроизводной" [11].

Описание словообразовательного типа в структурно-граммати-

ческом отношении содержит характеристику производящих основ с точки зрения их внутрикатегориальных значений. Отмеченные производные образования в своей массе созданы на базе глагольных основ несовершенного вида действительного залога. Такие глаголы обозначают неопределенно длительное действие, переходящее на прямой объект. Эта наметившаяся еще в праславянский период закономерность (ср. праславянские диалектизмы: *davьcь, *derьcь, *bivьcь, *sъrьcь и др.) будет выдерживаться в русском литературном языке почти до конца XVII столетия.

В производных образованиях кормильць, владальць, видѣльць, которые семантически соотносятся с глаголами кормити, владати, видѣти, выделяется сложный суффикс -льць, генетически восходящий к основам причастий прошедшего времени на -л.

В производных основах дивьць, сѣвьць, пѣвьць, зьдатьць вычленяются суффиксы -вьць, -тьць. Любая производная основа (производная композиция) при возникновении связана с другим словом. В этом композиционном единстве словообразовательного целого, структура которого организована не только морфологически и семантически, но и "оркестрована" морфонологически, и заключается лингвистическая суть любой производной конструкции. Суффиксальный морф -ьць (-ець) является "поконсонантным" морфом (в отличие, скажем, от "повокального" морфа -тель - термины В.В.Лопатина). Поэтому при деривации его присоединение возможно только к тем глагольным основам, которые оканчиваются на согласный звук. Именно законами морфонологического порядка - устранением "зияния" на стыке корневой и суффиксальной частей - объясняется наличие звуков -в, -т в производных образованиях типа дивьць, зьдатьць.

Исследуемый словообразовательный тип можно представить как имеющий тематическое название: "Обозначение действующего лица по производимому действию"; он является исключительно продуктивным на древнерусской почве.

На втором месте по продуктивности в древнерусском литературном языке XI-XIV вв. стоит словообразовательная модель "основа прилагательного + суффикс -ьць": нѣмьць (от нѣмыи 'немой'), брадатьць, блудливьць, поганьць (от поганыи 'языческий'), сѣдьць, чрньць, вьдовьць (от вьдовыи 'вдовый'), срѣдовьць (от срѣдовыи 'сердечный'), възгривьць (от възгривыи 'сопливый') и др.

Производные браньць, оушьльць, душильць образованы от при-

частных основ на -н, -л при помощи элемента деривативного процесса -ьць. В результате взаимодействия суффиксальной морфемы -ьць с именами прилагательными качественной семантики в словообразовательной системе древнерусского языка XI-XIУ вв. возникали наименования лиц по внешним (внутренним) свойствам, качествам, зачастую отрицательным. Этот разряд имен существительных относится к сфере экспрессивно-оценочных номинаций. Он также является продуктивным на древнерусской почве, причем истоки его уходят в праславянский период. Ср. праславянские диалектизмы: * bělьcь, * glupьcь, * xromьcь, * čermьcь, * gnilьcь, * xorbrьcь и др.

Наименее представленной (а возможно, и малопродуктивной) является словообразовательная модель "основа существительного + суффикс -ьць". По этой модели образованы ткальць (от др.-рус. ткало 'орудие для тканья'), борьць (от борь 'дань, вид подати'), вьтчиньць (от вьтчина 'вотчина'), зисьць (от зись 'обувь'), свирьць (от свирель 'свирель'), сопьць (от сопль 'труба, свирель'), кутьць и др. Данный словообразовательный тип можно считать имеющим общее тематическое название: "обозначение действующего лица по объекту действия". Здесь представлены наименования людей с указанием на изготовляемую продукцию (зисьць) и орудие действия (ткальць, свирьць, сопьць), обозначения лиц по профессии от названия тех предметов, с которыми связано их занятие (борьць, вьтчиньць, кутьць, орлыньць). Производство имен существительных на -ьць с указанием на объект действия являлось непродуктивным в древнерусском литературном языке XI-XIУ вв., что будет наблюдаться и позже. В этой функции на древнерусской почве продуктивными словообразовательными морфемами являлись -арь, и особенно -ьникь [12].

Как показало обследование "Материалов" Г.Е.Кочина, многие лексические образования с -ьць уже в древнерусскую эпоху переживают процесс терминологизации (сужения, специализации лексического значения), что указывает на их закрепление за определенной отраслью производства, жизни и деятельности людей. Таковы борьць 'должностное лицо феодальной администрации, ведающее взиманием налогов', вѣсьць 'должностное лицо при чеканке монеты и взвешивании товара', вальць (профессия), гоньць, гребьць (судовой), думьць 'советник князя', истьць, кормильць 'воспитатель княжеских детей', кузньць (по меди, серебру), ливьць ('мастер, который льет монеты'), орлыньць 'слуга феодальной администрации, который

доставлял татарским ханам княжескую казну' и др.

Рассмотрим семантическую классификацию имен существительных с суффиксом -ьць со значением лица в древнерусском литературном языке XI-XIУ вв. Необходимость ее диктуется тем, что деривационные процессы, действующие в рамках определенных словообразовательных типов, находят воплощение в семантических объединениях слов, составляющих тип.

Так, в первом словообразовательном типе можно наметить следующие структурно-семантические объединения слов: 1. Наименования действующих лиц по производимым действиям вообще без указания на профессиональный признак лица. Сюда относятся проливьць, давьць, дельць, обитьць, плясьць, плотьць и т.п. 2. Наименования действующих лиц по производимым действиям с указанием на профессиональный признак лица: славьць, косьць, лѣчьць, гоньць, письць, ѣарьць и т.п.

Что касается второго словообразовательного типа, то, как уже отмечалось, он представлен обозначениями лиц по внешним (внутренним) свойствам, качествам людей. Ср. брадатьць, въздривьць, милъць, душьць, доганьць, старьць, слепьць, глупьць и др.

Объектные отношения прослеживаются на материале третьего словообразовательного типа.

Такие объединения, вычленяемые в рамках словообразовательного типа, мы называем "структурно-семантическими". Основными критериями для их вычленения являются лексико-семантические показатели. Совокупность таких объединений составляет тематическое содержание того или иного словообразовательного типа в целом. В свою очередь, совокупность однородных по семантике словообразовательных типов составляет более крупные объединения - тематические группы слов, основанные на общности категориального значения (например, семантическая категория лица).

Таковы основные словообразовательно-семантические и историко-лексикологические наблюдения над именами существительными с суффиксом -ьць со значением лица в древнерусском литературном языке XI-XIУ вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов С.Г. Предисловие к "Материалам для Словаря древнерусского языка" И.И.Срезневского. С.1.

2. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Предисловие. М., 1980. С.9.
3. Филин Ф.П. Проблемы исторической лексикологии русского языка. Древний период ВЯ, 1981, № 5. С.5. Трубачев О.Н. Лексикография и этимология. VII Международный съезд славистов // Славянское языкознание. М., 1973. С.299.
4. Будилович П. Начертание церковнославянской грамматики к общей теории русского и других родственных языков. Варшава, 1883. С.I.
5. Воронцова В.Л. Словообразование имен существительных со значением действующего лица в древнерусском языке. (Способы суффиксального словообразования) Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1953. С.45 и далее.
6. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке. Л., 1970. С.109.
7. Дерягин В.Я. Проблема контекста в исторической лексикологии. // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. М., 1975. С.16.
8. Филин Ф.П. Указ. соч. С.5.
9. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X-XI вв. М., 1977. С.107 и далее.
10. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С.211.
11. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. 1968. С.47.
12. Железнова Р.В. Из истории личных имен существительных с суффиксом -арь в русском литературном языке. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. 1974. С.52-96.

СЛОВАРИ И КАРТОТЕКИ

Востоков А.Х. Словарь церковнославянского языка. Т.I-II. СПб., 1858-1861.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.I-IV. СПб.: М., 1880-1882.
Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений. М., 1899.
Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.
Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.: Л., 1937.

Морошкин М. Славянский именослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
Пискунов Ф. Словарь живого народного письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Киев, 1882.
Славский Ф. Słownik praslowiański . Т.I-IУ. Варшава-Краков-Гданьск, 1974-1981.
Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.I-Ш. СПб., 1893-1903.
Старчевский А.Г. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию, Ф.Миклошичу, А.Х.Востокову, Я.И. Бердникову и И.С.Кочетову. СПб., 1899.
Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
Slovnik jazyka staroslovenskiho . Прага, 1959-1982.
Тупиков Н. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева. В.I-IX. М., 1974-1983. - ЭССЯ.
Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П.Филина. В.I-ХУП. М.-Л., 1965-1982.
Картотека Древнерусского словаря XI-XIУ вв. (ИРЯ АН СССР, г.Москва) - СДР XI-XIУ вв.
Картотека Словаря русского языка XI-ХУП вв. (ИРЯ АН СССР, г.Москва) - КСлРЯ XI-ХУП вв.
Картотека Словаря русских народных говоров (ЛО ИЯ АН СССР, г.Ленинград) - КСРНГ.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

В указатель включены слова, анализируемые в статьях сборника. Словосочетания снабжаются отсылками: корелка см. белка, кладенец см. меч. В скобках даются пояснения типа: свод (небесный), делец (от "делать" и "делить"). Заключаются в скобки нетождественные части вариантов слова и глагольная частица -ся, если слова и их варианты отмечены на одних и тех же страницах: баярак (бое-, боя-, буе-), вертеб (-а). Собственные наименования приводятся в общем списке. Древнерусские слова передаются средствами современной орфографии; числом обозначен номер страницы сборника.

абал и абвал (ср. обал) 105
абалить 105
адамант (-тин) 18
акинф 17
алавастр 18-19
алебарда 83
амефустон 18
анфракс 18
Ареpис, Арес, Арис, Аррис 117, 119
аспид (-ис) 18
Афродит (-та, -тес) 117-119
ахатин (-тис) 18

багр 16
бадья 13
байрак (барак) 97-98
барсук 138
башмак 30
баярак (бое-, боя-, буе-) 98
бева 17, 137
белец 170, 175, 177
белий 141
белка 17, 137-138, 140
бердыш 83
берь 128
беседовать 150-152, 152, 166-167
бисер 18
бить (гл.) 46
благословить 150-151, 164, 166-167
близнец 174
блюдо 19, 28
блюдце 19, 29
блядливец 170, 177
боб 16
бобр 13, 17, 137-140
бой (оружие) 83-84, 86, 88
бомба 87
бор (растение) 39
бор ("побор") см. черный бор
борец 171, 175, 178
брадатец 170, 173, 175, 177, 179
бранец 172, 177
бранить 150, 156
браниться 151, 155-156, 158 166-167
брашна 16-17
бренидец 171
бренитец (бронь-) 171
брящати (языком) 151
буй 100
бурнастый 139
бурт 98
былие 142-144

быль (-лье) 142-143

варилион 18
вассал 74, 78
вдовец 171, 177
веверица 17
веверичина 21
ведерко 19
ведро (посуда) 17, 19, 28
векоший 141
векша 17
велеть 150
Венера, Венус 117, 119
вено дать 135
верейка 98-99
веретище 20
верея 98-99
вертеб (-а) 99-100
вертебина (-ище) 100
вертебинка 99
вертеп 71, 99-100
вертепежина (-пенище) 100
верх 96, 98, 100, 104, 107
верхница 32
весец 170-171, 176, 178
Вечерница 119
вешний 140
вештец 171, 176
вещать 150
взывать 150
виделец 171
викия 18
винтовал 87-88
винтовальный 87-88
винтовая (сущ.) 88
винтовка 83-84, 87-89, 91
винтовный 88
вир 107
вира дикая 127
вирвина 106
влагалище 31
владалец 171
владение 61, 68, 78-79
водонос 19
водяницы (рукавицы) 27
возвещать 150-151
возглаголать 150
возгласить 150
возгривец 171, 177, 179
вой 100
волк 17, 137-138
волочить 47
волчий 141
вопрошать 150-151, 158-160, 163, 167
воробьево семя см. трава
вотчинец 171, 178
враг ("овраг") 96
врать 150-151
вретище 200
вспоминец 175
вус и вусин 16
выдреный 141
выжать 42
выимать 43
вымоклый 48
вымолотить 45
высеять 41-42
вялец 178

галанка (пищаль) 88
глаголати 150
глек (глькъ) 13, 19
глупец 173, 179
гнездо (родовое) 64, 66, 77
говорить 150, 153
говядина 21
гонец 171, 176, 178-179

горелый 48
горносталий 141
горносталь 139-140
горох 16, 37-39, 43
гороховина 51
готовалка (-ленка, -льная, -льня) 31
град ("город") 60, 71, 75-76
граната 83, 87
гребец 178
греча 37, 39
гречанище 49
гречевенье 50
гречиха 37, 43
гречишный (-чневый) 50
гречище 49
гривна 20
груша 16

давец 170, 175-176
давленина 22
дание 125
данина 125
данник 125, 127
данничь 125
данный 125-126
данок 125
даноплатец 125
данский 125
данщик 125
дань 125-126, 128
дар 125
дать вено см. вено дать
дать совет см. совет дать
дать правду см. правду дать
даяние 125
двачец 174
дверь 55
двор 55-63, 72-79
дворец 57, 60, 73
дворник 78
дворный 77-79
дворня 73-74, 78-79
дворовый 74, 78-79
дворский 77
дворянин 78-79
Дева 119
дежка 17
деланый 140
делец (от "делать" и "делить") 170, 176, 179
Денница 119
дети боярские 78
Дий, Дия 119
дикая вира см. вира дикая
дикуша 39
днешний ("донный") 69
добро ("имущество") 62
добрый 48, 50, 56
доводить 150
договор 129
дом 55-80
домови 55,66, 70
домачний 74, 76
домашний 69, 76-77
домный 76-77
домовен (двор) 60
домови 55, 66, 70
домовит 76-77
домовник 77
домовой 77-78
домовник 76-77
домовый 74, 76-77
домовь (-мой) 66
доможирец 77
домочадец 56, 67, 69-71, 77, 79
домочадь 78
домский 76-77

донести 150
драгый 15
дробовой 87
дружина 74, 78-79
думец 178
Душилец 173, 177, 179
дыня 16

Евиш 119
едь 13
ендова 96
Ермис 117-118
есть 14

жать (жну) 42-43, 46
жемчуг 18
жилище 57-58, 62, 66, 73, 79
жилье 58, 64, 66-67, 70
жильник см. лук ("оружие")
житарь ("ячмень") 37, 40
житище (-тнище) 49
житник ("хлеб") 50
житный 50
жито 37, 40
жниво 49
жнище 49
жрец 171, 176, 179

Завес 117
заговорить 150
задворный 78
закон 128
запираться 150-151, 163, 166-167
Заря 119
зарядец 87
затинная (сущ.) 90
затинный 84, 90
заяц 138
заячий 141
заячина 21, 138, 140
звать (-ся) 150
звезда 115-119, 121
звездка 122
зверина 21-22
звероядина 22
звонец 171, 176
здатец 171, 177
Зевез 117, 119
Зевес 119
зелейник (книга) 145
зелень 142-143
здание 57-67, 69-72, 75, 77, 79-80
зелие 142-145
зель, зелье (трава) 142-143
зелье ("порох") 86
земля 115-117, 119-120
зимний 140
зисец 171, 178
злак 142-143
злец 173, 175
зяблый 48

иголеночка 31
игольня (-ник, -ница) 31
изваляться (о льне) 47
измарагд 18
изречи 150
имать (лен) 46
имение 61-62, 64, 67-68, 71, 76-79
именоваться 150
имущество 55, 62, 68-73, 77
Иовешь (-вишь) 119, 121
иовешовский 121
исподка 32

каган ("низина") 101
кадка 19
кадь 17, 19
калган-трава 144

камы (камык) 15
канава 101-102, 105
капище 59
капуста 16
карабин 91
карий 138
картаун 91
киликисий 18
кинжал 83
кладежные люди 126
кладенец см. меч
кладник 127
класть 127
кленовик 27
кобел (къбьлъ) 17
ковчежец 29
ковш 13, 28
ковыль-трава 144
козья кожа 21
кокошная нога см. трава
колдоба 102
колосовать 44, 46
комета 114
конина 21
коноб 19
конопляще 49
конопля 37-39, 46-47
конопляник 49
конопляный 49
конопник 49
конюх (посуда) 27
корелка см. белка
копец 171
корм 13
кормилец 170, 178
кормить 14
короб 17, 19
коробка 19, 29
коробочка 19
короткий 90
корчага 19
косец 171, 176, 179
косить 42-43, 46
котел ("яма в реке") 100
котел (посуда) 19
котлец 19
коча 102
кошка 21, 138, 140
кошлок 139
кратырь 18
кривец 171, 173
кров 64, 66, 69-72, 75, 79-80
Крон (-нос) 117-119
крутоберег 103
крутобережина (-жье) 103
крутояр (-рина) 103
крутоярный (-рый) 103
круть 104
кука 106
куколе 144
куна 17, 137
куница 17, 137-138
кутец 171-172, 178
куща 89

лагалище 31
ладунка (ляд-) 87-88
лаивать 157
лапа 140-141
ларец 29
ласка (мех) 138
лаять 150, 157
лаяться 156
лгать 151
лен 16, 37-39, 44, 47
лечец 171, 176, 179
лживец 31
ливец 177-178
[illegible]

лисий 141
лисица 13, 17, 137-138, 140
лисиченко 140
ловец 171, 176
ложечник 31
ложка 28
локоть 16
лоск 95-96, 101
лук (растение) 16
лук (оружие) 84, 88
лукно 17, 19
луконце 19
луна 116-118, 120-121
лучший 48
льнище 47, 49
льновый 50
льнянище 49
льстец 173, 175
льститься 150
люди 73-74, 78

мангерия 16
мак 16, 39
Марс, Марш 117-119
масло 16
медведина 13, 21, 137
медведно 21, 140-141
медведь 138
Меркурий 117, 119, 121
Меркурикс 118-119
Меркуриуш 119
мертвечина 22
место 60, 74
месяц (луна) 120
месячина 128
месячки 121
мех 13, 136-139
меч 83, 85, 87
Милец 163
милостник 78
мировая 133
миса 13
миска 29
многоценный 15
молвить 150
молить 150
молотить 44-46
молотьба 44-46
монастырек 31
мурава 143
мушкет 85-86
мушкетки 91
мушкетон 91
мытра 17, 19
мыцина 22
мясо 21-22

нагалище 31
нажать (лен) 42
назвать (-ся) 150
назнаменовать 3150
наигольник 31
наимать (лен) 44
наклад 127
наливок 27
намолотить 45-46
наногъва 20
написать 150
наплечки 20
наплечница 20
нарамник (-ница) 20
наречи (-ся) 150
наряд (вооружение) 87-88
насеять 42
наследник 121
натайник 31
наушница 20
небесный 113-116
небо 114
неделанный (недоде-) 140

недокунь 139
недолись 139
недомолотиться 45
недособолий 141
недособоль 139
неправедный 129
неправый 129
нижние планеты см. планета
новолуние 120
новомесячие 120
ночва 19
нырище 59-60

обал 104-105, ср. абал
обещать 164
обещаться 151, 164, 166-167
обиталище 58, 66, 79
обитатель 55, 57, 70, 77
обитец 171, 176, 179
обмолотить 46
ободь см. овыдь
обруч 19
обувать, обуть 14
обувение 14-15
обувь 14-15, 30
обутель, обуща 15
овес 37-39
овкач (-чик) 19
оводь см. овыдь
овраг 96-99, 101-107
овсище (-сянище) 49
овсяник 50
овсяный 50
овсянье 50
овчина 13, 21, 137
овыдь 37, 40-41
овыдный 50
овыдня 37
огненный 87-88
огнестрельный 13
огнище 61, 70
огонь 83
огород 60
ограда 55-56, 73, 75, 105
одежа 14
одежда 13, 29-30, 32
одение, одеяние 14
ожерелье 19
озеро 101, 103
озцинка ср. узцинка 21
околосовать 44
окружитель 121
оксамит 16
онухион 18
органки 91
ордынец 170, 178
орех 16
ортебок 99
орудие 91
оружие 86, 88-89
осенний 140
осетрина 21-22
отвершек 96
отвечать 151, 161-162, 166
отвечивать 151, 161-162, 166-167
отвещать 151, 161-163, 166-167
отечество 66
отложить 127-128
отписать 150, 165, 167
оудь см. овыдь
охлестывание 44
ошлец 171

палата 63, 66
патрон 87
пепер 16
перелаиваться 147, 150-151, 155, 157-158, 165
переливать 150

перечница 27
перстень 20
песец 17, 137-138
пестрина 21
Петер 118-119
петушковы пальцы см. трава
писать 165
пистоль 89, 91
питать 14
питие 14
пить 14
пищаль 83, 87-91
планета (-нида, -нита) 113-121
платить 127
платно 16
племя 55
плохой 48
плутец 171, 179
плясец 171, 176, 179
побор 128
поведать 150-151
поганец 170, 177, 179
подать (сущ.) 125
подворье 75-76
поднять (лен) 47
подпазушье 20
подряд 129
подрядить 133
подчеревесь 140
пожалование 125
пожать 42
поклад 128
покон 128
полба 39
полмесячие 120
полнолуние 120
полномесячие 120
половник 42
положить 127-128, 133
полукартаун 91
поместье 73-74
помещение 63, 67
поперсець 19
порох 86
порт (одежда) 14
поругаться 150
поряд 129, 133
порядить 133
порядная (сущ.) 133
посеять 41
постлать (лен) 47
посуда 30
потир 19
поять уклады 128
правда 128, 130-132
правду дать 133
праведный 129
правеж 132
правитель 79
править 130-132
право судить 129
правый 129
прапруда 16
прекословец 175
придворный 78
призывать 150
прикладная (сущ.) 127
прикладывать 127
приписать (-сывать) 150
проливец 170, 176, 179
просо 39
просяник (-нье) 50
просянище 49
пуз 17
пукать (-кнуть) 46
пупок (мех) 140-141
пушечный 87
пушка 83, 85, 87, 91

пшеница 37-39, 43
пшеничник (-чье) 50
пшеничище (-ничище) 49
пшенник 50
пшено 39
пшенье 50
пьсина 21

раб 70
разостлать (лен) 46
разрыв-трава 144
расспрашивать (-спросить) 158, 160-161, 166-167
ратный 88-89
репа 16
речи (гл.) 150
ржаник 50-51
ржанина (-ыуха) 51
ржанище (-нье) 50
ржевние 50
ржище 48-49
ривифь 16
риза 14
род 55-56, 70, 73
рожь 37-38, 43
росомаха 138, 140
рубище 20
ружье 86-89
рукав 20
рукомойник 27
рысенок 139
рысь 138
ряд 128-129, 133
рядить 129, 133
рядная (сущ.) 133

сабля 83, 87
самопал 84, 88, 90
самопальный 88, 90
самосветящийся 115
самосек см. меч
самострел 84, 88
сандык 29
сапоги 30
сапфир 18
сардион, сардоних 18
Сатурн (-нус) 117-119, 121
свадебная (сущ.) 133
сверепица (трава) 144
свет 112, 114-115
светило 112-114, 120
светильник 112
свечение 122
свинина 21
свирец 171, 178
свод (небесный) 119
сгнить 47
сговаривать (-ся) 153
сговорить (-ся) 151-153, 158, 166-167
севец 177
село 71
семибатькович (-блудка) 105
семивражек 105
семья 55-56, 62, 67-70, 73, 80
сени 75
середний 48, 50
сетца 144
сеять 41-42, 46
сказать 150, 153
скиния 58
скифет 86
скобкарь 27
скора 137
Скорпия 119
скринька 29
скриня 28-29
славец 170, 176, 179
слебное (сущ.) 128

слепец 173, 179
слива 16
слизь-трава 144
слуга 70, 7 , 78-79
смокы 16
смык-трава 144
снаряд 87
снедь 13
снести 14
соболий 141
соболь 17, 138, 140
совет дать 151, 163
советовать 151, 154, 158, 163
совещать 155
совещаться 151, 154, 166-167
совещеваться 155
совопрошаться 151, 154-155, 158 166
солгать 151
солнце 114-119
солонка 28
сопец 170, 178
сосед 121
сосуд 13, 19, 31
сосудина 31
сотворить 65
спрашивать (-ся) 151, 158-161, 163, 166
спросить (-ся) 151, 158-161, 166
средовец 171, 177
ставчик 29
старец 173, 175, 179
стенобитный 91
стлище 47
строение 58, 60, 70, 72, 75, 77
строчень 83
ступень 101
стъкляница 19
суд 128-130, 132
судить 129-131
судить право см. право судить
сукно 16
сундук см. сандык
сундучок 29-29
сусолы 22
суходол 103
сфера (небесная) 115-117

тарелка 29
твердь 117
творец 174-175
тело (небесное) 113-117, 120
тетеревина 21-22
технические (растения) 39, 47
ткалец 170, 178
ткание 14
ткань 14
ткать 14
топазий 18
торг 61
трава 142-147
травник (книга) 144
требище 59
тривершинка 105
трупие 21
тълстина 21
тыкъвьць (-вица) 19
тыкы 19
тюфяк (оружие) 87

уакинф 18
убежище 60
удавленина 22
ужать 42
узорочье 17
узцинка см. озцинка
уклад 126-127
уклады поять см. поять уклады
укорять 150-151

укропник 19
умолотить 45-46
управить (правила) 131
урва (-вина) 106
урыв (-вок) 106
уряд 133
усадьба 73-74, 76, 79
ускопец 172
устав 128, 131
уставить 131
утварь 30
участок 60, 73-74
ушлец 177

факел 113
фотосферный 113
фузея 85-86
фюник 16

хвалить (-ся) 150
хвост 140
хитрон 18
хлеб 38-39, 41-42, 47
хлебная (книга) 38
хлебы 16
хмельник 48-49
хозяйство 55, 61-62, 68, 70-74, 76, 80
хомяк 122
хоромина 58, 67
хоромы 59, 65-66, 75
хорек 138
храм 55, 58-60, 66, 73, 75, 77
храмина 57, 63
хребтовый 141
хрузолиф 18
худой 48
хулить 150
хыжа 58

царевы очи см. трава
царь Мурат см. трава
церковь 55, 58-59, 66-67

чадь 79
частина 21
черпак 28
черева (о мехе) 140-141
чернобурый 139
черночеревый 139
черный бор (побор) 128
чесаный 140
чеснок 16
чехол 31
чука 106

шапка 15
шапочник 31
шкатул (-а) 29
шкатунка 29
шутить 150-151

Юпитер 117, 119-121
юр 100, 107
юрок (-овище) 107
ярая (рожь) 37, 40
ярец 139
Ярец 119
ярица 37-40
ярчный 50
яровище 49
ять ("брать") 128
ячйще (-чменище) 49
ячменник 50
ячмень 37-39, 43
ячменье 50
ячник (-невик) 50
ячный 50

Условные сокращения

БАН – Библиотека Академии Наук СССР. Л.
ВЯ – Журнал "Вопросы языкознания". М.
ГБЛ – Государственная библиотека им. В.И. Ленина. М.
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л.
ИРЯ – Институт русского языка АН СССР. М.
ЛО ИЯ – Институт языкознания (Ленинградское отделение).
ОР – Отдел рукописей.
РР – Журнал "Русская речь". М.
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов. М.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ИЯ АН СС

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редакторов 3

КРИТЕРИИ ВЫЧЛЕНЕНИЯ И АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ СОВОКУПНОСТЕЙ

Лукина Г.Н. О признаках отдельных групп и подгрупп древнерусской лексики (XI–XIV вв.) 12

Судаков Г.В. Критерии выделения и особенности организации лексических групп 23

Астахина Л.Ю. Семантические и словообразовательные аспекты изучения тематической группы 34

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СОВОКУПНОСТИ, ИХ ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Колесов В.В. Дом и двор в древнерусских текстах XI–XVI вв. 55

Одинцов Г.Ф. Два вида лексико-фразеологических групп в связи с историей названий оружия в русском языке . . . 88

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП ЛЕКСИКИ

Смолицкая Г.П. Об особенностях одной тематической группы лексики русского языка до XVIII в. 95

Русосова Л.П. Группа наименований небесных тел Солнечной системы в русском языке XI–XVII вв. 110

Дерягин В.Я. Древнейшие термины русского права 124

Полынская М.Н. К истории названий мехов в русском языке (на материале таможенных книг XVII в.) 136

Шеина Н.В. Гипергипонимические отношения в группе наименований трав 142

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ С ОБЩИМ МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ПРИЗНАКОМ

Волков С.С., Зиновьева Е.И. Глаголы речевого взаимодействия и контакта в публицистике второй половины XVI в. . . 149

Железнова Р.В. Имена существительные с суффиксом -ець (-ьць) со значением лица в древнерусском литературном языке XI–XIV вв. 169

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ 182

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 193

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII вв.

Темплан Института русского языка АН СССР 1988 г.

Подписано в печать 22/VI · 89г

Формат 60×90 1/16 Печ. л. 12,5

Тираж 500 экз. Заказ № 38

Цена 1р50к

Типография МГПИ им. В.И. Ленина

1 руб. 50 коп.